



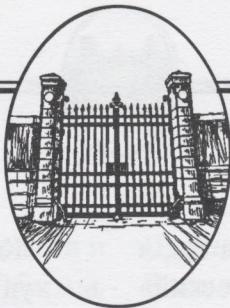
НОВАЯ ПОЛЬША 2/1999

Содержание

1. Что было в домике лесника, а что в камышах
2. Диалог необходим
3. Железного занавеса не будет
4. О форуме в Крынице
5. Неизвестная война
6. Оплошнсть и обида
7. Как открыть зонтик
8. Хроника (некоторых) текущих событий
9. Так ли надо защищать меньшинства?
10. Живопись и графика
11. Стрший брат, дочь или мать
12. Сто в одной барже (не считая коз)
13. Стихотворения
14. Скалъпель языка
15. Поэзия польских шестидесятников
16. Критик милостью божией
17. Мой путь в мир
18. Четыре вопроса и четыре ответа Ежи Гrotovского
19. Русский гений жертвоприношения
20. Всё устроено, всё кончено
21. Vaclav Serowevskiy и его труд о якутской культуре
22. Варшавское метро в Москве
23. Обзор литературной печати
24. Calcium bromatum

Виктор Кулерский

Что было в домике лесника, а что в камышах



Виктор Куллерский

ЧТО БЫЛО В ДОМИКЕ ЛЕСНИКА, А ЧТО В КАМЫШАХ

Виктор Куллерский родился в 1935 году в г. Грудзенде. Учитель, выпускник Люблинского Католического университета. С 1976 года работал в конспиративных структурах КОРа а, после августа 1980 года — в „Солидарности”. С июня 1989 по сентябрь 1991 года — депутат Сейма РП; в сентябре Тадеуш Мазовецкий назначил его на пост статс-секретаря в Министерстве народного образования. Был президентом Фонда „Просвещение для демократии”.

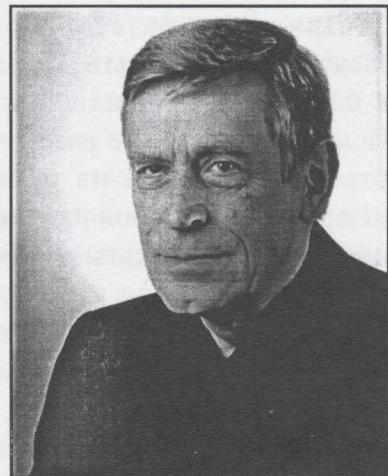


Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ

Содержимое небольшого узелка, с которым отец вернулся из тюрьмы, составляли: алюминиевая миска (для тюремной баланды) и алюминиевая ложка; потрескавшийся окаменелый кубик, выпеченный из черного хлеба и отполированный при ежедневном розыгрыше неравных хлебных паек; восемь отшлифованных иголок, сделанных из самых твердых спичек; клубок ниток, искусно сплетенных из волокон неизвестного происхождения; тоже облепленное засохшим хлебом шильце, сантиметровое острие которого было защищено колпачком из трехгранной кости трески; ножичек длиной три с половиной сантиметра из обрезка жестянки, найденной на прогулочном дворе; и, наконец, самая крупная и ценная вещь — 850-

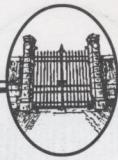
страничный том в тонком коричневом коленкоре с вытисненными белыми буквами «*Избранное*» и золотом — *Константин Паустовский, издательство «Советский писатель», Москва, 1953.*

До ареста (в 1948-м) мой отец русского языка не знал, но по окончании трехлетнего следствия его посадили в одну камеру с Тадеушем Штурм де Штремом¹, где «через некоторое время они начали обучать друг друга иностранным языкам: Куллерский² обучал

¹ ШТУРМ ДЕ ШТРЕМ Тадеуш (1892-1968) — статистик, деятель Польской социалистической партии с 1912, легионер I Мировой войны, политзаключенный в 1946-1952.

² КУЛЛЕРСКИЙ Витольд (1914-1997) — издатель, деятель Польского строництва людового (крестьянской партии), член Национального совета (временной замены Сейма) Польской Республики в Лондоне во время II Мировой войны, политзаключенный в 1948-1956.

Все, выделенное курсивом, — по-русски в тексте. — Пер.



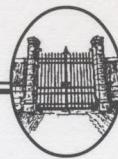
Штурм де Штрема английскому, а тот, в свою очередь, преподавал ему русский» (Артур Лейнванд. Тадеуш Штурм де Штрем. Варшава, Государственное научное издательство, 1987, с.160). После приговора к 12 годам, конфискации имущества и лишению гражданских прав за «шпионаж по заданию американской и британской разведок» отца из Мокотовской тюрьмы в Варшаве перевели в централ, во Вронки под Познанью. Польские тюремные власти не посмели ответить отказом на поразительное заявление с просьбой разрешить купить, передать и держать в камере книгу советского писателя, изданную в Москве. Вот как вместо луковицы или куска сала — того, что заключенный мог иногда купить за небольшие деньги, переданные семьей, — был приобретен этот том Паустовского. Вместе с миской, ложкой и старательно запрятанными прочими мелочами том Паустовского переезжал из камеры в камеру и в 1956 г. дождался амнистии, чтобы в конце концов оказаться в тряпочном узелке, выйти из тюрьмы и вместе с владельцем вернуться домой. Дома отец по-прежнему ел алюминиевой ложкой из алюминиевой миски, которую затем старательно вымазывал хлебной коркой, собственноручно мыл и ставил на полку. После еды он погружался в Паустовского. Мама выбросила на помойку тюремную посуду только тогда, когда отец попал в больницу. Паустовский же был с отцом и в больнице. После его возвращения у нас дома появлялось все больше русских книг — «Моя страна» Пришвина, учебники грамматики, орфографический словарь и многое другое.

Когда отец был в тюрьме, я поступил в художественную школу. Наша библиотекарша должна была отчитываться в том, сколько выдано книг советских авторов, а мы — в том, сколько этих книг взяли в библиотеке. Поэтому советскую литературу брали больше всего, но не особенно читали. Несколько дней книги пролеживали где-нибудь дома, а потом мы их относили. Лишь попозже первым советским бестселлером стали «Рассказы о Ленине» Михаила Зощенко: мы обнаружили в них откровенную насмешку надо всем, к чему обязаны были относиться со смертельной серьезностью — под угрозой вылететь из школы, что, кстати, и случилось со мной сразу после памятного 5 марта 1953 года, незадолго до аттестата зрелости. Мы были вынуждены учить русский язык и читать книги советских авторов, но терпели мы это с величайшей неприязнью и даже враждебностью. Однако это не отбивало охоты у нашей библиотекарши: неизменно старательно она выбирала для нас нежеланные книги, просматривала перед выдачей, иногда меняла решение и предлагала книгу другого автора. Это удивляло — сначала смешило, потом интриговало. Из любопытства я начал просматривать книги и в конце концов читать. Максим Горький, Александр Бек, Виктор Некрасов, Вячеслав Шишков, Михаил Пришвин и, наконец, Константин Паустовский. Это было самое большое открытие. Я не имел ни малейшего понятия, что в то же самое время это открытие сделал мой отец в тюрьме, и не знал, что именно там, ничем и никем не понуждаемый, он читал Паустовского в оригинале, добровольно изучая тот самый



язык, который я по своей, хоть отчасти и всеобщей, глупости отвергал. Оба мы, ничего не зная друг о друге, странствовали по Мещерскому краю, Кара-Бугазу, болотистым лесам Колхиды, Аланским островам, Петрограду и Ленинграду. Именно там я впервые ясно увидел ту неуловимую и в то же время столь хорошо ощущимую тень, таящуюся между строк, которая маячила и в книгах многих других советских писателей, открытых мною уже после школы. К сожалению, я уже не помню, как звали ту тихую, скромную и в высшей степени снисходительную пожилую даму, сероглазую библиотекаршу, которой я так многим обязан и которую тогда недооценивал. Благодаря ей я не проникся отвращением к советской литературе ни тогда, когда читал — по школьной программе — о Павке Корчагине, ни тогда, когда, пытаясь зарабатывать на жизнь, делал обложки к «производственным романам» типа «Айсолтан в стране белого солнца» (о колхознице-ударнице — сборщице хлопка) и соцреалистические иллюстрации к «Повести о настоящем человеке». Две книги Леонида Соловьева о Ходже Насреддине, которые сопровождали меня в многомесячных энтомологических экспедициях, когда я работал рисовальщиком и препаратором в Институте зоологии Польской Академии наук, настолько истрепались, что пришлось отдать их в переплет, благодаря чему они сохранились и по сей день. Постепенно, с годами происходили всё новые, вызывающие восхищение встречи — Исаак Бабель, Андрей Платонов, Юрий Тынянов, Владимир Солоухин, Юрий Бондарев, Юрий Нагибин, Василий

Шукшин, Гавриил Троепольский, Василий Белов, Юрий Трифонов, Валентин Распутин, Василий Быков, Сергей Залыгин, Владимир Тендряков, Наташ Эйдельман, Булат Окуджава, Эффенди Капиев, Фазиль Искандер, Чингиз Айтматов... Кто из них оставил самое сильное впечатление, кто остался в сердце? Платонов? Трифонов? Тынянов? Айтматов? Выбрать трудно... Вопреки тому, что может показаться, взяться за чтение этих книг было нелегко, за исключением таких сенсаций и бестселлеров, какими были первые рассказы Александра Солженицына, изданные в 1963 г., и Бориса Пастернака — десятью годами позже, «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, не говоря о контрабандных «Докторе Живаго», «Раковом корпусе», «Архипелаге ГУЛАГ»... Недоверие, сохранившееся со времен соцреализма, и лавина ничтожной пропагандистской литературы и официозных рецензий не облегчали выбора. Заслуживающими доверия журналами, которые иногда обращали внимание читателя на переводы наиболее достойных советских авторов, были католические издания — «Тыгодник повешнныи», «Знак» и «Вензь». Поэтому приходилось часто заглядывать в книжные магазины, перелистывать новинки и доверяться собственным догадкам. Новооткрытого советского писателя рекомендовали друзьям и знакомым. В одной книге сохранилась записка от моего лучшего школьного друга: «Кулер! Ты уже знаешь, что в домике лесника, прочитай теперь, что в камышах. Болек. 17.XII.1970». «В домике лесника» и «В камышах» — так



назывались два только что изданных сборника рассказов Нагибина. Его-то мы тогда и «открывали». Через 11 лет в Польше было объявлено военное положение. Болек потерял надежду. Он был убежден, что все снова оказалось впустую, что нас ждут еще долгие годы того же самого, что, казалось, уже осталось позади! Он не мог этого вынести. Он ушел от нас один, по своей воле, навсегда.

В те времена, когда в Польшу еще не дошли книги Солженицына, тайно привозимые от Гедройца из Парижа, и еще не наступил расцвет подпольных издательств («Нова», «Кронг» и др.), именно советские писатели, которым удалось отвести бдительный взгляд отечественных цензоров — в результате чего польские цензоры не смели в них усомниться, — были для нас «светом во тьме», светом, который, на удивление, начал светить из самой сердцевины советской имерии. Правда, они писали «эзоповым языком», но этот язык был хорошо понятен и внятен во всех бараках лагеря. И именно здесь, в Польше, эта литература играла роль, пожалуй, еще более важную, чем в самом СССР: она пробуждала чувство общности, подавляла ненависть к народу, который, как становилось ясно, подвергался угнетению дольше и сильнее, чем мы. Пятиконечная красная звезда украшала все обложки большой серии советской литературы, выходившей в варшавском Госиздате, но благодаря этим книгам русские лица освобождались от маски «советского человека», большевика, чекиста,

комиссара и образцового комсомольца. Оказывалось, там, «в Советах», живут такие же люди, как и мы, попавшие в такой же невод. Они были такими же безымянными, беззащитными и беспомощными свидетелями и жертвами, как и мы. Эта литература помогала нам тогда обрести надлежащий угол зрения: она объясняла мир, в котором нам выпало жить, возвращая человека человеку.

Часто не замечают и того, как многим мы обязаны тем нашим соотечественникам, которые не пошли самым легким и хорошо оплачиваемым путем, но пожелали и посмели искать настоящие ценности в безграничной свалке «производственных романов» и раболепной агиографии. Именно их, польских переводчиков советской литературы, таких, как Иrena Байковская, Александр Богданский, Витольд Домбровский, Анджей Дравич, Земовит Федецкий, Ежи Енджеевич, Иrena Левандовская, Марта Околув-Подгорская, Северин Полляк, Ежи Помяновский, Рене Сливовский и многие другие, нам надлежит благодарить не только за то, что они открыли нам новые (хоть одновременно и хорошо известные) земли, но и за то, что помогали сдерживать наши обиды, предотвратили многие предрассудки, а нередко наверняка и смели слепую ненависть. И если что-то из эпохи, бесславно отошедшей в безвозвратное прошлое, не должно исчезнуть вместе с ней, то это прежде всего литература, та истинная литература, которая светится человеческим страданием, застывшим в янтаре слова.

Ежи Клочовский

Диалог необходим



Ежи Ключовский

ДИАЛОГ НЕОБХОДИМ

Проф. Ежи Ключовский – председатель польского Комитета ЮНЕСКО, создатель и директор Института Центральной и Восточной Европы Католического люблинского университета. Историк. Был участником Варшавского восстания в 1944 году.

Серьезный многоплановый польско-российский диалог на всевозможных уровнях представляется сегодня необходимым и срочным с любой точки зрения. Можно было бы назвать целый ряд возможностей и общих интересов, в том числе проблему безопасности в Европе, полную стабилизацию, в особенности, в Центрально-Восточной Европе, имеющих существенное значение как для россиян, так и для поляков. Конечно, это вопрос не только правительств, но и широкого общественного мнения обеих сторон. Забота о лучшем познании и понимании позиции другой стороны всегда является первоочередным вопросом, на практике же он выглядит несомненно по-разному.

Здесь мне хотелось бы затронуть только одну проблему, а именно проблему диалога и сотрудничества историков, которая в перспективе может иметь фундаментальное значение для наших взаимоотношений. Для всех, кто хоть немного знаком с этой темой, очевидно, что то, как мы сегодня видим друг друга и как мы видим историю наших стран, обременено огромным историческим багажом. Речь идет, по сути, об интерпретации истории наших стран с раннего средневековья до последнего времени, но также и об огромном количестве издавна существующих стереотипов, оценок и даже просто мифов и предрассудков. Спокойная деловая дискуссия и интенсивное сотрудничество, запланированное на многие годы вперед, обращение обеих сторон как к источникам, так и к историографическим традициям, оцениваемым критически и с определенного расстояния, несомненно принесли бы плоды. И как всегда в таких ситуациях, обширное сопоставление неоднократно противоречивых позиций, подтвержденных документами, было бы шагом вперед и одновременно поощряло бы к дальнейшим исследованиям. Конечно, основным требованием является обеспечение максимальной независимости от текущей политики,



Фото NOWE KSIĄŻKI



отвержение любых попыток легкой инструментализации с какой-либо стороны. Необходима также добрая воля каждого участника встреч и совместных работ, желание понять партнеров и исторические ситуации, являющиеся предметом общей заинтересованности.

С польско-российской историей исключительно тесно связана также история трех ныне независимых стран: Беларуси, Литвы и Украины. Это трудная и во многом дискуссионная история как для историков в каждой из этих трех стран, потому что они ее видят по-разному, так и для польских и российских историков. Вместе с тем она имеет большое значение для исторических российско-российских и польско-польских дискуссий, которые в какой-то мере соответствуют историографическим белорусско-белорусским, литовско-литовским и украинско-украинским дискуссиям. На протяжении всей нашей истории эта проблематика была очень тесно взаимосвязана. В этом контексте нельзя забывать об еще одной, весьма существенной составной части истории территорий в нынешних государственных границах Беларуси, Литвы, Польши и Украины: с XVI века вплоть до драматических лет Второй мировой войны именно здесь находилось самое многочисленное скопление еврейского населения. В результате этого трудную историю евреев нужно рассматривать в полном контексте преобразований, происходящих в этих историко-географических рамках. Нельзя также забывать об очень важном для этих территорий многовековом, вплоть до 1945 года, присутствии немцев со всеми его последствиями. В итоге перед нами чрезвычайно сложная область исследований, которую часто представляют диаметрально противоположно, а иногда вообще обходят молчанием, потому что она слишком трудна для общего синтеза.

Исторический польско-российский диалог нужно было бы, вероятно, с самого начала расширить, подключая к нему, в первую очередь, белорусских, литовских и украинских историков, а в более далекой перспективе также еврейских и немецких. Несомненно было бы целесообразно участие историков из всех стран Центрально-Восточной Европы.

Международное и межконфессиональное сотрудничество историков в течение XX века продвинулось далеко вперед, и для трудных заданий, которые мы ставим перед собой, было бы поучительно взглянуть на самые интересные результаты и опыт. Здесь можно привести пример очень трудного сначала французско-немецкого сотрудничества или сотрудничества католических и протестантских историков в области истории христианства.

В 20-ые годы в Центральной и Восточной Европе были предприняты интересные попытки международного сотрудничества, причем вначале рассчитывали также на конкретное участие российских и других историков из бывшего Советского Союза. К сожалению, этому помешало сопротивление советских властей и катастрофа российской историографии и историографии других народов в Советском Союзе. После 1945 года глубокий политico-идеологический контроль не позволял, вопреки видимости, развивать сотрудничество совершенно независимых историков, хотя иногда происходили подлинные встречи людей и были настоящие достижения в областях, которыми меньше интересовался партийно-правительственный и контрольно-репрессивный аппарат. Объективная разработка истории историографии в советско-коммунистический период в наших странах



это, несомненно, очень важное исследовательское задание, в котором польским и российским историкам предстоит сыграть, наряду с другими, весьма существенную роль.

После 1989-1991 годов в нашем регионе были предприняты инициативы по сотрудничеству историков. Перед польскими историками встало, в частности, задание наладить сотрудничество со всеми соседями; после 1989 года изменились буквально все соседние государства, в результате чего политика и общественное мнение в Польше оказались в новом положении и перед новыми вызовами. Большие успехи были достигнуты на трудном польско-немецком участке. Что касается перспективного сотрудничества с российскими историками, то особого внимания заслуживают две инициативы.

Первая - это белорусско-литовско-польско-украинское сотрудничество в области истории четырех стран, в результате которого будет опубликована, сначала на польском языке, история Беларуси, Литвы, Польши и Украины, что будет в любом случае новой попыткой представить историю своей страны. Научная цель этой коллективной работы – это прежде всего, начать подлинно международную дискуссию. Серьезная дискуссия с российскими исследователями могла бы, несомненно, быть хорошей отправной точкой для дальнейших совместных работ в области сравнительной, глубоко гуманистической историографии. Особый нажим на понимание людей, культур, общественного сознания и гражданских прав станет исходной генеральной предпосылкой заданий, в которых важное место займет критическая оценка прежних историографических толкований в различных традициях.

Вторая – это попытка представить историю Центрально-Восточной Европы с учетом истории Беларуси, Литвы и Украины. Работа должна быть опубликована в 2000-2001 гг. одновременно в серии *Nouvelle Clio* в Париже, в издательстве Presses Universitaires de France и в польской версии в Институте Центрально-Восточной Европы в Люблине. Эта работа будет подготовлена небольшой международной группой историков под редакцией Ежи Ключевского; хотелось бы выразить надежду, что она будет предметом серьезной международной дискуссии историков. Одной из целей этого издания и такой необходимой дискуссии является новое, полное представление истории Европы с учетом истории стран, расположенных между Германией и Россией. Обсуждение всей концепции такого подхода, неоднократно спорного в силу различных обстоятельств, с широким участием российских историков является, насколько можно судить, постулатом совершенно необходимым и для научных целей, и для – о чем мы всегда помним – реального улучшения взаимоотношений между людьми и между нашими странами.

Одним из проявлений международного сотрудничества историков в течение последних десятилетий являются, как правило, двухсторонние комиссии по оценке школьных учебников. Покровительство ЮНЕСКО над многочисленными инициативами в этой области свидетельствует о значении, придаваемом именно этой проблеме, как фактору укрепления мира в человеческих умах. Польский опыт в этой области особенно богат и имеет большое значение для польско-немецких, а в последние годы и для польско-белорусских, польско-литовских и польско-украинских отношений. Такая эффективная,



действительно хорошо и четко работающая польско-российская комиссия еще не действует, несмотря на существующее долгосрочное сотрудничество исследователей.

Сегодня в ЮНЕСКО в рамках предложения «цивилизации мира» в качестве программы для всех стран в XXI веке появилась отчетливая необходимость значительно расширить и углубить существующее сотрудничество в области учебников, которое впрочем, полностью сохраняет свою злободневность. Речь идет о создании формы реального регионального сотрудничества историков, в первую очередь, из соседних стран. В этой области в мире почти повсеместно можно обнаружить скрытые или явные конфликты, иногда проблемы многовековой давности, которые при благоприятных обстоятельствах вспыхивают как бы неожиданно. Историческое распознавание таких ситуаций совершенно необходимо прежде всего, для того, чтобы их уловить и понять. Убедить многих представителей дисциплин, только наблюдающих современность, в том, что они познали реальное положение дел без учета того, что происходило в течение длительного исторического периода, было иллюзией. При этом многостороннее сотрудничество историков из большего количества стран облегчает более широкое, а потому и более объективное видение явлений. Очень ценные результаты дает в таком случае хороший, разумно применяемый сравнительный метод.

Совместная комиссия ЮНЕСКО и Международного комитета по историческим наукам развернула под моим руководством работу с осени 1998 года. Встречи, посвященные Центрально-Восточной Европе – в особенности, четырехстороннему сотрудничеству белорусских, литовских, польских и украинских историков, а также Африке на юг от Сахары – дали первые результаты; будем надеяться, что первые опубликованные материалы послужат примером для подобных инициатив на всех континентах, в особенности, там, где тлятся глубокие конфликты, угрожающие вспышками.

Польско-российский диалог и сотрудничество с участием историков, которым по разным причинам, бесспорно, полагается ключевое место на такой встрече – ведь Беларусь, Литва и Украина просто-напросто должны быть его полноправными участниками! – могут осуществляться в рамках такого мирового и вместе с тем научного мероприятия, которое в очень важных пунктах служит также делу мира. Вместе с тем несмотря на все трудности, несмотря на большие и все еще актуальные противоречия, видны основания для организации такой встречи и, по крайней, мере лучшего понимания занимаемых позиций. Непременным условием будущего сотрудничества представляется решительное отвержение варварства тоталитаризма XX века, от которого наиболее сильно и глубоко пострадали все без исключения страны, которые должны быть главными партнерами такого диалога. Это предвещает также лучшее взаимопонимание людей и обществ, которые были подвергнуты таким тяжелым испытаниям. Извлечение историками определенной общности драматических человеческих судеб было бы важным фактором встречи и реального диалога. Именно такие встречи происходили в последние годы и десятилетия, а сегодня о них нужно напомнить и показать, как традицию, к которой во всей полноте сможет обратиться наш будущий, по-настоящему человеческий диалог и сотрудничество.

Ежи Редлих

Железного занавеса не будет



Ежи Редлих

ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА НЕ БУДЕТ

Польский горный курорт Крыница вот уже девятый раз гостил бизнесменов, государственных деятелей и политиков одиннадцати стран Центральной и Восточной Европы. В работе состоявшегося в сентябре с.г. экономического форума «Польша – Восток» впервые приняли участие представители Армении, Молдовы и Словакии. 900 участников форума делились опытом своих стран в переводе экономики на рыночные рельсы, обсуждали возможности оживления экономического сотрудничества стран этого региона как друг с другом и, так и - или даже главным образом - с Польшей. Представители Польши - президент Александр Квасьневский, маршал сейма Мачей Плажиньский, премьер-министр Ежи Бузек, министры – единодушно подчеркивали, насколько важен для Польши торговый обмен и дальнейшее развитие экономических отношений со странами Восточной Европы.

Увы, действительность показывает другое. Польский экспорт в Россию сократился за год на три четверти. Особенно резко (почти в пять раз) снизились поставки сельхозпродукции: их стоимость не достигает даже ста миллионов долларов. Уменьшился также, хотя и не в такой степени, (на 58 процентов) польский экспорт в другие страны бывшего СССР.

Какова причина этого спада? Польские политики и бизнесмены считают, что виноват прошлогодний российский кризис, который польские товары, в частности продовольственные продукты, сделал неконкурентоспособными по сравнению с западноевропейскими, пользуясь со стороны своих государств значительными дотациями. Представители России указывают на другую причину. Замминистра госимущества РФ Сергей Моложавый отметил, что после кризиса отечественные российские продукты подешевели, и в последнее время они вытесняют с рынка польские продукты. Так что польские производители, если они хотят удержаться на российском рынке, должны находить на нем новые ниши, например, участвовать в приватизации мелких и средних предприятий. Вину за сокращение товарооборота между Россией и Польшей несет, прежде всего, польская сторона, - заявил на форуме представитель Минторга РФ Николай Захматов. Препятствуя, например, импорту из России угля за несколько миллионов долларов, польское правительство, одновременно, затрудняет польским производителям сбыт сельхозпродуктов. Стало быть, российский Минторг увязывает два различных вида товарообмена, что представляется сомнительным с точки зрения свободной торговли и противоречит заверениям того



Фото Marcin Smulczyński

Ежи Редлих (1931) – журналист и публицист, многолетний корреспондент польской печати и телевидения в Москве, сотрудник радиостанции „Свобода“. Автор книг и документальных фильмов о России.



ЛЕПОЛЬД УНГЕР

Знаменитый публицист, обозреватель брюссельского журнала «Le Soir» побывал на Хозяйственном Форуме «Польша и Восток» в Крынице и так пишет о нем в «Газете выборчей» от 7 сентября:

«Перед сотнями участников форума из Польши, России и других стран бывшего советского блока выступили в роли докладчиков: президент Польши, председатель парламента, глава правительства, его заместитель, генеральный директор Госбанка и целая стая польских министров – словом, галерея лиц, хорошо известных охотникам за хорошиими и скверными новостями, передаваемыми по местному и заграничному телевидению.

Крыницкий форум – это лучший из доселе известных

же Николая Захматова о готовности российской стороны выработать такую модель экономического сотрудничества с Польшей, которая могла бы стать образцом для других стран.

Сkeptицизм относительно перспектив польско-российского взаимодействия выразил участвовавший в Форуме депутат Думы, известный правозащитник Сергей Ковалев. Соседи России, - сказал он, - не хотят расширять связи с нами, так как у них все еще живы исторические опасения по поводу российского господства. В то же время Ковалев предостерегал от экономической и политической изоляции России. Россия осталась за порогом общеевропейского дома, и виноваты в этом обе стороны; вопреки своим собственным интересам Европа сделала мало для того, чтобы помочь демократизации России, - заметил Ковалев.

Интеграция стран Центральной и Восточной Европы с Евросоюзом предполагает их разделение на те, у которых больше шансов вступить в ЕС и те, у которых таких шансов пока нет. Обратил на это внимание участников форума вице-премьер Словакии Иван Миклош. Различия между обеими группами стран могут со временем углубляться, и, в результате, может появиться новый железный занавес, на сей раз экономический. Это могло бы привести к неприятным последствиям для таких стран, как Словакия, которая 90 процентов своего экспорта реализует в странах Евросоюза и примыкающих к нему.

Против подобных опасений возразил премьер-министр Польши Ежи Бузек. Выступая в заключение крыницкого форума, Бузек определил принцип, которым руководствуется Польша: интеграция с европейскими структурами ни в коей мере не должна воспрепятствовать развитию ее отношений с соседями, которые останутся вне ЕС. По мнению польского премьера, интеграция с Евросоюзом может даже способствовать ускоренному развитию приграничных районов на востоке Польши, что, в свою очередь, создаст совместное экономическое пространство этих земель и

приграничных районов стран-соседей. Более того, сотрудничество с Россией, Украиной, Литвой, Белоруссией и другими странами Востока - это козырь, который может иметь решающее значение для позиции Польши в Евросоюзе. Если оно будет успешно развиваться, то Польша может оказать значительное влияние на формирование восточной политики всего Евросоюза.

Как премьер Ежи Бузек, так и министр экономики Януш Штайхоф уверяли, что Польша, внешнеторговый дефицит которой достиг 14 миллиардов долларов, сделает все возможное для того, чтобы снизить этот дефицит за счет развертывания экономических отношений с сопредельными восточными странами.



Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ

Открытие Форума. Сидят справа налево: М.Плажиньский, А.Квасьевский, Т. Мазовецкий, З. Бердыховский.



Кстати, именно ослабление контактов с этими странами и стало одной из веских причин дефицита в Польше.

Зарубежные гости получили исчерпывающую информацию о том, что происходит в экономической жизни Польши. С интересом было, в частности, принято сообщение польского министра госказны Эмиля Вонсача о ходе приватизации. Поступления от нее в нынешнем году планировались в размере 15 миллиардов злотых (то есть около 3,7 миллиарда долларов), и этот план будет, вероятно, перевыполнен. В этом году будет доведена до конца приватизация двух крупнейших государственных структур: страховой и нефтяной.

На форуме в Крынице официально никакие контракты не заключались, хотя и не исключено, что впоследствии итогом подобных встреч бизнесменов разных стран могут быть деловые соглашения. Личные знакомства, многие из которых зародились здесь, на форуме, могут оказаться весьма плодотворными. Организатор форума, депутат Сейма от правых сил Зыгмунт Бердыховский, сказал: «Я никому в бумаги не заглядываю, но не сомневаюсь, что в ходе встречи в Крынице рождаются контракты на гигантские суммы». Возможно, так оно и есть. Но главное то, что Крыница - это единственный форум, на котором в деловой, но неофициальной обстановке обсуждаются общие и частные вопросы экономического сотрудничества стран, сбросивших путы тоталитаризма.

инструментов того, что зовут (обычно с укором) восточной политикой Польши. Некоторые из докладчиков, как с трибуны, так в кулуарах утверждали, что участие Польши в НАТО и в Евросоюзе равняется воздвижению новых стен, делящих Европу. Крыницкий форум доказывает нечто противоположное; именно сейчас Польша ставит в распоряжение стран за этой «стеной» все то, чему она сама научилась о длительном, но – по возможности – наименее изнуряющим откапыванию туннеля, в который загнали эти страны разные виды все той же диктатуры .(…)

Форум, хоть он и экономический, явился одновременно уроком политики: учит, как вести себя на пороге нового тысячелетия так, чтобы иметь право на ведущую роль в этом регионе и скорее получить пропуск на Запад. Конечно, если есть такое желание.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛЬШИ

	1989 г.	1998 г.
Национальный продукт брутто на душу населения в долларах США	2 152,8	3 654,3
Удельный вес государственного сектора в создании национального продукта брутто в %	58,7	22,4
Удельный вес негосударственного сектора (частные, кооперативные, муниципальные и др. предприятия) в создании национального продукта брутто в %	41,3	77,6
Удельный вес занятых в государственном секторе к общей занятности в %	52,1	30,9
Удельный вес занятых в частном секторе к общей занятности в %	47,9	69,1
Число бастовавших в тыс. человек	116	17

Леопольд Унгер

О форуме в Крынице



ЛЕПОЛЬД УНГЕР

Знаменитый публицист, обозреватель брюссельского журнала «Le Soir» побывал на Хозяйственном Форуме «Польша и Восток» в Крынице и так пишет о нем в «Газете выборчей» от 7 сентября:

«Перед сотнями участников форума из Польши, России и других стран бывшего советского блока выступили в роли докладчиков: президент Польши, председатель парламента, глава правительства, его заместитель, генеральный директор Госбанка и целая стая польских министров – словом, галерея лиц, хорошо известных охотникам за хорошими и скверными новостями, передаваемыми по местному и заграничному телевидению.

Крыницкий форум – это лучший из доселе известных

же Николая Захматова о готовности российской стороны выработать такую модель экономического сотрудничества с Польшей, которая могла бы стать образцом для других стран.

Сkeptицизм относительно перспектив польско-российского взаимодействия выразил участвовавший в Форуме депутат Думы, известный правозащитник Сергей Ковалев. Соседи России, - сказал он, - не хотят расширять связи с нами, так как у них все еще живы исторические опасения по поводу российского господства. В то же время Ковалев предостерегал от экономической и политической изоляции России. Россия осталась за порогом общеевропейского дома, и виноваты в этом обе стороны; вопреки своим собственным интересам Европа сделала мало для того, чтобы помочь демократизации России, - заметил Ковалев.

Интеграция стран Центральной и Восточной Европы с Евросоюзом предполагает их разделение на те, у которых больше шансов вступить в ЕС и те, у которых таких шансов пока нет. Обратил на это внимание участников форума вице-премьер Словакии Иван Миклош. Различия между обеими группами стран могут со временем углубляться, и, в результате, может появиться новый железный занавес, на сей раз экономический. Это могло бы привести к неприятным последствиям для таких стран, как Словакия, которая 90 процентов своего экспорта реализует в странах Евросоюза и примыкающих к нему.

Против подобных опасений возразил премьер-министр Польши Ежи Бузек. Выступая в заключение крыницкого форума, Бузек определил принцип, которым руководствуется Польша: интеграция с европейскими структурами ни в коей мере не должна воспрепятствовать развитию ее отношений с соседями, которые останутся вне ЕС. По мнению польского премьера, интеграция с Евросоюзом может даже способствовать ускоренному развитию приграничных районов на востоке Польши, что, в свою очередь, создаст совместное экономическое пространство этих земель и

приграничных районов стран-соседей. Более того, сотрудничество с Россией, Украиной, Литвой, Белоруссией и другими странами Востока - это козырь, который может иметь решающее значение для позиции Польши в Евросоюзе. Если оно будет успешно развиваться, то Польша может оказать значительное влияние на формирование восточной политики всего Евросоюза.

Как премьер Ежи Бузек, так и министр экономики Януш Штайхоф уверяли, что Польша, внешнеторговый дефицит которой достиг 14 миллиардов долларов, сделает все возможное для того, чтобы снизить этот дефицит за счет развертывания экономических отношений с сопредельными восточными странами.



Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ

Открытие Форума. Сидят справа налево: М.Плажиньский, А.Квасьевский, Т. Мазовецкий, З. Бердыховский.



Кстати, именно ослабление контактов с этими странами и стало одной из веских причин дефицита в Польше.

Зарубежные гости получили исчерпывающую информацию о том, что происходит в экономической жизни Польши. С интересом было, в частности, принято сообщение польского министра госказны Эмиля Вонсача о ходе приватизации. Поступления от нее в нынешнем году планировались в размере 15 миллиардов злотых (то есть около 3,7 миллиарда долларов), и этот план будет, вероятно, перевыполнен. В этом году будет доведена до конца приватизация двух крупнейших государственных структур: страховой и нефтяной.

На форуме в Крынице официально никакие контракты не заключались, хотя и не исключено, что впоследствии итогом подобных встреч бизнесменов разных стран могут быть деловые соглашения. Личные знакомства, многие из которых зародились здесь, на форуме, могут оказаться весьма плодотворными. Организатор форума, депутат Сейма от правых сил Зигмунт Бердыховский, сказал: «Я никому в бумаги не заглядываю, но не сомневаюсь, что в ходе встречи в Крынице рождаются контракты на гигантские суммы». Возможно, так оно и есть. Но главное то, что Крыница - это единственный форум, на котором в деловой, но неофициальной обстановке обсуждаются общие и частные вопросы экономического сотрудничества стран, сбросивших путы тоталитаризма.

инструментов того, что зовут (обычно с укором) восточной политикой Польши. Некоторые из докладчиков, как с трибуны, так в кулуарах утверждали, что участие Польши в НАТО и в Евросоюзе равняется воздвижению новых стен, делящих Европу. Крыницкий форум доказывает нечто противоположное; именно сейчас Польша ставит в распоряжение стран за этой «стеной» все то, чему она сама научилась о длительном, но – по возможности – наименее изнуряющим откапыванию туннеля, в который загнали эти страны разные виды все той же диктатуры .(…)

Форум, хоть он и экономический, явился одновременно уроком политики: учит, как вести себя на пороге нового тысячелетия так, чтобы иметь право на ведущую роль в этом регионе и скорее получить пропуск на Запад. Конечно, если есть такое желание.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛЬШИ

	1989 г.	1998 г.
Национальный продукт брутто на душу населения в долларах США	2 152,8	3 654,3
Удельный вес государственного сектора в создании национального продукта брутто в %	58,7	22,4
Удельный вес негосударственного сектора (частные, кооперативные, муниципальные и др. предприятия) в создании национального продукта брутто в %	41,3	77,6
Удельный вес занятых в государственном секторе к общей занятности в %	52,1	30,9
Удельный вес занятых в частном секторе к общей занятности в %	47,9	69,1
Число бастовавших в тыс. человек	116	17

Владимир Блинков

Неизвестная война



Владимир Блинков

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

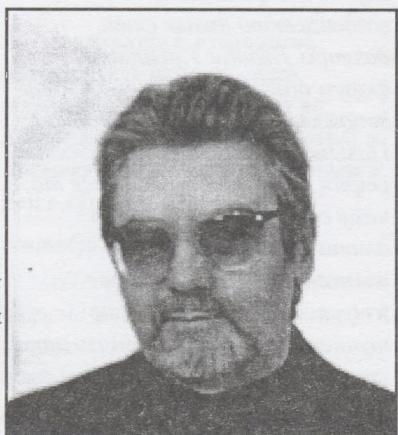


Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ

Владимир Блинков – (1945 г.) – публицист, член Союза журналистов России. После окончания факультета журналистики МГУ сотрудничал с региональными и московскими изданиями. В настоящее время живет и работает в Варшаве.

Горбачев «рассекретил» Катынь.
На очереди – правда о вторжении Красной Армии в Польшу

На днях я ошибся телефоном, и мой варшавский собеседник, учуяв российский акцент, неприязненно констатировал: «Не туда попал, товарищ!». Тут уж и во мне взыграло ретивое, и я ответил суворому абоненту, что «товарищем» никогда не был, поскольку в КПСС не состоял. Голос в трубке заметно смягчился: «Одним грехом меньше». В другой раз, разыскивая малознакомый переулок, справился у пожилой дамы, как лучше пройти, и та с иронией заметила: «Советское посольство не там». Ну и еще один факт для раздумий: в нынешней Польше на постоянной основе, с так называемой «картой стального бытута», проживает всего около 500 россиян, что на порядок меньше, чем, скажем, вьетнамцев.

В этом году польские власти выдворили из Варшавы и Гданьска полтора десятка российских бизнесменов, обвинив их в «угрозе общественному строю». И без всяких разъяснений «выдавили» из страны собкора «Правды-5» и еще пару представителей «правдивых изданий». Неуютно даже тем, кто имеет несчастье называться Владимиром – местные острословы обязательно прилепят нелюбимое «Ленин»...

А теперь – светлая сторона. Когда в Варшаву «на пару часов» выбираются Ростропович или Вишневская – а то и оба разом – поляки носят их на руках. На днях запыхавшийся председатель сеймовой Комиссии по иностранным делам Чеслав Белецкий сначала расцеловал российскую переводчицу Наталью Горбаневскую, а затем уже извинился за опоздание перед собравшимися на презентацию русскоязычного журнала «Новая Польша».

Ростропович, Горбаневская, юный музыкант Евгений Кисин – это в представлении поляков «другая Россия» – наводящая мосты, хорошо понимающая Польшу. Сверхчувствительные к любым проявлениям «империальности» и просто пренебрежительной интонации со стороны русских, поляки щедро откликаются на



проявление дружелюбия и открытости. Так что сильно ошибаются те, кто по-прежнему веруют, что и курица не птица, и Польша - не заграница. Увы, среди них не только замороченная убойной советской пропагандой «святая простота», но и вполне «ответственные лица». Свидетельством тому - недавнее «сообщение МИД РФ» (фактически, нота) по поводу событий 17 сентября 1939 года.

Тут я предлагаю сделать небольшую паузу и провести простенький эксперимент: выйти на любую улицу Москвы (Питера, Ульяновска, Урюпинска) и спросить, а что, собственно, произошло в выше поименованный день? Не я придумал эту анкету. «Когда началась Вторая мировая война?» - с таким вопросом к простым россиянам обратился социологический центр. Подавляющее большинство опрошенных ответило, что 22 июня 1941 года. О гитлеровском нашествии 1 сентября 1939 года на Польшу знают немногие. О вторжении Красной Армии спустя 17 дней на ту же территорию, только с другой стороны (поляки именуют этот военный поход «ударом в спину»), ведает «ноль сотых» процента.

А откуда знать? В школе этого «не проходят». Наиболее любознательные могут порыться в «застойной» энциклопедии (новой нет) и прочитать легенду об «освободительном походе Красной Армии в Зап. Белоруссию и Зап. Украину». От кого же освобождалась отхваченная таким образом 1/2 довоенной Польши, если в ту пору Сталин заключил договор о ненападении (23 августа 1939 года) с «лучшим другом советского народа» Гитлером?

Не случайно же генералиссимус после захвата в плен около 230 тысяч солдат Польши (с которой у СССР также был заключен договор о ненападении) 40 тысяч из них передал фашистам, а остальных «разместили» в просторном ГУЛАГе. А в «места не столь отдаленные» пошли теплушки с мирным населением. До сих пор в Казахстане проживает около 100 тысяч депортированных поляков и их семей. И «сибирская полония» тоже не мала...

По слухам «совместной с Гитлером» победы над Польшей Молотов исполнил циничный канкан - достаточно, мол, было немецкого «блицкрига», а затем «советского удара», чтобы от «ублюдка Версальского договора (то есть польского государства) не осталось ничего»...

На 60-летие начала гитлеровского нашествия, которое и ознаменовало начало самой кровопролитной за всю историю человечества Второй мировой войны, в пожарище которой были втянуты свыше 60 государств, в Польшу приехали поочередно президент ФРГ Йоханнес Рау и канцлер Герхард Шредер. Совместно с польскими руководителями посетили места героического сопротивления поляков гитлеровской орде, возложили на братские могилы цветы. Постояли в «минутах молчания», произнесли покаянные слова (надо думать, искренние).

Далеко не все гладко в германо-польских отношениях. Влиятельный и многочисленный (свыше 2 миллионов членов) немецкий «Союз изгнанных» выступает с территориально-имущественными претензиями к Польше. В свою очередь, угнанные в годы войны на принудительные работы (каждый 10-й поляк) требуют денежных компенсаций за свой рабский труд от немецких концернов. Однако есть воля к примирению с обеих сторон. А главное, немцы покаялись.



Через несколько дней поляки начали готовиться к другой годовщине - 60-летию вторжения Красной Армии в их страну. Вот тут-то их и одернули: 14 сентября появилось упомянутое выше «сообщение» российского МИД. Согласно этой версии, «действия Красной Армии были продиктованы не столько стремлением захвата чужих территорий, сколько необходимостью обеспечения безопасности СССР». Утверждения же официальной Варшавы о том, что 17 сентября 1939 года была совершена агрессия СССР против Польши, «не имеют подтверждения в международно-правовых документах и не могут быть приняты», говорится в ноте.

Согласно этой логике, огрев ни в чем не провинившегося соседа дубиной, «отец народов» действовал в «профилактических целях». Пассаж же об «отсутствии правовых документов» еще мог быть принят за чистую монету «при Брежневе». Но после него был Горбачев, который и решился передать сверхсекретные протоколы к позорному пакту Молотова - Риббентропа польской стороне. А в них - речь о разделе сфер влияния и территорий, включая Польшу и Прибалтику. Это хищничество было кое-как замаскировано кисеей дипломатических экивоков, но суть прозрачна: «взаимовыгодный» раздел.

Впрочем, катастрофические последствия «братания» с фашистской Германией признаются нынче и российскими историографами (цитирую по распространенному информационными агентствами пресс-релизу «К 60-летию советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова -Риббентропа)»:

«1/ Гитлер смог развязать Вторую мировую войну в самых благоприятных для Германии условиях, избежав на начальном ее этапе действий на два фронта;

2/ Советский Союз был не только ввергнут в положение стороннего наблюдателя, но и превратился в соучастника фашистской агрессии в Европе;

3/ Был нанесен колоссальный ущерб антифашистской борьбе, движению Сопротивления;

4/ Советский Союз оказался накануне нападения фашистской Германии 22 июня 1941 года в международной и военно-стратегической изоляции».

Механику сговора между «коричневой» и «красной» чумой поляки знали и в советские времена. А в демократические - и подавно. И можно было предугадать их реакцию на «сообщение» МИД. Она оказалась бурной. Глава дипломатического ведомства Бронислав Геремек заявил: «Историческую ложь считаю преступлением». Влиятельный сенатор Владислав Бартошевский отозвался так: «Еще немного, и окажется, что Второй мировой войны не было вообще, а была только Великая Отечественная».

А президент Александр Квасьневский перед своей поездкой в Катынь под Смоленском для возложения венков на места захоронения около 5 тысяч польских офицеров, пограничников и священнослужителей, расстрелянных НКВД, сделал заявление для печати. В нем подчеркнул, что 17 сентября 1939 года сталинский режим совершил на территорию Польши вооруженную агрессию без какого бы то ни было объявления войны, мотивируя это «воссоединением Украины и Белоруссии с СССР» и необходимостью «обеспечения безопасности своих рубежей».

Мудрому Александру Яковлеву, присутствовавшему на траурной церемонии в Катыни в качестве советника российского президента в какой-то мере удалось снять стремительно



нарастающий антагонизм. Со «вздохом облегчения» восприняли в Польше его заявление о том, что «сообщение» явилось плодом «неразумного сверхусердия» мидовских чиновников и что Борис Ельцин иного мнения о трагических событиях 60-летней давности, не расходящегося с исторической правдой. В Польше эти слова председателя Комиссии по делам репрессированных при президенте РФ, бывшего, кстати, фронтовика, процитировали все ведущие СМИ. Ведущие российские благоразумно промолчали.

А надо ли молчать? Понятно, в эти дни «бой идет не ради славы», ради мест в Госдуме. Но в нынешней России, в отличие от застойных времен, что-нибудь да происходит. Предвидится, однако, в будущем апреле еще одно событие, которое непременно всколыхнет давние фобии и обиды поляков: открытие Памятника жертвам тоталитаризма в Катыни, на котором, по предварительным сведениям, намерены присутствовать высшие руководители наших стран. Вот и повод для «момента истины».

Потом будет еще одна очень серьезная дата - 55-летие Победы над фашизмом. Кто оспорит эту победу? Кто оспорит ратный подвиг простых солдат, „Сережки с Малой Бронной и Витьки с Моховой”, не на жизнь, а на смерть бившихся с фашизмом? Их ли вина, что очищенный от нацизма «европейский дом» был осквернен тоталитаризмом сталинского образца? Справедливости ради, надо сказать, что не все поляки понимают суть и масштабы этой трагедии. Потому и необходима «правда из первых рук». Именно правда, а не ее лукавые «версии».

В апреле 1990 года президент СССР Михаил Горбачев нашел мужество признать, что НКВД расстреляло в Катыни, Козельске, Осташкове и Старобельске 14792 поляков (в дальнейшем выяснилось - около 22 тысяч). Не только пленных офицеров, но и гражданских лиц. Однако и это лишь частица правды. Спустя почти десять лет самое время реконструировать трагические страницы в полном объеме, отказавшись, в конце концов, от «сталинских интерпретаций».

P.S. В прошедшем месяце на презентации журнала «Новая Польша» присутствовал академик Александр Яковлев. Уединились с ним, поговорили. Академик считает, что под реестром упреков и взаимных обид между Польшей и Россией «пора подводить черту». В то же время он признал, что стереотипы преодолеваются нелегко. Примером тому - все то же «сообщение» МИД. По словам одного из главных «архитекторов» российской перестройки, «демоны тоталитаризма» будут преследовать нас, «вбивая клин» с соседней страной, до тех пор пока не наступит полный расчет с коммунистическим прошлым. Определенные надежды Александр Яковлев, являющийся председателем Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, связывает с приближающимися выборами в Госдуму: «Российский парламент нового созыва будет ни красным, ни розовым, а центристским, и это вселяет некоторый оптимизм».

Марина Сильвинская

Оплошность и обида



Марина Сильванская

ОПЛОШНОСТЬ И ОБИДА

Марина Сильванская – выдающийся публицист и политолог. Была еще в феврале 1989 автором доклада, написанного по поручению А.Н. Яковлева (в то время- председателя комиссии ЦК КПСС по международным вопросам), в котором доказывала, что лучшим вариантом выхода из политического кризиса в Польше является соглашение правящей партии (ПОРП) с Солидарностью, введение элементов рыночной экономики и создание условий для политического плюрализма.

* * *

...Визит Александера Квасьневского в Катынь был приурочен к 60-й годовщине события, которое в СССР называли „освободительным походом Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию” (начался 17 сентября 1939 года), а поляки именуют советской агрессией против Польши, или четвертым ее разделом.. Российский МИД заявил, что утверждения официальной Варшавы, а также некоторых ее представителей за рубежом, будто 17 сентября 1939 г. была совершена „агрессия бывшего СССР против Польши”, не имеют подтверждения в международно-правовых документах и не могут быть приняты.

Аргументация, до боли знакомая по прежним школьным учебникам и „Истории КПСС”: „... действия сталинского режима на международной арене ... были продиктованы не столько стремлением захвата чужих территорий,

сколько необходимостью обеспечения безопасности страны”.

* * *

А в целом, будто и не были доказаны существование секретных протоколов к пакту Молотова - Риббентропа и факт катынского злодеяния НКВД, будто не исследованы масштабы депортаций, арестов и расстрелов ... По-прежнему, оказывается, „дело прежде всего ученых дать объективную оценку событиям того сложного периода европейской жизни ...” Остановка давно уже не за учеными. Они свое дело сделали. Просто их выводы авторам „Сообщения” не подходят.

Демарш отечественных дипломатов отозвался в Польше гулким эхом, тем более что во Вроцлаве как раз в это время проходил конгресс польских историков. В заявлениях и пресс-конференциях недостатка не было, но без налета сенсационности: „Мы и без того знали, что Россия осталась прежней. Еще одним подтверждением стало больше”.

Журналистов интересовало главным образом, что подвигло российский МИД на этот шаг? Отдуваться в Катыни за „Сообщение” пришлось сопровождавшему Александера Квасьневского А.Н. Яковлеву - председателю президентской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Он свалил вину на чиновников и заверил: Борис Ельцин так не думает - это он, Яковлев, до подлинно знает. Вряд ли эти слова кого-то убедили. В советско-российском МИДе



рядовые служащие отродясь не формулировали политических оценок.

* * *

А мыши, хоронящие кота, меж тем спешат предвосхитить политику того, кого считают наиболее вероятным будущим хозяином Кремля.

В любом случае при осмыслении тоталитарного прошлого советской России „Сообщение” означает шаг назад, к лживым и лицемерным схемам сталинистской пропаганды. Позиция же Польши по вопросу о членстве в НАТО, на которую Яковлев сослался в комментарии „Газете Выборчей”, к нашему внутреннему делу о смыслении собственной истории - ровным счетом никакого отношения иметь не должна.

* * *

Многовековая история взаимоотношения россиян, белоруссов, украинцев и поляков полна острых конфликтов. Это своего рода цепь, где поиск виноватого и интерпретация зависят от того, какое событие или какой момент избрать исходным звеном. В советско-польских отношениях это особенно рельефно демонстрирует межвоенный период. Stalin и его окружение из партии и НКВД страдали параноидальным стремлением ликвидировать польскую государственность. Широкомасштабные репрессивные „польские операции” НКВД начались еще до сентябрьского „освободи-

тельного похода” 1939 года. После же захвата восточных польских земель число интернированных стало исчисляться сотнями тысяч, а расстрелянных по суду и бессудно - десятками тысяч. Эти злодеяния 30 - 40-х годов, ставшие национальным стигматом поляков, „Сообщение” в полном согласии со сталинистской традицией пытаются банализировать, объяснить и тем самым „запаять” порвавшееся было в на рубеже 80 и 90-х годов звено в исторической цепи конфронтационных отношений между Польшей и Россией.

Символично, что независимо от „Сообщения” в тот же день и тоже по поводу событий 17 сентября раздался голос и из российского гражданского общества. Свое заявление опубликовал „Мемориал”, уже много лет ведущий исследования по так называемой польской программе. Тысячи польских граждан обращались в это историко-просветитель-

ное и правозащитное общество с просьбой подтвердить факт пребывания в лагерях и мотивы осуждения, сообщить о судьбе погибших или пропавших без вести родных. Это и привело в свое время мемориальцев к убеждению, что проблема нуждается в серьезном и комплексном исследовании. Массовая обработка недоступных прежде архивных материалов, ведомственной статистики НКВД позволила воссоздать подлинную картину „воссоединения наций” - массового террора на захваченных

**Позиция же Польши
по вопросу о членстве
в НАТО, к нашему
внутреннему делу-
осмыслению
собственной истории -
ровным счетом
никакого отношения
иметь не должна.**



территориях, принудительной советизации, подтасовки результатов выборов и т. д. - и механизма создания „воссоединительного” лубка. Мемориальное исследование отличает объективность и тщательность, даже въедливость. Его участники не пошли на поводу у эмоций. Их кровавая „арифметика” дала существенно меньшую итоговую цифру жертв, чем та, которую сохранила польская устная традиция - не два миллиона, а около 580 тысяч - арестованных, депортированных, убитых и замученных. Сейчас, в пору страшных распрай на Северном Кавказе, мы вроде бы наконец-то начинаем считать свои жертвы по-другому, как и положено человеку - на единицы, а не сотни тысяч. Поэтому и 580 тысяч, если над этим хоть на минуту задуматься, должны предстать цифрой, находящейся за пределами представимого зла.

Мемориальцы не полемизируют с „Сообщением”, но расходятся по всем пунктам с позицией не только МИДа, но и российского президента, отказавшегося в 1993 году признать ответственность России за преступления сталинского

режима по отношению к польским гражданам. Они ставят вопрос о гражданской ответственности российского общества за злодеяния, творившиеся от имени СССР, - ответственности, от которой нельзя откликнуться даже тем, кто не несет за них личной вины. „Понятие гражданской ответственности подразумевает для „Мемориала” не столько биение себя в грудь, сколько планомерную и систематическую работу по осмыслению прошлого, а также в той степени, в которой это сегодня возможно, преодолению его последствий”. Мемориальцы не закрывают глаза ни на то, что в Польше и других соседних с нами странах сохраняются силы, эксплуатирующие тему исторической вины России в корыстных политических целях, ни на равнодушие многих наших соотечественников к трагедиям прошлого. И до тех пор, пока они, не претендую на лавры, скрупулезно воссоздают историческую правду, не позволяют ее стереть из памяти нашего народа, надежда на разрыв цепи враждебности и если не на историческое примирение, то на смягчение противоречий сохраняется.

**А мыши,
хоронящие кота,
меж тем спешат
предвосхитить по-
литику того, кого
считают наиболее
вероятным
будущим хозяином
Кремля.**

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

Станислав Козей

Как открыть зонтик



Станислав Козей

КАК ОТКРЫТЬ ЗОНТИК

Станислав Козей- генерал, директор департамента обороны Министерства вооруженных сил Польши.

Два недавних факта требуют большего внимания к ядерной стратегии на пороге XXI века. Это кашмирский конфликт между Пакистаном и Индией и новый стратегический подход России к роли ядерного оружия. По понятным причинам, проблемы эти не могут быть безразличны Польше.

В рамках Варшавского договора политico-стратегические решения в ядерной области принимались без участия поляков. В НАТО роль Польши противоположна тому, что было прежде. В рамках Варшавского договора польские вооруженные силы, в силу того, что они располагали тактическими и оперативными средствами, способными нести ядерное оружие, рассматривались как потенциальный исполнитель соответствующих задач. Сегодня у нас нет носителей этого типа оружия, однако мы в полной мерествуем в союзнической системе ядерных консультаций на высшем политico-стратегическом уровне.

Разумеется, с точки зрения Польши, принципиальное значение имеет характер политики и ядерной стратегии НАТО. В стратегической концепции союза подчеркивается, что главная цель ядерного арсенала имеет политический характер и состоит в том, чтобы предотвратить войну, удержав потенциального противника от применения насилия. В этом смысле ядерное оружие — также одно из действенных средств кризисного реагирования. Главная роль в ядерной стратегии принадлежит, безусловно, ядерным государствам, но для того, чтобы эта стратегия была эффективна, требуется широкое участие остальных членов союза, в том числе, конечно, и Польши. Каким может и должно быть это участие, какую роль мы должны играть в ядерной стратегии союза, — это, несомненно, вопрос точного анализа и стратегических разработок.

В последнее десятилетие казалось, что ядерное оружие исчезло из поля зрения аналитиков, политиков и стратегов. Его функция стратегического устрашения ушла — с окончанием холодной войны — на второй план. В центре внимания оказалась антиядерная стратегия, в частности, вопросы, связанные с противодействием неконтролируемому распространению ядерных вооружений. Однако упомянутый в начале статьи кашмирский конфликт, а также стратегия России требуют того, чтобы вновь был проявлен интерес к ядерному оружию, к возможностям и результатам его применения.

Порог риска

Можно предположить, что проведенные Индией и Пакистаном серии ядерных испытаний имели своей целью устрашить или запугать другую сторону в канун очередной эскалации конфликта в Кашмире. Однако замыслы не удались. Фактор ядерного устрашения и запугивания в данном случае не подействовал. Тем не менее война была недолгой, ее опасного разрастания не



Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ



произошло. Очевидно, тот факт, что обе стороны обладают ядерным оружием, сыграл тут существенную роль, установив своеобразный порог риска, который стороны не решились переступить.

Можно ли на этом основании сделать общий вывод, что ядерное оружие — не вполне эффективное средство устрашения и предотвращения войны между двумя сторонами, располагающими таким оружием? Или совершенно наоборот — наличие такого оружия может привести к тому, что стороны скорее схватятся за обычное оружие, чтобы разрешить политические споры? Обладание ядерным оружием уравнивает силы сторон. Опасность ядерного возмездия гарантирует от тотального поражения даже в войне с противником, который значительно сильнее во всех прочих отношениях. В мире ядерного плюрализма войны, безусловно, не станут более редким явлением, чем в прошлом. Не обязательно агрессию будет начинать более сильная сторона. Однако, быть может, эти войны не будут тотальными, неограниченными. Скорее, это будут конфликты „кашмирского типа” — малые, ограниченные, традиционные, протекающие ниже порога ядерного риска.

Ответ России

В стратегический ядерный анализ вносят новый элемент принципы российской стратегической доктрины. Напомним, что они санкционируют возможность применения ядерного оружия в ответ на атаку обычными вооружениями (а не только в качестве возмездия за ядерную атаку, как было установлено прежде) и предусматривают введение в стратегический арсенал ядерных зарядов малой мощности. Что это может означать? Россия оставляет за собой право первой нанести ядерный удар (*first use*) в ответ не только на физическую агрессию (ракетные и авиационные удары, сухопутное вторжение и т.п.), но и на агрессию информационную (выведение из строя и дезорганизация систем управления государством и командования вооруженными силами).

Таков ответ России на технологическое преимущество Запада, особенно в области так называемого точного оружия и техники информационной войны. Слабость обычных вооружений должна быть компенсирована высокой боеготовностью и эффективностью стратегического ядерного арсенала. Готовность к нанесению первого ядерного удара, несомненно — фактор устрашения, сдерживания потенциального агрессора, а значит — предотвращения войны. Причем направлено это не только — и даже не столько — против угрозы крупной агрессии запада (которой, по правде-то говоря, пожалуй, никто в России не принимает всерьез), сколько против традиционных и нетрадиционных факторов угрозы, исходящих от совершенно иных источников. Новая стратегия, снижая порог ядерного риска, делает любую войну более рискованной для потенциального обычного агрессора.

Боевое оружие

Несколько иначе следует воспринять намерение миниатюризации стратегических ядерных зарядов. Это может означать тенденцию к тому, чтобы относиться к ядерному оружию не только как к орудию политического устрашения, но также — как к оружию на поле боя. Напомним, что в начале 80-х годов преобладал тот подход, что ядерное оружие в конфронтации с ядерным противником есть, по сути, анти-оружие, поскольку его практическое применение привело бы, вследствие реторсии противной стороны, к уничтожению того, кто решил его использовать. Следовательно, такое оружие — скорее средство самоубийства, чем разумное средство выполнения



боевой задачи. А поэтому его можно рассматривать исключительно как средство устрашения и сдерживания, т.е. как средство политическое, а не боевое. Миниатюризация стратегического ядерного оружия отменяет такой подход, так как она предполагает возможность ограниченного, избирательного применения ядерного оружия.

Такая концепция, несомненно, — фактор, усиливающий стратегические активы России. Во-первых, наращивается сила устрашения. Во-вторых, появляются дополнительные козыри для возможного запугивания, принуждения к политике, соответствующей интересам России. Наконец, третье — в случае войны с неядерным противником такая концепция дает возможность одержать победу без крупномасштабного и длительного, а стало быть, дорогостоящего, привлечения обычных вооружений. Таким образом, следует отметить, что такая стратегия предоставляет России большую свободу, позволяет ей легче идти на военные решения в случае вероятной конфронтации с неядерным противником. И что важнее всего — она делает угрозу практического применения ядерного оружия и ведения ядерных войн более реальной, чем прежде. Пожалуй, мир в целом не станет более безопасным вследствие принятия Россией новой стратегии.

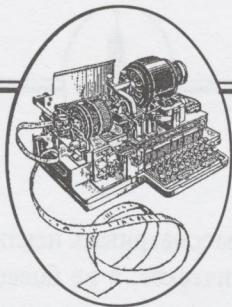
Возвращение на пороховую бочку

Миниатюризация стратегического ядерного оружия не заменит точных видов вооружений. В вероятной конфронтации с другой ядерной державой применение миниатюрных ядерных зарядов в любом случае будет трактоваться как *ядерное нападение* — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В такой ситуации стратегическое ядерное оружие малой мощности будет также только политическим средством устрашения, а не боевым оружием. Однако такое оружие привносит дополнительный риск в возможную конфронтацию между сторонами, обладающими ядерным оружием. Исток этого риска в том, что невозможно исключить соблазн: легче решиться на то, чтобы использовать миниатюрный ядерный заряд в надежде, что, быть может, другая сторона все же не ответит массированным ударом возмездия, а станет более уступчивой. Дело еще больше усложняется в случае, когда обе стороны располагают таким оружием, что вовсе не исключено. Тогда — из-за радикального снижения порога ядерного риска — угроза ядерной войны, которая может быстро и неудержимо перерасти в глобальный катаклизм, значительно возрастает.

По сути дела, мы возвращаемся к ситуации почти аналогичной той, когда европейский континент был насыщен огромным количеством тактических и оперативных ядерных средств различной, в том числе очень малой, мощности. Жить на такой ядерной пороховой бочке было отнюдь не безопасно. Было приложено немало усилий к тому, чтобы эту бочку разрядить, и, пожалуй, не самое мудрое решение — заново ее набивать, на этот раз на стратегическом уровне. В этом состоит главная опасность, вытекающая из новой ядерной стратегии России. Опасность, которую следует пристально анализировать и учитывать в собственных — союзнических и национальных — стратегических планах и концепциях.

Виктор Кулерский

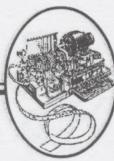
Хроника (некоторых) текущих событий



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- ◆ Незаметно дешевеют почти все идущие на продажу товары. Лимоны, сало, ветчина, кофе, масло, одежда сейчас в несколько, а то и в десятки раз дешевле, чем в 1956 году.
- ◆ Тересполь на польско-белорусской границе, насчитывающий 6 тысяч жителей, стал базой снабжения белорусского Бреста, насчитывающего около 300 тысяч жителей. Ежедневно между этими городами курсируют 6 поездов.
- ◆ “Или Лукашенко, или я” - так, согласно украинским источникам якобы заявил президент Александр Квасьневский перед встречей президентов государств балтийско-черноморского региона в Ялте 10 сентября 1999г. Украина отозвала приглашение Александру Лукашенко.
- ◆ Европейский Союз не станет покупать польской свинины, пока серологические исследования, стоимостью в 20 тысяч долларов, не подтвердят, что Польше не угрожает падеж свиней. Экспорт в Россию планируется только на начало 2000 года.
- ◆ Ослабление бюджетной политики привело к экономической катастрофе в России и в Бразилии. Нельзя сказать, что польская экономика в настоящее время способна больше противостоять кризисам, чем экономика этих стран. Реализация российского сценария все еще реальна”. (Петр Анджеевский, Станислав Янецкий, еженедельник „Впрост” от 12 сентября 1999г.).
- ◆ По мнению Центра изучения стран Востока - России не удался переход к экономике свободного рынка.
- ◆ Ян Новак-Езранский предлагает, чтобы наиболее мощные промышленные державы разработали план спасения российской экономики, и чтобы его реализация осуществлялась под надзором международных органов. (Газета ”Жечпосполита” от 28-29 августа 1999г.).
- ◆ ... “нашим реальным и историческим партнером есть, и будет Россия (...) Россия возродится (...) Одно я знаю без никаких сомнений - это то, что мы останемся соседями. И от нас зависит выбор - в дружбе мы будем жить или в ненависти. (Людвик Стомма, еженедельник „Политика” от 28 августа 1999г.).
- ◆ Из заявления МИД Российской Федерации от 14 сентября 1999 года: „Утверждение официальной Варшавы (...) о том, что 17 сентября 1939 года была совершена „агрессия бывшего СССР против Польши” не находит подтверждения в международных правовых документах и с ним нельзя согласиться”.
- ◆ Владимир Буковский: „В России каждый ребенок знает, как выглядело начало II-й мировой войны. Заявление российского МИД - вершина политической глупости, акт саморазоблачения” (на конференции „О ликвидации последствий сговора Гитлер - Сталин”).
- ◆ 16 сентября президент Польши Александр Квасьневский: „Шестьдесят лет тому назад, 17 сентября 1939 года Советский Союз (...) совершил вторжение в Польшу (...) Пусть память объединяет нас, а не делит; пусть станет основой примирения и сотрудничества”. Министр иностранных дел Бронислав Геремек: „Историческую ложь считаю преступлением”



Позиция „Мемориала”, высказанная Александром Данелем и Александром Гурьяновым: “В отличие от МИД России, мы считаем, что знак равенства между агрессией нацистской Германии и вторжением Красной армии 17 сентября 1939 года в Польшу соответствует исторической правде, международному праву и здравому смыслу”.

◆ „Я придаю большое значение нормализации польско-российских связей (...) Дело это нелегкое, но пытаться надо. - Создающаяся ныне „Новая Польша” - зародыш этого процесса (...). Главный ее редактор Помяновский, человек в высшей степени компетентный” (Ежи Гедройц: еженедельник „Политика” от 28 августа 1999г.).

◆ Президент Александр Квасьневский во время торжественной церемонии 17 сентября в Катыни, подчеркнул, что участие в ней посланца президента Бориса Ельцина Александра Яковлева свидетельствует о возможности истинного польско-российского единения. По мнению Александра Яковлева 22 тысячи польских офицеров были убиты не русскими, а русскими фашистами.

◆ О смерти Раисы Горбачевой: „Так, как Терешкова была первой женщиной в космосе, так Раиса стала первой советской дамой масштаба перемен во второй (...) сверхдержаве мира” (Леопольд Унгер. „Газета Выборча” от 21 сентября 1999г.).

◆ Реприватизацию поддерживают 59% польского общества, 41% вступает против (согласно опросу газеты „Жечпостолита”). Большая часть лесов, возвращенных частным владельцам, вырублена без последующего облесения. Часты случаи, когда аристократы добиваются возвращения их многочисленных произведений искусства, находящихся в польских музеях.

◆ В результате реформы здравоохранения доступ к врачам затруднен для 30% поляков,

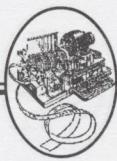
облегчен - 16%, ничего не изменилось для 54% (согласно Пентор Медикаль/. Малообеспеченные пациенты сокращают, а то и вовсе перестают принимать прописанные им лекарства из-за их дороговизны. Если оздоровительная политика больничных касс (...) будет подлежать открытому обсуждению в обществе, если принципы финансирования будут утаиваться (...), останутся и подозрения и возможности расточительства, коррупции» – так полагает Марек Куллерский, зав. Отделением детской больницы. (“Газета Выборча” от 17 – 18 июля 1999 г.)

◆ С 1 сентября вошла в действие школьная реформа: 6 классов обычной школы и 3 класса лицея, или двухгодичная школа профессионального обучения с двухгодичным дополняющим ее лицем. Вводятся также новые программы и учебники, новая система оценок. Только 17% учителей поддерживают эту реформу (даные проф. Эльжбеты Путкевич из Института изучения общественных проблем).

◆ “Польская школа - чемпион мира по оскорбительному отношению к учащимся (...). В Польше нет никаких критериев и механизмов оценки работы учителя (...). Я всегда говорю им (родителям) так: школа, будь это в ее власти, не моргнув глазом, перемолола бы в фарш вашего ребенка, а посему ваша обязанность – стать на его сторону”. (Анджей Самсон, психолог и терапевт в интервью “Газете Выборчей” 4-5 сентября 1999 г.).

◆ На легализацию эвтаназии неизлечимо больных, если на то будет воля их самих и их семьи, высказался 51 % поляков (из опроса Центра изучения общественного мнения).

◆ У нас есть сейчас исторический шанс сдержать эпидемию СПИДа, поскольку ежегодно в Польше прибывает немногим более шестисот ВИЧ инфицированных. (Дорота Романовская, еженедельник “Впрост” от 9 августа 1999 г.).



◆ Польскими хирургами из Медицинской академии в Белостоке впервые удалось пришить отрезанный половой член 22-х летнему мужчине. /Польска Агенция Прасова/

◆ 27 августа вице-министр обороны Роберт Мрозевич (из Унии Свободы) подал в отставку в связи с подозрением в том, что он скрыл в декларации, цель которой – проверка прошлого (“люстрация”) факт своего сотрудничества в прошлом с органами Госбезопасности.



Рис. H. Sawka (WPROST)

◆ 1 сентября премьер Ежи Бузек по той же причине отправил в отставку вице-премьера, министра внутренних дел Януша Томашевского (из общественного движения избирателей Солидарность).

◆ 3 сентября президент Александр Квасьневский напомнил об обязательной для

всего цивилизованного мира презумции невинности, пока вина не доказана судом. По мнению премьера Бузека политикам должны предъявляться более жесткие требования, нежели к простым гражданам.

◆ Что такое „люстрация”? “Это сны на яве. У меня бывают люстрации, но редко” ответила десятилетняя Агнешка на вопрос журналиста. (“Газета Грудзенска” от 24 сентября 1999 г.).

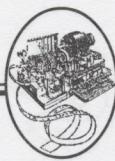
◆ Вице-премьер, министр финансов Лешек Бальцерович (Уния Свободы) поручил провести финансовую проверку в Управлении социального страхования, поскольку рост задолженности Управления угрожает состоянию финансов. К тому же отсутствуют достоверные данные о ситуации в Управлении.

◆ “Печальный список польских изобретений – наряду с польским самообслуживаемом адом и Polnische Wirtschaft – кажется пополнился явлением польской антикоалиции, то есть коалиции, создаваемой для того, чтобы окончательно лишиться способности управлять”. (Ежи Славомир Мац и Дорота Мачея в еженедельнике “Впрост” от 5 сентября 1999 г.).

◆ По сообщению газеты “Жечпосполита” от 25-26 сентября в Острове Велькопольском (70 тысяч жителей) вспыхнул массовый психоз. Многие жители свидетельствовали, что видели демонов.

◆ В Боболицах детей возят в школу на машине, в которой доставляют заключенных; машина взята напрокат в тюрьме. (“Газета Выборча” от 28 сентября 1999 г.).

◆ “Вы не разбираетесь в законах (...). Не учите нас, что нам надо делать, у нас свои процедуры и принципы деятельности /.../. Вы ничего не получите” – такой ответ услышал от служащей Марек Сафьян, судья и председатель Конституционного суда, когда захотел обменять паспорт сына.



- ◆ В некоторых воеводствах действуют специальные телефонные линии для получения анонимной информации о фактах коррупции.
- ◆ Два члена наблюдательного совета фармацевтических предприятий "Ельфа" представили рапорт о нарушениях в деятельности компании. Оба отозваны со своих постов Государственным министерством финансов.
- ◆ 20 танков Т-55 попало из Польши в Судан, вопреки эмбарго ООН. Теперь Конгресс США может наложить санкции на Польшу, заморозить или задержать программы и помощь.
- ◆ Предприятия энергетики планируют сооружение специальных площадок с гнездами для аистов. 90 тысяч этих птиц ежегодно покидают гнезда в Польше.
- ◆ 30 тысяч ежей ежегодно гибнут на польских шоссе. На дорогах с интенсивным движением автотранспорта погибает множество лягушек и жаб; под некоторыми из этих дорог сооружены специальные тунNELи для миграции животных.
- ◆ "Нам угрожает внутренний террор; Анджей Леппер, руководитель профсоюза, название которого звучит как эвфемизм – "Самооборона", игнорируя всех и все, применяет террор на дорогах и в государственных учреждениях. Он терроризирует все общество, провоцирует деревенских жителей. Вот, говорит он, свергну правительство, распушу парламент и тогда под моим руководством разрешатся все проблемы сельского хозяйства" (депутат Эдвард Венде из Унии Свободы на заседании Сейма 9 сентября 1999г.). Однако, 59% поляков выступают против ареста Леппера, 23% - за его арест и 19% затрудняются с ответом. (Из опроса газеты "Жечпостолита").
- ◆ 12 сентября минула десятая годовщина приведения к присяге первого в послекоммунистической Польше правительства Тадеуша Мазовецкого.
- ◆ Королевы и жены президентов из 12 государств приняли участие в конференции, посвященной соблюдению прав ребенка; конференция, организованная Йолантой Квасьневской, женой президента, состоялась в Варшаве 27 сентября.
- ◆ "Мы можем стать единственной страной в Европе, где в мелких крестьянских хозяйствах можно увидеть настоящую корову, свинью, курицу, или, например, как в доме печется хлеб. Только вот... чтобы принимать туристов - в хате должно быть чисто. Как внушить это крестьянам? (Войцех Маркевич, еженедельник "Политика" от 26 августа 1999г.).



Впервые? А ты? А как туда попасть? Ты здесь впервые? Я тоже. Я еще никогда тут не был. Вы здесь впервые? Я тоже. Вопросы повторяются, ответы похожи. Вот Анджей Щипёрский - автор незабываемой „Мессы за город Аппас”, в прошлом ее воспринимали как ужасающую метафору коллективного психоза, устроенного нам коммунизмом. Позднее автор был интернирован во время военного положения. Вот Кароль Модзелевский - многократный сиделец по политическим делам, один из создателей „Солидарности”. Александр Малаховский - бывший узник лагерей, во время военного положения был интернирован как деятель „Солидарности” района Мазовше. Ежи Помяновский – знакомившийся с Россией с горизонта минус 600 в шахте, переводчик, в частности, Солженицына, произведения которого некогда тайно переправлялись в Польшу из парижского Литературного издательства, возглавляемого Ежи Гедройчем. Ирэна Левандовская - прекрасный переводчик русской литературы, в годы военного положения сотрудничала с подпольными издательствами. Лешек Шаруга - литературный критик, которого я знал прежде всего, по самиздату. Адам Шосткевич

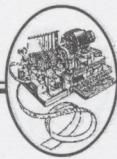


Foto BIBLIOTEKA NARODOWA



Справа налево: Чеслав Белецкий, Иоанна Виук-Назарова, Стелла Тонконогова, Наталья Ворошильская, Зинаида Шаталова.

- публицист „Политики”, а перед этим - католического „Тыgodnika Powszechnego”, который травила коммунистическая цензура. Мирослав Хоецкий - один из тех, кто создавал подпольное издательство „Нова”, позднее действовал в эмиграции, поддерживая подпольную „Солидарность”. Только вот эти красные плюшевые занавеси в полумраке огромного холла... напоминают о минувшей эпохе. Но в то время мы бывали не в таких интерьерах. Это несколько дезориентирует, вызывает ощущение неуверенности. Может быть именно отсюда вопросы, выдающие некоторое смущение гостей. Но на парадной лестнице несколько светлее. Трехцветный флаг не вызывает неприятных ассоциаций. Высокий худощавый хозяин с буйной шевелюрой и умным взглядом светлых глаз сквозь придающие серьезность очки производит впечатление ученого. Сдержаненный и как бы даже несколько робеющий Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации Сергей Разов вызывает доверие. Рядом с ним - похожий на бизнесмена, тоже молодой человек - первый секретарь посольства Сергей Боголюбов.

Первые впечатления постепенно рассеиваются. Во время беседы в галерее анекдоты об Алганове, бывшем резиденте КГБ, быстро сменяются интересом к другому лицу - говорят, он должен быть! Точно ли будет? А может он уже здесь? Александром Яковлевым интересуются Щипёрский, Модзелевский, Малаховский, журналисты.

Яковлев стоит поодаль, в кругу собеседников. Его фотографию и подробнейшую биографию опубликовала „Газета Выборча”. По всей видимости, мои знакомые, коллеги и друзья, в отличие от меня, внимательнее вчитываются в

тексты, чем вглядываются в иллюстрации. Они тут же окружают Яковлева.

В высоком, в два этажа, зале приходится сильно задирать голову, чтобы увидеть свод над гигантской люстрой. Под сводом, подвешенные на невидимой проволоке, застыли в полете дикие утки и фазаны. Ниже неподвижно замер на вечные времена королевский глухарь.

Посол говорит о первом номере ежемесячного издания „Новая Польша” - он прочел его „от корки до корки”, причем „с карандашом в руках”. Он не во всем согласен, но прошли времена вынужденного и притворного единогласия. Он ценит разность во мнениях и взглядах и возможность демонстрировать это, неразрывно связанную с демократическим устройством.

Главный редактор отвечает почти как искушенный политик, понимающий, какое значение имеет взаимопонимание и необходимость строить новые отношения между народами обоих государств.

Под сводом мертвые фазаны и утки медленно вращаются под воздействием каких-то неведомых воздушных потоков.

Александр Яковлев представил сборник „Катынь - документы преступления”, новую книгу, вышедшую в России. Он говорил о покаянии как пути в более благополучное завтра. Сергей Разов цитировал Оруэлла. Я хотел поблагодарить Яковleva, но его осаждали журналисты. Я не дождался. Теперь жалею. Пусть эти слова станут моей личной благодарностью ему. Впрочем, так же как и Сергею Разову за этот невероятный, неожиданный „первый раз”.

„Новая Польша” вышла в графическом оформлении, выдержанном в стиле ретро. Новую Россию мы тоже увидели в несколько архаичных интерьерах оставшегося от имперских времен здания на улице Бельведерской. Но ведь то, что там происходило, было новым, отличающимся от прошлого, пробуждающим надежду.

Когда после торжества я спускался по каменным ступеням монументального фронтона, огромные, из кованого железа, главные ворота были закрыты. Боковые калитки тоже. Я шел все медленнее, росла неуверенность. В конце концов я заколебался. Как отсюда выбраться?

Буквально в последнюю минуту ворота начали открываться.

Варшава, 5 октября 1999

А. Стельмаховский – Е. Гедройц, Я. Новак-Езёранский

Так ли надо защищать меньшинства?



ТАК ЛИ НАДО ЗАЩИЩАТЬ МЕНЬШИНСТВА?

17 августа апелляционный суд Вильнюса ужесточил наказания четырем полякам: Леону Янкелевичу (бывшему секретарю ЦК Компартии Литвы), Альфреду Алюку, Яну Юролайцу и Яну Курцевичу, а также латышу Карлу Билансу. Были вынесены приговоры: Янкелевичу — 3,5 года тюрьмы, Юролайцу — 3 года, Билансу — 2,5 года, Курцевичу и Алюку — по 2 года. Все осужденные были членами президиума Солечницкого Совета (органа местного самоуправления города Солечники и прилегающего района, где преобладает польское население). В марте 1990 г. парламент Литвы провозгласил декларацию независимости. В ответ на это в ноябре Солечницкий Совет принял постановление о создании на подведомственной ему территории Польского национально-территориального округа. Кроме того, Совет постановил, что на территории Солечницкого района продолжает действовать Конституция СССР, и провел призыв в Советскую Армию (бойкотируемый властями Литвы).

В открытом письме Ежи Гедройцу и Яну Новаку-Езеранскому председатель общества поляков, проживающих за рубежом, „Вспульнота Польска” профессор **Анджей Стельмаховский** от своего имени и от имени группы сенаторов Республики Польша выражает сожаление по поводу того, что адресаты его письма поставили свои подписи под обращением к президенту Литвы Вальдасу Адамкусу с просьбой о помиловании осужденных в данном процессе. Анджей Стельмаховский считает, что приговоренные поляки невиновны, в то время как просьба о помиловании предполагает признание их вины

Ежи Гедройц
Ян Новак-Езёранский

ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ „ВСПУЛЬНОТЫ ПОЛЬСКОЙ”

Председатель Общества „Вспульнота Польска” Анджей Стельмаховский в открытом письме, адресованном нам обоим, выразил сожаление и обеспокоенность по поводу того, что наши подписи оказались среди шести подписей под обращением к президенту Литвы с просьбой о помиловании четырех поляков, осужденных за действия, направленные против независимости Литвы в 1990 г. По его мнению, просьба о помиловании неуместна, поскольку осужденные невиновны.

Проф. Стельмаховский показывает отношение литовских властей к польскому меньшинству избирательно и односторонне. Достаточно нескольких примеров. Он утверждает, что за преступления осудили людей, „которые хотели обеспечить права своего сообщества”. На самом же деле осужденные противодействовали в 1990 г. независимости Литвы для того, чтобы удержать ее в границах СССР. Это была деятельность, направленная как против Литвы, так и против Польши. Ведь Советский Союз представлял угрозу для обоих государств. Проф. Стельмаховский умалчивает о том, что литовский суд приговорил к многолетнему заключению не только поляков, но и двух литовских коммунистов — Бурокявичюса и



и согласие с приговором. Председатель „Вспурьюты Польской” приводит примеры плохого отношения к польскому меньшинству в Литве и на этом фоне оценивает процесс по делу поляков как чисто политический, инспирированный крайними литовскими националистами. А.Стельмаховский, в частности, пишет:

„Нам представляется, что это процесс показательный и что он порочит доброе имя Литовской Республики как демократического европейского государства. К сожалению, история знает много случаев, когда обвинения фабриковались ради достижения сиюминутных целей или в интересах группы давления. (...) Кому-то был нужен показательный процесс, в котором людей осуждают и приговаривают за их взгляды, за инициативу, имевшую целью защитить польское национальное наследие и достоинство во времена исторической смуты. И все это происходит в период вполне понятных протестов поляков Виленичины, которые усматривают в очередных этапах административной реформы угрозу традиционной целостности своей земли и сплоченности ее жителей польского происхождения. Возможно, правы те, кто видит в судебном спектакле попытку запугать польское меньшинство, заставить его отказаться от претензий на принадлежащие ему права. (...) Именно поэтому, отдавая должное благородству Ваших намерений, мы выражаем обеспокоенность тем, что Вы подписали прошение о помиловании. Ибо предмет данного судебного процесса — национальное достоинство поляков Литвы, их права, а также будущий облик страны, где они живут”.

Анджей Стельмаховский - видный деятель Солидарности, участник совещаний Круглого стола, министр просвещения в правительстве Ханны Сухоцкой.

Ярмолявичюса, которые, оставаясь верными Москве, активно противились независимости Литвы.

Проф. Стельмаховский оценивает состояние польских школ в Литве как ужасающее. Между тем, последний, августовский бюллетень „Вспурьюты Польской” напоминает о торжественном открытии 1 сентября 1994 г. крупнейшей в Литве польской школы им. Иоанна Павла II в Юстишиках близ Вильнюса. В этой школе 2250 учеников, здесь работают 170 польских учителей. Школа была открыта благодаря финансовой помощи литовского правительства, вильнюсского самоуправления и „Вспурьюты Польской”. Наряду с Анджеем Стельмаховским в торжествах участвовали министры просвещения Польши и Литвы, а также премьер-министр Литвы Адольфас Слезявичюс, который своим присутствием стремился придать данному событию высокий ранг. Однако Анджей Стельмаховский в своем письме не замечает проявлений доброй воли со стороны литовцев.

В Литве 120 польских школ с польским языком обучения. А в Белоруссии, где живет, очевидно, существенно больше поляков, чем в Литве, — всего лишь две: одна в Гродно и другая (с октября нынешнего года) — в Волковыске. На Украине единственная школа, где преподают по-польски, работает во Львове. С момента обретения независимости литовцы издали около 200 названий учебников на польском языке для школ с польским языком обучения. В Польше издано шесть учебников истории и литовского языка для литовских школ.

Стельмаховский пишет о „пертурбациях с польским аттестатом зрелости”. Польские школьники, как граждане литовского государства, сдают экзамен по литовскому языку и — желающие — по польским

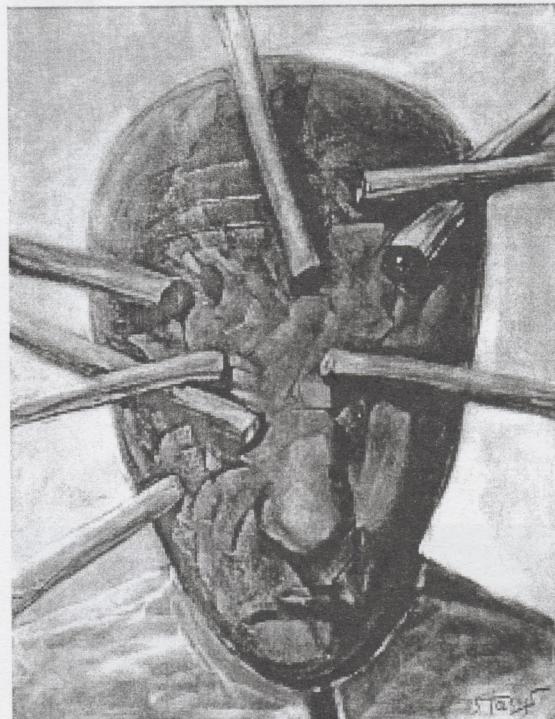


предметам. В Польше в школах национальных меньшинств обязательны экзамены как по родному языку, так и по польскому.

Стельмаховский пишет об „административных препонах при возвращении наследственного имущества польским крестьянам”, однако обходит молчанием тот факт, что двусторонняя польско-литовская парламентская комиссия исследовала эту проблему и не обнаружила дискриминации польского меньшинства. Приватизация затягивается в масштабе всей страны. Стельмаховский пишет о „вызывающих тревогу последних административных реформах”, но не упоминает о том, что, учитывая позицию польской стороны, Литва приостановила введение нового территориального деления, а президент страны объявил, что если парламент примет закон, он его не подпишет. Все это не означает, будто ни тут ни там не существует проблем, которые ждут своего разрешения в соответствии с договором между Польшей и Литвой. Примером может служить хотя бы вопрос о написании польских фамилий в Литве и литовских в Польше. Проблемы эти могут быть разрешены только в атмосфере дружественных отношений. Конфронтационные действия неизбежно приведут к ухудшению положения меньшинств по обе стороны границы. Самая сложная проблема в польско-литовских отношениях — глубоко укоренившиеся предрассудки, поддерживаемые крайне националистическими элементами. История учит, что крайний национализм, который противопоставляет благо своего народа благу других народов, разжигает конфликты и причиняет наибольший ущерб собственному государству. Сохранение независимости Литвы,

Стасис Эйдригевичюс

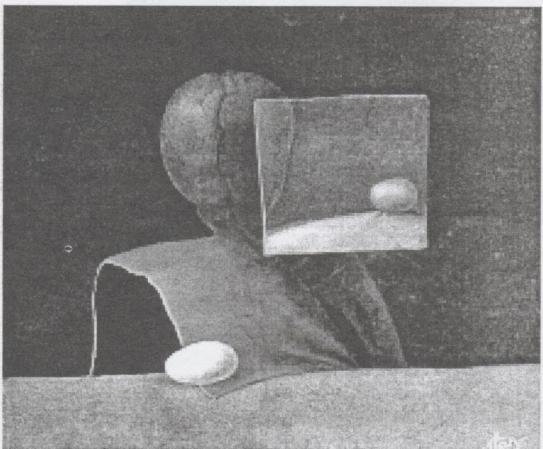
Стасис Эйдригевичюс - родился в 1949 году в Литве. С 1976г. живет и работает в Польше. Приобрел всемирную известность как живописец и график. В связи с его пятидесятилетием в краковском Дворце искусства открыта выставка его произведений.



УДАРЫ пастель, 1992



НЕОБХОДИМОСТЬ, пастель, 1991



ЗА СТОЛОМ, темпера, бумага 1981

Украины, Словакии и Белоруссии имеет для Польши стратегическое значение. Если бы все эти страны вновь оказались в орбите российского влияния, Польша вновь попала бы в клещи с востока, юга и севера.

Балтийские страны и Словакия, стремясь застраховаться от российского империализма, ходатайствуют о принятии их в оборонные и экономические структуры запада.

Ключевое значение для этих усилий имеет поддержка польского правительства и польской общины в США. Это дает исторический шанс усиления конструктивной роли и влияния Польши в регионе. Интеграция Литвы в НАТО будет затруднена без массового давления со стороны 10 миллионов польских избирателей в США. Без этого дальнейшее расширение НАТО не станет предметом предвыборного соперничества обеих партий. Соответствующие призывы со стороны президента Литвы Адамкуса и посла Сакалаускаса были доброжелательно восприняты руководством американского "Конгресса Польши". Польская община в Америке с готовностью воспользовалась бы этим случаем для того, чтобы продемонстрировать свою влиятельность и способность эффективно действовать.

И вот в такой момент на страницах польской зарубежной прессы появляются обвинительные высказывания двоих польских лидеров в Литве, в прошлом — высокопоставленных функционеров советской партийной структуры. Теперь к ним присоединяется проф. Анджей Стельмаховский со своим открытым письмом, опубликованным в той же прессе прежде, чем адресаты успели на него ответить. Такие выступления серьезно ослабляют поддержку стремлений Литвы со стороны польской общины в Америке и тормозят сближение двух народов. Они — словно манна небесная для бывшей



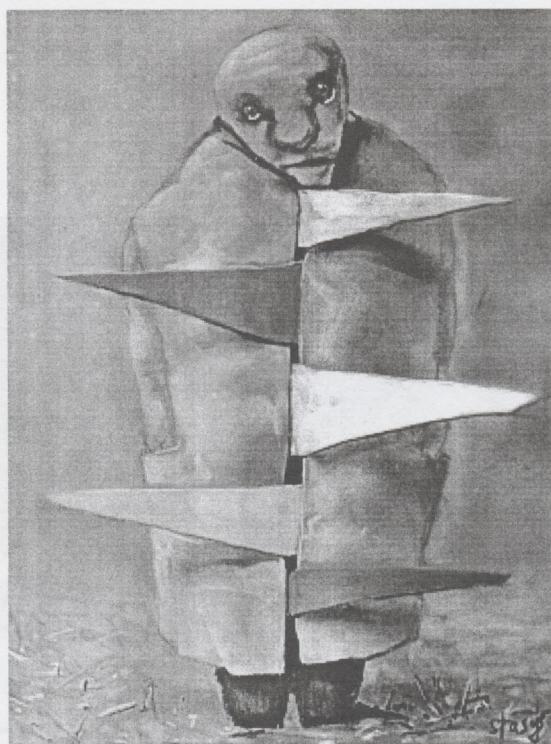
советской элиты в Москве, которая стремится любой ценой не допустить дальнейшего расширения НАТО. Возвращаясь к письму Стельмаховского: мы констатируем, что в интересах Литвы — дать польскому меньшинству возможность нового старта, свободного от балласта плохого прошлого. События 1990 г. развивались в совершенно ином контексте — до возникновения литовского государства и до практического осуществления его законов. Руководствуясь этим, мы поставили свои подписи под обращением к президенту Литвы о помиловании осужденных недавно четырех поляков. Мы верим, что обращение даст желаемый результат, поскольку в нем выражено уважение к суверенитету Литвы, к независимости ее правосудия, а тон его свободен от заносчивости „старшего брата”.

„Вспурьнота Польска” играет важную роль, поддерживая просвещение и деятельность по сохранению наследия и идентичности граждан Литовской Республики польской национальности. В Литве особенно важно сформировать новую интеллектуальную элиту — преемницу той, которая либо погибла во время войны, либо переселилась в Польшу в ее новых границах.

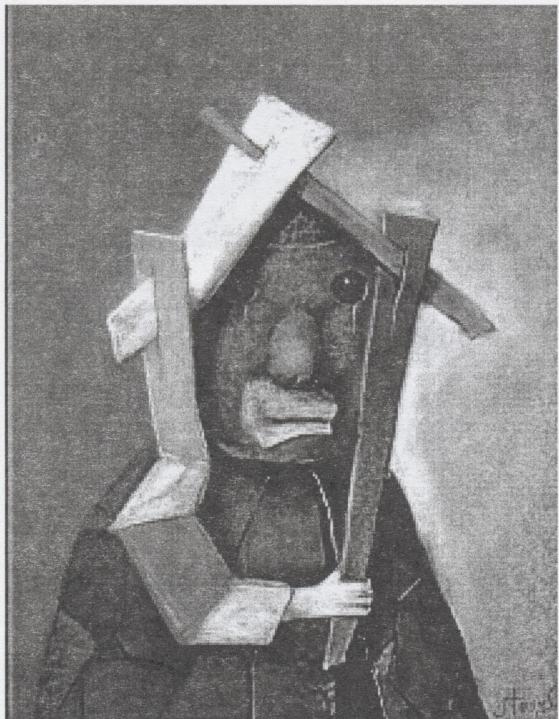
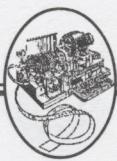
К сожалению, письмо Стельмаховского показывает, что руководитель „Вспурьноты” и его куратор, маршал Сейма Алиция Гжеськовяк выходят за рамки этой задачи, действуя с националистических позиций. Располагая существенно большими финансовыми возможностями, чем польская дипломатическая миссия в Вильнюсе, они вмешиваются в прерогативы правительства и действуют самостоятельно, входя в противоречие с международной политикой государства, направленной на сближение с Литвой. Такая двойственность внешней



РОБКИЙ пастель, 1993



СЕВЕР-ЮГ пастель, 1990



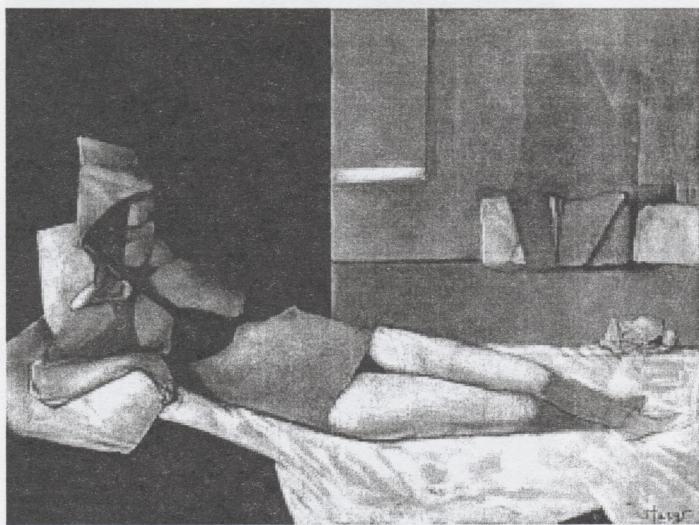
КЛОУН ПОД КРЫШЕЙ пастель, 1988

политики — аномалия, подрывающая авторитет и престиж государства и нарушающая конституцию, которая поручает проведение этой политики исключительно правительству. До войны куратором „Святпола”, предшественника „Вспольноты Польской”, был маршал Сената Владислав Рачкевич. „Святпол” имел широкую автономию в пределах своих задач, определенных уставом, однако он не предпринимал никаких самостоятельных действий, противоречащих политике правительства Польской Республики по отношению к странам, в которых имелись польские этнические общины. Необходимо срочно — используя все возможности законотворчества — оздоровить существующее положение.

POLITYKA

Ежи Гедройц - Основатель и главный редактор парижского журнала „Культура”.

Ян Новак-Езранский - Руководитель польской секции радио „Свободная Европа” в 1952-1976 гг.



ОТДЫХ пастель, 1998

Стасис Эйдигевичюс

Живопись и графика



ТАК ЛИ НАДО ЗАЩИЩАТЬ МЕНЬШИНСТВА?

17 августа апелляционный суд Вильнюса ужесточил наказания четырем полякам: Леону Янкелевичу (бывшему секретарю ЦК Компартии Литвы), Альфреду Алюку, Яну Юролайцу и Яну Курцевичу, а также латышу Карлу Билансу. Были вынесены приговоры: Янкелевичу — 3,5 года тюрьмы, Юролайцу — 3 года, Билансу — 2,5 года, Курцевичу и Алюку — по 2 года. Все осужденные были членами президиума Солечницкого Совета (органа местного самоуправления города Солечники и прилегающего района, где преобладает польское население). В марте 1990 г. парламент Литвы провозгласил декларацию независимости. В ответ на это в ноябре Солечницкий Совет принял постановление о создании на подведомственной ему территории Польского национально-территориального округа. Кроме того, Совет постановил, что на территории Солечницкого района продолжает действовать Конституция СССР, и провел призыв в Советскую Армию (бойкотируемый властями Литвы).

В открытом письме Ежи Гедройцу и Яну Новаку-Езеранскому председатель общества поляков, проживающих за рубежом, „Вспульнота Польска” профессор **Анджей Стельмаховский** от своего имени и от имени группы сенаторов Республики Польша выражает сожаление по поводу того, что адресаты его письма поставили свои подписи под обращением к президенту Литвы Вальдасу Адамкусу с просьбой о помиловании осужденных в данном процессе. Анджей Стельмаховский считает, что приговоренные поляки невиновны, в то время как просьба о помиловании предполагает признание их вины

Ежи Гедройц
Ян Новак-Езёранский

ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ „ВСПУЛЬНОТЫ ПОЛЬСКОЙ”

Председатель Общества „Вспульнота Польска” Анджей Стельмаховский в открытом письме, адресованном нам обоим, выразил сожаление и обеспокоенность по поводу того, что наши подписи оказались среди шести подписей под обращением к президенту Литвы с просьбой о помиловании четырех поляков, осужденных за действия, направленные против независимости Литвы в 1990 г. По его мнению, просьба о помиловании неуместна, поскольку осужденные невиновны.

Проф. Стельмаховский показывает отношение литовских властей к польскому меньшинству избирательно и односторонне. Достаточно нескольких примеров. Он утверждает, что за преступления осудили людей, „которые хотели обеспечить права своего сообщества”. На самом же деле осужденные противодействовали в 1990 г. независимости Литвы для того, чтобы удержать ее в границах СССР. Это была деятельность, направленная как против Литвы, так и против Польши. Ведь Советский Союз представлял угрозу для обоих государств. Проф. Стельмаховский умалчивает о том, что литовский суд приговорил к многолетнему заключению не только поляков, но и двух литовских коммунистов — Бурокявичюса и



и согласие с приговором. Председатель „Вспурьюты Польской” приводит примеры плохого отношения к польскому меньшинству в Литве и на этом фоне оценивает процесс по делу поляков как чисто политический, инспирированный крайними литовскими националистами. А.Стельмаховский, в частности, пишет:

„Нам представляется, что это процесс показательный и что он порочит доброе имя Литовской Республики как демократического европейского государства. К сожалению, история знает много случаев, когда обвинения фабриковались ради достижения сиюминутных целей или в интересах группы давления. (...) Кому-то был нужен показательный процесс, в котором людей осуждают и приговаривают за их взгляды, за инициативу, имевшую целью защитить польское национальное наследие и достоинство во времена исторической смуты. И все это происходит в период вполне понятных протестов поляков Виленичины, которые усматривают в очередных этапах административной реформы угрозу традиционной целостности своей земли и сплоченности ее жителей польского происхождения. Возможно, правы те, кто видит в судебном спектакле попытку запугать польское меньшинство, заставить его отказаться от претензий на принадлежащие ему права. (...) Именно поэтому, отдавая должное благородству Ваших намерений, мы выражаем обеспокоенность тем, что Вы подписали прошение о помиловании. Ибо предмет данного судебного процесса — национальное достоинство поляков Литвы, их права, а также будущий облик страны, где они живут”.

Анджей Стельмаховский - видный деятель Солидарности, участник совещаний Круглого стола, министр просвещения в правительстве Ханны Сухоцкой.

Ярмолявичюса, которые, оставаясь верными Москве, активно противились независимости Литвы.

Проф. Стельмаховский оценивает состояние польских школ в Литве как ужасающее. Между тем, последний, августовский бюллетень „Вспурьюты Польской” напоминает о торжественном открытии 1 сентября 1994 г. крупнейшей в Литве польской школы им. Иоанна Павла II в Юстишиках близ Вильнюса. В этой школе 2250 учеников, здесь работают 170 польских учителей. Школа была открыта благодаря финансовой помощи литовского правительства, вильнюсского самоуправления и „Вспурьюты Польской”. Наряду с Анджеем Стельмаховским в торжествах участвовали министры просвещения Польши и Литвы, а также премьер-министр Литвы Адольфас Слезявичюс, который своим присутствием стремился придать данному событию высокий ранг. Однако Анджей Стельмаховский в своем письме не замечает проявлений доброй воли со стороны литовцев.

В Литве 120 польских школ с польским языком обучения. А в Белоруссии, где живет, очевидно, существенно больше поляков, чем в Литве, — всего лишь две: одна в Гродно и другая (с октября нынешнего года) — в Волковыске. На Украине единственная школа, где преподают по-польски, работает во Львове. С момента обретения независимости литовцы издали около 200 названий учебников на польском языке для школ с польским языком обучения. В Польше издано шесть учебников истории и литовского языка для литовских школ.

Стельмаховский пишет о „пертурбациях с польским аттестатом зрелости”. Польские школьники, как граждане литовского государства, сдают экзамен по литовскому языку и — желающие — по польским

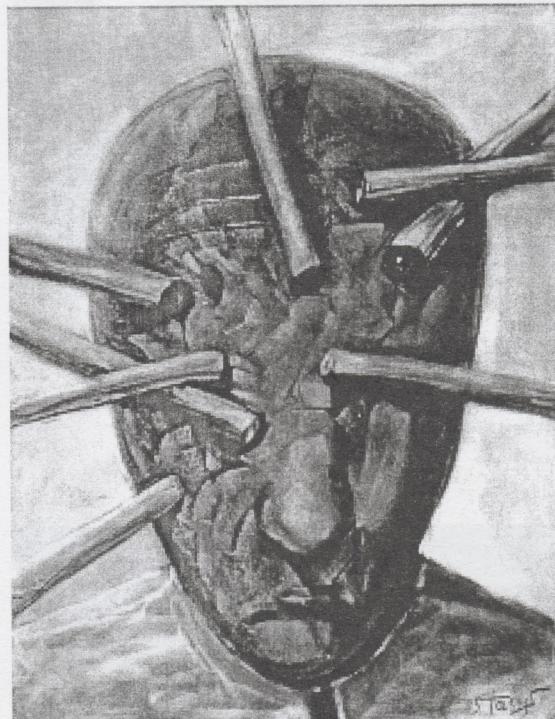


предметам. В Польше в школах национальных меньшинств обязательны экзамены как по родному языку, так и по польскому.

Стельмаховский пишет об „административных препонах при возвращении наследственного имущества польским крестьянам”, однако обходит молчанием тот факт, что двусторонняя польско-литовская парламентская комиссия исследовала эту проблему и не обнаружила дискриминации польского меньшинства. Приватизация затягивается в масштабе всей страны. Стельмаховский пишет о „вызывающих тревогу последних административных реформах”, но не упоминает о том, что, учитывая позицию польской стороны, Литва приостановила введение нового территориального деления, а президент страны объявил, что если парламент примет закон, он его не подпишет. Все это не означает, будто ни тут ни там не существует проблем, которые ждут своего разрешения в соответствии с договором между Польшей и Литвой. Примером может служить хотя бы вопрос о написании польских фамилий в Литве и литовских в Польше. Проблемы эти могут быть разрешены только в атмосфере дружественных отношений. Конфронтационные действия неизбежно приведут к ухудшению положения меньшинств по обе стороны границы. Самая сложная проблема в польско-литовских отношениях — глубоко укоренившиеся предрассудки, поддерживаемые крайне националистическими элементами. История учит, что крайний национализм, который противопоставляет благо своего народа благу других народов, разжигает конфликты и причиняет наибольший ущерб собственному государству. Сохранение независимости Литвы,

Стасис Эйдригевичюс

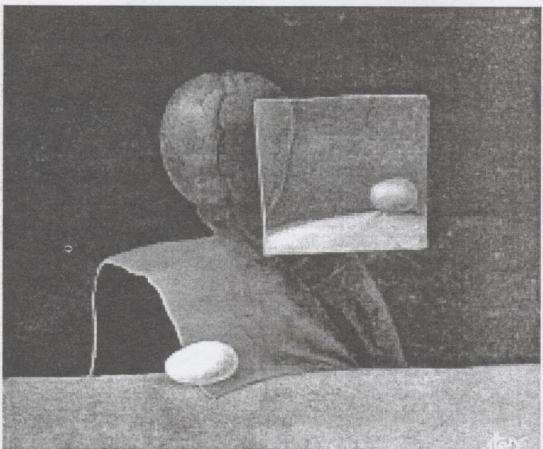
Стасис Эйдригевичюс - родился в 1949 году в Литве. С 1976г. живет и работает в Польше. Приобрел всемирную известность как живописец и график. В связи с его пятидесятилетием в краковском Дворце искусства открыта выставка его произведений.



УДАРЫ пастель, 1992



НЕОБХОДИМОСТЬ, пастель, 1991



ЗА СТОЛОМ, темпера, бумага 1981

Украины, Словакии и Белоруссии имеет для Польши стратегическое значение. Если бы все эти страны вновь оказались в орбите российского влияния, Польша вновь попала бы в клещи с востока, юга и севера.

Балтийские страны и Словакия, стремясь застраховаться от российского империализма, ходатайствуют о принятии их в оборонные и экономические структуры запада.

Ключевое значение для этих усилий имеет поддержка польского правительства и польской общины в США. Это дает исторический шанс усиления конструктивной роли и влияния Польши в регионе. Интеграция Литвы в НАТО будет затруднена без массового давления со стороны 10 миллионов польских избирателей в США. Без этого дальнейшее расширение НАТО не станет предметом предвыборного соперничества обеих партий. Соответствующие призывы со стороны президента Литвы Адамкуса и посла Сакалаускаса были доброжелательно восприняты руководством американского "Конгресса Польши". Польская община в Америке с готовностью воспользовалась бы этим случаем для того, чтобы продемонстрировать свою влиятельность и способность эффективно действовать.

И вот в такой момент на страницах польской зарубежной прессы появляются обвинительные высказывания двоих польских лидеров в Литве, в прошлом — высокопоставленных функционеров советской партийной структуры. Теперь к ним присоединяется проф. Анджей Стельмаховский со своим открытым письмом, опубликованным в той же прессе прежде, чем адресаты успели на него ответить. Такие выступления серьезно ослабляют поддержку стремлений Литвы со стороны польской общины в Америке и тормозят сближение двух народов. Они — словно манна небесная для бывшей



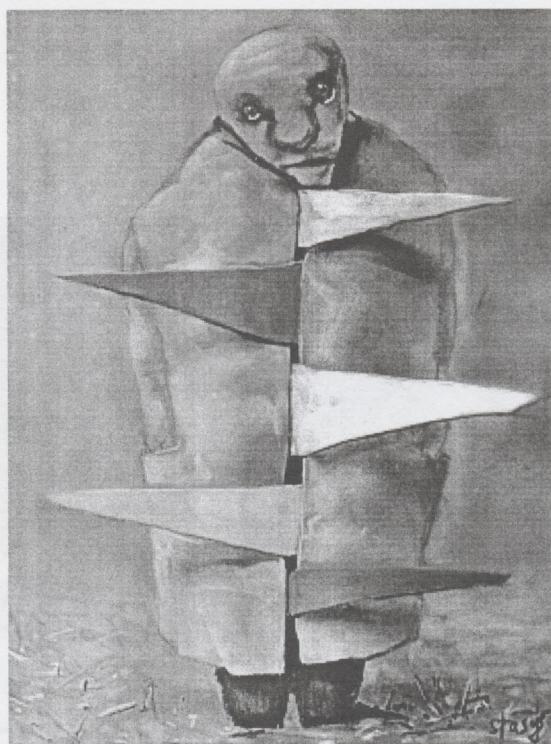
советской элиты в Москве, которая стремится любой ценой не допустить дальнейшего расширения НАТО. Возвращаясь к письму Стельмаховского: мы констатируем, что в интересах Литвы — дать польскому меньшинству возможность нового старта, свободного от балласта плохого прошлого. События 1990 г. развивались в совершенно ином контексте — до возникновения литовского государства и до практического осуществления его законов. Руководствуясь этим, мы поставили свои подписи под обращением к президенту Литвы о помиловании осужденных недавно четырех поляков. Мы верим, что обращение даст желаемый результат, поскольку в нем выражено уважение к суверенитету Литвы, к независимости ее правосудия, а тон его свободен от заносчивости „старшего брата“.

„Вспурьнота Польска“ играет важную роль, поддерживая просвещение и деятельность по сохранению наследия и идентичности граждан Литовской Республики польской национальности. В Литве особенно важно сформировать новую интеллектуальную элиту — преемницу той, которая либо погибла во время войны, либо переселилась в Польшу в ее новых границах.

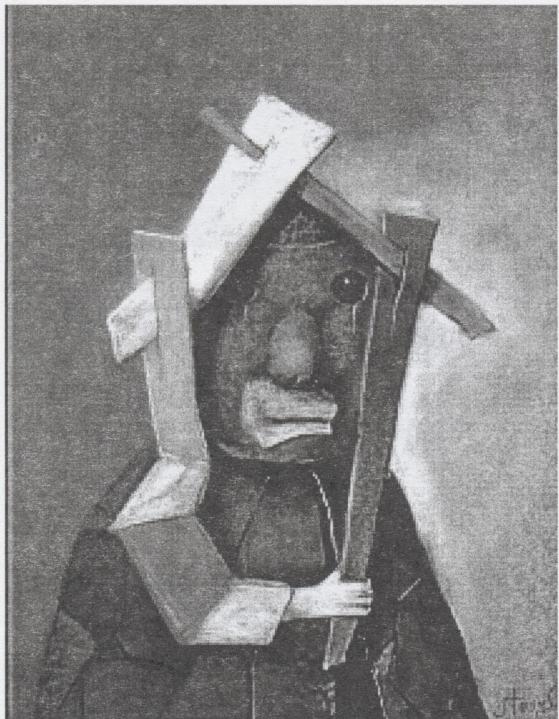
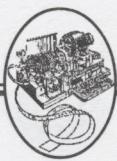
К сожалению, письмо Стельмаховского показывает, что руководитель „Вспурьноты“ и его куратор, маршал Сейма Алиция Гжеськовяк выходят за рамки этой задачи, действуя с националистических позиций. Располагая существенно большими финансовыми возможностями, чем польская дипломатическая миссия в Вильнюсе, они вмешиваются в прерогативы правительства и действуют самостоятельно, входя в противоречие с международной политикой государства, направленной на сближение с Литвой. Такая двойственность внешней



РОБКИЙ пастель, 1993



СЕВЕР-ЮГ пастель, 1990



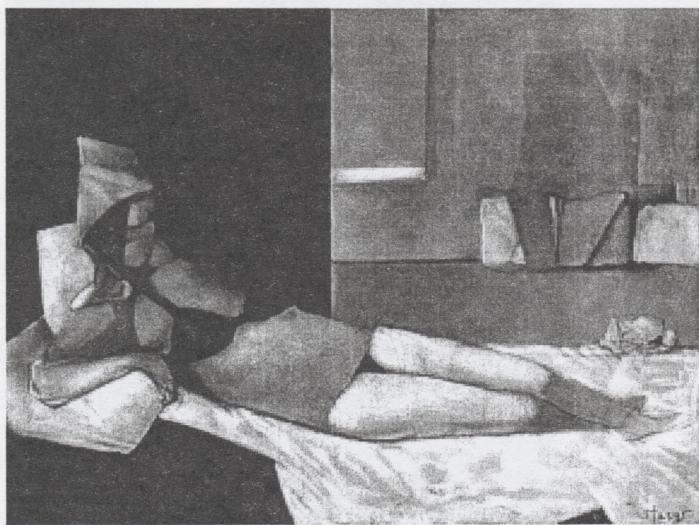
КЛОУН ПОД КРЫШЕЙ пастель, 1988

политики — аномалия, подрывающая авторитет и престиж государства и нарушающая конституцию, которая поручает проведение этой политики исключительно правительству. До войны куратором „Святпола”, предшественника „Вспольноты Польской”, был маршал Сената Владислав Рачкевич. „Святпол” имел широкую автономию в пределах своих задач, определенных уставом, однако он не предпринимал никаких самостоятельных действий, противоречащих политике правительства Польской Республики по отношению к странам, в которых имелись польские этнические общины. Необходимо срочно — используя все возможности законотворчества — оздоровить существующее положение.

POLITYKA

Ежи Гедройц - Основатель и главный редактор парижского журнала „Культура”.

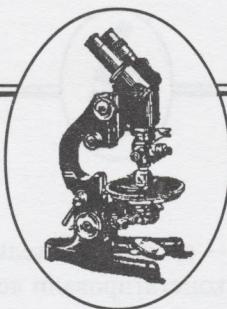
Ян Новак-Езранский - Руководитель польской секции радио „Свободная Европа” в 1952-1976 гг.



ОТДЫХ пастель, 1998

Богдан Осадчук

Стрший брат, дочь или мать



Богдан Осадчук

СТАРШИЙ БРАТ, ДОЧЬ ИЛИ МАТЬ

Богдан Осадчук - профессор сравнительной истории Восточной Европы Берлинского свободного университета (ныне на пенсии), зачинатель украинско-польского сотрудничества, публицист парижской "Культуры", украинской, польской, немецкой и швейцарской прессы.

Может ли возникнуть искренняя дружба между Россией и Украиной? В старые добрые времена такой вопрос мог быть лишь вступлением к анекдоту армянского радио. В те, к счастью, уже отдаленные времена о России говорили как о "старшем брате". Когда я однажды, читая лекцию в Берлинском свободном университете, рассказал моим студентам об этом удивительном родстве, один из слушателей при обсуждении не без задней мысли предложил: а может быть, назвать Россию дочерью Киевской Руси-Украины, ибо оттуда московиты еще до того, как стать "россиянами", получили культуру, искусство и религию? Молодой человек был так горд своей идеей, что хотел устроить что-то вроде плебисцита среди начинающих историков Восточной Европы. К сожалению, из этого ничего не вышло, но сейчас, взявшись писать о будущих русско-украинских отношениях, я припомнил эту проделку.

Кстати, было бы интересно провести среди представителей русской интеллигенции что-то вроде анкетного опроса о том, как они себе представляют сосуществование с южным соседом, лежащим от Карпат до Черного моря, в наступающем тысячелетии. Это тем более важно, что, правду говоря, многие наблюдатели политической сцены на линии Москва—Киев не очень-то знают, как на самом деле выглядят эти отношения. Не с официальной стороны, которая хорошо известна, а с изнанки, со дна или, как любят говорить русские, "от души". Я хорошо знаю, что ни политики, ни интеллигенты не любят публично откровенничать, а ответы на вопросы чаще служат маскировке, нежели раскрытию их истинных взглядов. Но, увы, получить доступ к тем дамам, с которыми политики и интеллигенты действительно откровенничают, — дело столь же соблазнительное, сколь и неосуществимое.

Выходит, надо орудовать тем, чем мы располагаем. А этого, хоть скоро стукнет десять лет с конца эры правления "старшего брата", очень мало. Фактически, кроме чисто официальных межгосударственных отношений, которые, слава Богу, впервые в истории если не благожелательны, то по крайней мере, корректны, — какого-то толкового диалога между московской "доченькой" и киевской "матушкой" вообще нет. За эпохой советских объятий и поцелуев последовал полный развод. А это значит, что прежнее супружество либо было принудительным, либо опиралось на любовь без взаимности — иначе загадочно, почему бы так резко отворачиваться друг от друга. Между нами ведь не было войны, никто никого не резал, никто никому не угрожал. И вдруг такой неожиданный холод, словно никогда не было ухаживаний, танцулек, предложения руки и сердца, обручения и свадьбы в Переяславле. С другой сторо-

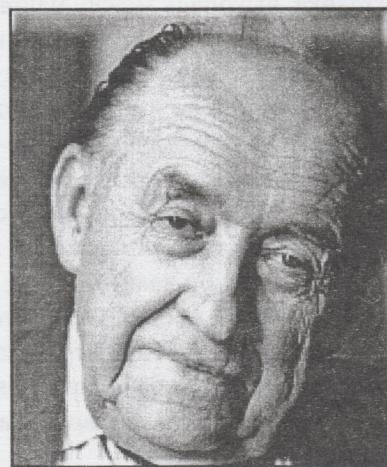


Фото GAZETA WYBORCZA



ны, триста лет супружеской жизни — срок основательный, мало кто в истории выдержал такое испытание. Тем более что, как констатировали летописцы нашей истории”, “старший брат” нехорошо себя повел по отношению к невесте. Он нарушил все торжественно подпísанные брачные обеты, а когда на престол “брата” взошла некая немка Екатерина, решившая как можно сильнее понравиться своим русским подданным за счет других народов, переяславское бракосочетание превратилось в кошмар и предостережение. Екатерина II, хоть и иностранка, выкопала между нашими народами глубокий ров, который никогда до конца не зарастет, — как и ею же вырытый ров между Россией и нашими соседями-поляками. Но этот реликт былых противоречий не должен лечь колодой на пути к нормализации, а со временем, быть может, даже и дружбе в отношениях России и Украины. В конце концов, не станем же мы спорить и о том, помогал ли в укреплении великорусских влияний в империи Иосиф Джугашвили-Сталин — тоже чужеземец на московском престоле, на этот раз красном.

Речь не об этом — из неумного прошлого надо извлечь умные выводы. Никто из нас — ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Варшаве, ни в Киеве — не владеет монополией на абсолютную истину, ибо таковой нет и никогда не будет. Но, может быть, неплохо было бы начать диалог, учредить центры дискуссий о прошлом, настоящем и, главное, будущем. Следовало бы взглянуть на то, как исчезала вековая вражда между Францией и Германией и, более того, между Германией и Польшей или, например, — что русским покажется, наверное, еще более поразительным, — как возникало взаимопонимание между польскими “панами” и украинскими “гайдамаками”.

Всякий диалог полезен, всякое отгораживание стеной невежества — возможный очаг будущих недоразумений или прямо конфликтов. Мы знаем, что русские не верят в независимое существование Украины. Схоже думали некоторые британцы, когда от империи отпадала Индия, так думала Франция, когда за свободу сражался Алжир, так поступала Бельгия по отношению к освобождающемуся Конго. Болезненное отношение к колониальному вопросу у многих русских основано на том, что они сами сочувствовали колониям, когда те сражались за свободу, а в собственной империи того же не желают замечать и по сей день. Украина не настроена антирусски. Нигде не было этнических чисток, верификации “лиц русской национальности”, никто не мешает пользоваться русским языком, существуют русские газеты, школы и театры. По-джентельменски России следовало бы тем же отплатить миллионам украинцев на своей территории — хотя бы в области народного образования, прессы и театра. Украинцы не ищут исторического сведения счетов, даже по праву, скажем, за то, что Россия как “старший брат” дважды не уберегла “младшего брата” от немецкого вторжения. Плохо выглядят итоги мнимого равноправия в языковой, экономической и внешнеполитической сферах. Но прежние обиды — дело честных исторических исследований. Зато возвращение захваченного культурного достояния, включая знаки гетманской власти, — это вопрос элементарной порядочности в межгосударственных отношениях. И, наконец, Россия как дочка киевской матери даже сегодня кой-чему может поучиться у Украины — например, обращению с национальными меньшинствами. Почему крымские татары довольны политикой Киева по вопросу о нацменьшинствах, а чеченцы хотят отделиться от Российской Федерации? Москва могла бы также узнать от украинцев, что даже против упрямого парламента не стоит пускать танки. Или научилась бы возвращивать отношения с соседними странами, как это делает Украина. Одним словом, я советую российской доченьке брать уроки у киевской матушки или хотя бы вступить с ней в диалог. Где? Может быть, на нейтральной почве, в Берлине, Пекине или столице любой страны, дружественной России? Или же — почему бы не попробовать превратить Украину в такую дружественную страну?

Барбара Фабианская

Сто в одной барже (не считая коз)



Барбара Фабианская

СТО В ОДНОЙ БАРЖЕ (НЕ СЧИТАЯ КОЗ)

В Польше существует свыше тридцати тысяч неправительственных организаций, в которых заняты – преимущественно на общественных началах – почти три миллиона человек. Бурный расцвет подобных организаций начался десять лет тому назад. По мере продвижения страны по пути к демократии и свободному рынку, в то время, когда многие, не оглядываясь на других, стали “делать” деньги, настало немало и таких, которые решили помогать людям. Неправительственные организации работают в различных областях, но – главным образом – в области просвещения и воспитания детей, а также в социальной помощи. Одна из таких организаций – познанская “Барка” (по-русски “Баржа”).

Дом. Живем в нем как одна семья. Относимся друг к другу как сестры и братья. У нас бывают радостные минуты, моменты стычек, раздумья, иногда печали, но это как дома, как в каждой семье, обычное дело.

Жаркий день. Вокруг Владека на веранде таз с огурцами и стеклянные банки.

— Огурцы будут квашеные, залитые кипятком. Люблю стряпать, а больше всего — мариновать.

Облокачиваясь на стол (внушительных размеров горб мешает ему выпрямиться), он очень старательно раскладывает огурцы и укроп по банкам.

— Мне оказали доверие: я занималась бюджетом, немного административными делами, бумагами, иногда перевожусь с немецкого. На мне и пасека, я пчеловод с 1950 года. В плодово-овощной сезон я тут, на веранде (в кухне слишком жарко), занимаюсь консервированием — начинаю с патиссонов, затем огурцы, тыква, потом еще фасоль, морковь, свекла. Мне это доставляет удовольствие. Это работа легкая (тяжелый физический труд мне противопоказан) и полезная. А удовольствие нахожусь в том, что, когда приходит осень, есть что брать из кладовки.

Зовут его Владислав Блох.

— Когда-то у меня был свой дом, я даже был зажиточным человеком. Но лишился дома из-за людских происков. В какой-то момент я стал лишним предметом среди домашней утвари. И ушел из дома.

Он пришел в “Барку” в 1994 году.

— Пришел я в надежде, что на старости лет участь моя улучшится. И нашел мирную пристань, даже с волноломом, где чувствую себя хорошо и покойно. Счастлив ли я? Это было бы слишком сильно сказано, однако я очень доволен. Будучи одиноким, я всегда чувствовал, что чего-то не сделал в жизни, а мне уже седьмой десяток. И вдруг обнаружил, что мне нужно еще выполнить миссию. Личную и общую. Здесь мне это удается. Тут есть люди, которые нуждаются в помощи, сердечности, доброжелательности, сочувствии. И хорошо, что это так, ибо мы взаимно выручаем друг друга: им нужна духовная поддержка, а и мне есть на кого опереться.



В кухне и в самом деле ужасно жарко. Из двух больших котлов валит пар. Около маленького вентилятора Яцек режет зелень для супа. На лбу у него шрамы, рукам трудно справляться со свежей зеленою петрушкой. Входит Владек с огурцами. Яцек берет у него банки, заливает их кипятком, закручивает, обжигается. На другой горелке доходит суп.

— Я в “Барке” два месяца. Занимался свинками, теперь вот стряпаю. Это мое главное хобби. Остальные хвалят мою кухню. Мне тоже нравится. Я люблю хорошо поесть.

Когда он вышел из тюрьмы, жена уже нашла другого, а теща, с которой они жили, не впустила его в дом. Слоняясь по Познани, Яцек попал в “Барку”.

— У меня тут есть любимица, моя хрюшка. Я в нее прямо влюбился. Она со мной даже спать ложится.

Он созывает домочадцев на обед. Наливает суп, остальные накрывают на стол.

— После того, что я прошел, после жития на выгонах и на вокзалах — “Барка” для меня фактически дом. Я наконец-то чувствую себя нужным. А когда-то был не нужен. никому.

К столу сходятся домочадцы. Главным образом с поля, сегодня они заканчивают жатву, первую жатву в Маршеве. На лицах радость — удалась! Они не были уверены, сумеют ли получить приличный урожай со своих 20 га. Земли много, а обрабатывать ее — дело трудное. Теперь они уже знают, что сумели. Урожай такой же хороший, как у окрестных крестьян. После превосходного супа все делаются словоохотливыми.

— Тут всему можно научиться.

— Здесь правит демократия XXI века. От старейшины Влада до Ани, появившейся сегодня, все имеют право принимать решения о нашем общем имуществе, о нашей общей судьбе.

— У нас нет таких правил, как в других заведениях. У нас законы неписанные. Но мы их когда-то установили, и стараемся соблюдать. Мы должны это делать, так как иначе не сможем создавать новые места для других нуждающихся. Конечно же, случается, что кто-то нарушает правила. Бывают ситуации просто рискованные, порой приходится расставаться, и мы горюем, но, увы, так в жизни бывает.

— Но случается также, что они возвращаются и тогда вполне нормально работают дальше в семье.

— Наши дяди держатся на обычных семейных принципах. Может, это новшество, а может быть, прямо новаторский образ жизни, что среди нас есть алкоголики, инвалиды, уголовники, отвергнутые родными и близкими, и несмотря на это мы все, каждый по-своему, изуродованные, с долей своего индивидуализма, создаем семейную общину. Такого нет ни в Польше, ни в Европе.

— Даже немцы приезжают к нам взглянуть: в материальном плане у них все прекрасно, но не хватает души. А чтобы участвовать в создании такой семьи, чтобы начать жить как нормальный человек, нужно добраться до своих истоков, осознать свое жизненное поражение и потихонечку, шаг за шагом строить свою жизнь заново. И лучше всего вместе. Одному не справиться.

У нас все время проблемы с подсчетом коз. Так же, как и с подсчетом людей. Дам постоянно открыты. Вот сейчас кто-то принесет козу, и даже если она не годится в стадо, то ей негде быть. И с людьми так же. Сегодня кто-то должен приехать, а места нет. А мы уже знаем, что он здесь останется. Такова вот наша жизнь.



После обеда кухня превращается в молокозавод. Столы, подносы заполнены формочками козьего сыра. Это сыр - по французской рецептуре. Пробую — чрезвычайно вкусный. Ищу Збышека — он здесь занимается козами.

— Я всегда думал, что кого-то или что-то люблю. Но это были люди или вещи скоропреходящие. Не было ничего прочного, чего-то, что действительно остается в сердце. А если остается, то развивается в плохую сторону. Здесь же... Ну, не знаю, может, трудно произнести "люблю", но мне несомненно близки люди, которые сюда приходят. Именно в тот момент, когда они приходят. Как и у меня когда-то, так и у них сегодня нет ничего. У них нет другого человека, с которым они могут жить. Им нечего есть, негде спать. И поэтому они мне близки.

Его обступает стадо коз, они ласятся, не дают разговаривать. Их долго приходится отгонять. Несколько коз остается. Они лезут к Збышку на колени, лижут за ухом, в нос, трутся, стягивают шапку.

— Природа для меня — нечто такое, что можно познать и чему можно доверять. Просто то, что не обманет. Коза не в состоянии обмануть. У нее нет таких способностей. Она просто честная. И такой порядочности я могу учиться. Я знаю, чего можно ожидать от коз. Знаю: когда я к ним иду, они меня ждут. Они мне верят. Я думаю, что я им точно так же верю. И доверию к жизни, к другим людям я могу учиться у природы. Мне теперь легче жить с людьми.

У коз есть свои имена. Когда приехала Рената из группы наших немецких друзей, рождался козленок. Она помогала при родах. Збышек показывает названную в ее честь козу Ренату. Затем Марту. Мартой звали студентку, приехавшую посмотреть, как работают дома "Барки". Арлетта была одной из здешних — потом она ушла. Ее помнят, вспоминают. Первого козла назвали Томек — в честь первого вождя этого "стада".

— Не раз у меня в общине бывали трудные минуты. Тогда я разговаривал с козой. Жаловался, прижалась к ней. Она, может, слов не понимала, но отвечала взаимностью — не убегала, ласково прижималась, вот так, как сейчас спокойно утыкается Нана. Так и я хочу быть спокойным и хотел бы, чтобы другие рядом со мной чувствовали себя покойно. Когда-то было не так. Некоторые меня даже боялись. Мама однажды сложила мои вещи и сказала, что боится меня и не хочет со мной жить. Мне пришлось уйти.

“Нужно, чтобы козы были довольны, тогда и вы будете довольны. Тогда вам не надоест с ними возиться и вы полюбите свою работу”, — говорили нам французы. Редко когда человеку удается действительно искренне любить свою работу. На мою долю выпало это счастье. Я делаю то, что мне очень близко.

— Специальности я когда-то обучился в училище. Стал шахтером. Но эта работа захватила меня только вначале. Это была встреча со стихией, с чем-то естественным, но люди, с которыми я работал, помогли мне просто возненавидеть свой труд. Труд, и людей, и все, чем там можно было заниматься. А можно было только зарабатывать деньги да высматривать, как стать сильнее других. Я стал алкоголиком и ничего большего не мог, только пил. Это была очень трудная жизнь, и спустя 20 лет мне это надоело. Теперь мне смешно: когда-то я работал под землей, теперь на земле; и там это была встреча с природой, и тут тоже с природой. Только теперь я живу иначе, иначе чувствую, я другой человек и не хотел бы быть таким, каким был, когда работал на шахте.



Збышек построил Маршево. Когда в первом доме “Барки” уже не хватало места, он узнал про разоренное хозяйство в окрестностях. Договорился с владельцем, Познанской сельскохозяйственной академией, и там поселился — с другим Збышеком и усыновленным Петруsem. Из помещений, где они спали, было видно небо. Маршево возникло из полных развалин. Два Збышека не только отремонтировали дом. Они привлекли и следующих, создали маршевскую семью.

Все дома „Барки” возникли так, как Маршево. За исключением первого, во Владиславове.

Ремонтируя наши дома, мы ремонтируем свою жизнь.

— Я тоже в „Барке” восстановила свою жизнь. Я жила с мужем в познанской городской семье, очень богатой, адвокатской. Работала в психиатрической больнице. Пациенты, с которыми я дружила, и их семьи беспрерывно меня навещали. Дома был жуткий кошмар. Ужасы-де, непрошеные гости, как это можно не договариваться, а все время приходить, звонить; на все это, мол, не заработать, — прямо трагедия. Я не была настолько зрелой, чтобы менять семью. Меня бы довели до депрессии или просто до самоубийства.

Моя дружба с пациентами очень быстро стала мешать и другим врачам в больнице. Я им портила пациентов. И когда я узнала, что где-то в Познани революционер-психолог Садовский организует центр психической реабилитации, я уехала. И за эти наши 15 лет общего пути я открыла в себе столько возможностей, умений, такого, чему в тех структурах никогда не научилась бы. Вообще не узнала бы, что я такая. Шаг за шагом я находила в себе смелость. Я и не думала, что из той комплексующей девочки, которая плачет над каждой отдельной судьбой, стану женщиной, которая не плачет, а участвует в том, чтобы улучшить условия жизни и развития, и не одного-единственного человека, а 150, 200, 300 людей.

В одиночку я не обнаружила бы этой смелости.

Бася и Томек — психологи. Они работали в тюрьмах, психбольницах, исправительных домах, в принудительно-трудовых учреждениях. У них, психологов, для работы с людьми были в распоряжении таблетки, тесты, разные психотерапевтические методы, но всегда наступал момент, когда человек, с которым они работали, покидал учреждение и чаще всего выпадал в никуда. Ни одно из средств их работы не годилось, чтобы справиться с такими жгучими социальными проблемами, как бездомность, проституция, алкоголизм, длительная безработица. Психологи и психиатры загубили замыслы Томека, столь дорогие людям, которым Бася и Томек помогали в центре психической реабилитации.

— Катался я с ребятами на парусных лодках. Был с нами Владек Кастшак, шизофреник первой группы, сын прокурора. Вернулся он в отличной форме. Мы встретились на следующий день, и ему уже снова не хватало воздуха. Мы спросили, что случилось. А он вот что рассказывает. Пришел домой, поставил рюкзак, улыбнулся, привет, папа, привет, мама. А они — ты, бля, ты нас угробишь, ты, чертова скотина, — и в морду. Вот я и думаю: зачем вся эта работа, эта поездка, эти его надежды? Спроси стариков, говорю, можешь ли ты от них съехать, поищем квартиру. А они — извольте. И таких людей сразу много набралось. И они действительно напирали. Мы думали, что кто-нибудь поселится с ними, у нас было столько работы в Познани. А нет, никто с ними жить не захотел. Суровая действительность.

— Для нас это не было трудным решением. Дня, наверное, три-четыре мы думали и решили, что в таком случае пойдем сами. Ева закончит I класс (сейчас ей 17). тогда второй, Марысе, исполнится полтора годика. Ладно, возьмем детишек с собой... Профорганизация, с которой у нас был контракт, рассторгла его спустя год, и мы остались без средств для существования.



Когда мы отправлялись во Владиславово, я думала, что этот город станет нашей пристанью навсегда. Конечно, будем там расширяться, будут возникать новые мастерские, фермы, поля, но это будет наша семья. Сегодня, спустя десять лет, когда я смотрю, то сама удивляюсь, как так получилось. Стоит уже 14 домов. Есть и земля и специализированное земледелие. Животноводство развивается. А те ребята, которые тогда пришли сюда такие, правду сказать, беспомощные, обманутые, “зависимые”, нынче сами руководят этими местами. Мы навещаем эти дома, но уже не каждый день.

Он — больший герой, чем мы все вместе взятые. В нем огромная творческая сила. Обычно творческую силу мы отождествляем со способностями хорошего скульптора, художника, музыканта. Его опыт — постоянная борьба с природой, не с деревом или камнем, а со своей природой. Это огромный опыт. И даже если бы он был самым необразованным, он вносил бы в культуру невероятные ценности. Здесь так отчетливо видно, как сходятся образованные с необразованными.

Год назад в дом “Барки”, приехала семья из Голландии. Трое взрослых детей и родители, у которых вот-вот исполнялось 30-летие свадьбы. Никто здесь их не знал, и они никого не знали. Просто услышали в Голландии, что существует такая община, и решили отметить свой семейный юбилей поездкой в “Барку”. Неделю спустя они уже вовсю работали, ставя забор внушительного лесного питомника.

—Если поискать библейских параллелей в размышлении о человеке, то надо было бы сказать так: есть Ветхий Завет, Новый Завет и... еще новейший завет. Принципы “зуб за зуб” и самаритянский — это уже далекое прошлое. Европейская культура вступила в новый этап, на котором мысль о человеке сосредоточена на развитии личности. Наши законы о социальной помощи, укоренившиеся в психике две тысячи лет назад, едва равняются самаритянской идеи: подними, поставь, доведи до корчмы или аптеки. В законе так: если у кого-то нет средств для существования и приюта, то гмина обязана раз в день предоставить ему теплую пищу. У человека катастрофические жизненные трудности, с которыми он не в состоянии справиться, а тут ему говорят: ты можешь поесть раз в день. Далее — ночлег. Не пребывание, а ночлег, то есть место, где можно переспать. Ну и, пожалуй, одежда, если уж последние лохмотья с человека сваливаются. И точка.

Если гмина дает есть раз в день, то мы прибавляем еще два. Гмина дает ночлег; мы организуем занятия. Гмина дает одежду, а мы — оборудование, мастерские, так, чтобы у этого человека было будущее. Человека нужно увидеть не только в социальных категориях, но во всем процессе воспитания, развития всевозможных дарований. Только это укрепляет такого человека. Дает ему чувство смысла жизни и полного единения со средой — самой близкой или избранной.

В 1989 году Барбара и Томаш Садовские взяли в аренду разоренное школьное здание во Владиславове. Без всякой финансовой базы они вместе с 40 людьми создали столярную мастерскую, помещение для выращивания шампиньонов, парники и черно смородиновый сад. Спустя три года купили дом с хозяйственными постройками и 3 га земли в Юзефуве. Эту семейную общину основала первая в “Барке” супружеская чета. Хозяйство в Маршеве предоставила Познанская сельскохозяйственная академия. Голландцы, случайные знакомые с Познанской ярмарки, помогли “Барке” купить 20 га земли, и дали деньги для приобретения сельскохозяйственных машин. Друзья из Франции научили членов маршевской общины разведению коз, производству козьего сыра и помогли купить коз. Семья в Маршеве — крупный производитель породы Альпина.



Начиная с 1996 года “Барка” сотрудничает с Датским национальным отделением Хельсинкского комитета и датским Институтом социальных служб (Kofoeds Skole). Сотрудничество принесло плоды: в 1998 году было создано училище “Барка” им. Х.К.Кофеда в Познани. Безработных, “зависимых” и тех, кто вышел из пенитенциарных учреждений и психиатрических больниц училище готовит к жизни и труду. В четырех отремонтированных бараках действуют мастерские: переплетная, художественная, механическая, электрическая, слесарная, столярная, швейная. Здесь идет профобучение. Училище ведет также языковые и компьютерные курсы, дает юридические и социальные консультации, бездомным помогает найти жилье. В рамках училища функционируют: 4 приюты — 100 ночных мест для одиноких матерей с детьми, бездомных женщин и выселенных семей; детский сад, столовая, склад продовольствия, одежды, оборудования и стройматериалов, предназначенный для членов общины и беднейших жителей Познани и окрестностей. В Познани “Барка” каждый год организует сочельник для бездомных. Деятельность училища поддержали Министерство юстиции, датское Министерство общественных дел, Фонд им. Стефана Батория, администрация города Познани, а также частные лица и организации.

В Посадувке, во взятом в аренду разоренном фольварке, где раньше был госхоз, с помощью американского Фонда Хейпфера создана ферма кур и свиней.

В Чудопчицах в 1997 году “Барка” купила два недостроенных жилых корпуса, 60 га земли и разоренную усадебку, которую ремонтирует под контролем воеводского реставратора памятников. Здесь создается областной общественно-образовательный центр для окрестных гмин.

Проводятся курсы для служащих из центров социальной помощи и уездных центров помощи семье, затем обучение продолжается в Копенгагене на семинарах, организуемых Датским национальным отделением Хельсинкского комитета. В Чудопчицах создан также Центр международного сотрудничества с участием партнеров из Восточной и Западной Европы, где проходят Международные лагеря добровольцев “Изменим мир вместе”. В рамках поддерживаемой ООН, программы “Отверженные спасают отверженных”, здесь разводится редкая порода свиней (злотницкая пестрая) и выращиваются исчезающие виды фруктовых деревьев — такие разновидности существуют уже только в банке генов. В фольварке (тот, где раньше был госхоз), взятом в аренду у Агентства сельскохозяйственного имущества, на 400 га земли создается хозяйство, которое в планах “Барки” должно стать основой материального содержания всей общины. Община получила скотной двор вместе с 11 работниками. Она — единственный работодатель в деревне.

Воеводский реставратор памятников и окрестные гмины рассчитывают, что передача общине исторических объектов позволит их спасти. Недавно “Барке” предложили взять в аренду старинный евангелический костел с обвалившейся кровлей во Львувеке.

Формально община базируется на фонд “Барка”, существующий с 1990 года. Фонд положил начало “Встречам гражданских инициатив” в Познани и продолжает их поддерживать. Организует провозглашенный ООН на 17 октября Международный день борьбы с нищетой. Вдохновил создание поддерживающих развитие общины в Польше ассоциаций “Барка” во Франции, Голландии и Германии. Положил начало созданию союза неправительственных организаций (председатель — Томаш Садовский). Совместно с французским обществом “Эммаус” и с немецкой ассоциацией “Диакония” осуществляет проекты по обмену группами бездомных и организаций обучения для них. Организует обмен группами и обучение для украинских, белорусских и литовских неправительственных организаций. Наладил сотрудничество с американским “Корпусом мира”.



Томаш Садовский — председатель комиссии по делам бездомных при министре труда и социальной политики, член комиссии по делам строительства, советник премьер-министра по делам постпенитенциарной помощи, а также член правления Форума польских фондов.

В “Барке” родилось 13 детей. Члены общины пережили пять похорон, десять бракосочетаний, семь первых святых причастий, одну воинскую присягу. Три человека начали учиться в вузе, один получил университетский диплом без защиты, троим детям были предоставлены заграничные стипендии для завершения учебы.

Теперь с нашей стороны нужна ответственность уже иного порядка. Нужно создать такие механизмы, чтобы, когда нас уже не будет, те места, которые сильны силой индивидуальности одного или двух человек, стали сильными силой созидательности в социальном масштабе. И, естественно, индивидуальностей — но только многих.

Барбара и Томаш Садовские создали первую семью “Барки” думая, что это до конца их жизни. Десятилетний опыт строительства общины показал, что нужно искать образцы более широкого масштаба. Сюда приходят люди, которым нужна помощь в восстановлении их жизни. Многие здесь находят себя как лично, так и профессионально. Это они, их индивидуальности составляют будущее “Барки”. Есть, однако, многие, кто в общине восстанавливает себя, чтобы вернуться в нормальные социальные и рыночные структуры. И они уже готовы к возвращению. Не существует, однако, в Польше связующего звена между их прошлым, настоящим и польским рынком. В Чудопицах “Барка” начинает создавать предприятие на 40 рабочих мест, с нормальной рыночной структурой, которое должно стать таким звеном. Но для того, чтобы это, и другие такого типа предприятия, могли выполнять свою роль, необходимы государственная помощь и изменения в законодательстве. Барбара и Томаш Садовские верят, что для этого проекта, как и для всех других, до сих пор, они найдут партнеров.

Деятельность „Барки“ наградили и отметили:

Фонд культуры “Малые родины — Традиция и будущее” (поощрение)

Международная ассоциация ASHOKA “Новаторы на общее благо”

Министр труда и социальной политики (пять поощрений)

Австралийский фонд поддержки независимой польской культуры POLCUL (премия)

Henry Ford Conservation Awards (I польская премия и II европейская премия)

Томаш и Барбара Садовские получили награды и звания:

Гражданин Великой Польши* 1994 года

Индивидуальная премия газеты “Супер-Экспресс” “Человек — лекарство от всех зол”

Человек 1998 года

Фонд “Барка” — член:

Форума польских фондов

Европейского центра фондов в Брюсселе

ФЕАНСТА — Европейской ассоциации организаций, действующих в пользу бездомных

* Великая Польша (Wielkopolska) — историческое название земель вокруг Познани. — Пер.

Станислав Бараньчак

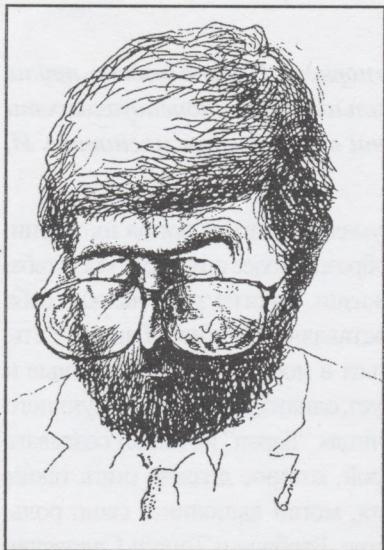
Стихотворения



Станислав Бараньчак

СТИХОТВОРЕНИЯ

Рис. P. Gawłowski (GAZETA WYBORCZA)



Лешек Шаруга СКАЛЬПЕЛЬ ЯЗЫКА

Лауреатом присуждаемой в третий раз премии «Ника» – самой престижной литературной награды в Польше – стал Станислав Бараньчак чей поэтический сборник «Хирургическая точность» был признан лучшей из опубликованных в 1998 году книг. В прошлые годы этой награды были удостоены роман Вацлава Мысливского «Окоем» и сборник эссе Чеслава Милоша «Собаченка у дороги».



Te, кто ест гренки, будут хрустеть сухарями

Te, кто ест гренки, будут хрустеть сухарями, но ничего не изменится; всем, кто сегодня щеголяет в носках и подтяжках, выдадут завтра ремни и портняки; и пойдут они, покрытые парадоксальной парусиной пламени, правда, уже стрелковой цепью, но все тем же строевым шагом, которым вчера ушли из-под хоругвей под транспаранты; воскресная прогулка превратится в будничный марш.

Кто лижет дверные ручки, те будут грызть решетку, но ничего не изменится, все заслаговременно избавятся от резцов и клыков, чтоб завтра жевать только пищу; и сядут они, укрытые парадоксальной ширмой стен, правда, уже в сторожевой вышке, но на той же самой табуретке, что вчера стояла возле нар у стенки камеры, воскресная дрема превратится в обыденную охрану.

Кто бьет челом, те будут бить по морде, но ничего не изменится; все, кто не хочет сегодня смотреть в глаза, будут завтра стрелять промеж глаз, они пойдут, вовлеченные в парадоксальный парад мертвцев, правда, вскинув плечо, но тем же самым движением,



которым вчера воздевали руки
или молитвенно складывали ладони;
воскресная месса преобразится в ежедневную казнь.

Перевод А.Базилевского

Протокол

Отдавая себе отчет
в том, что моя вина, безусловно
(апплодисменты),
доказана предыдущими ораторами,
я хотел бы
заявить в свое оправдание,
несмотря на то

(крики браво!),
что такое вопиющее нарушение
правил
не может быть (апплодисменты)
оправдано,
что я, действительно, родился, но
не по собственной воле и не из
корыстных побуждений;
этот поступок не давал мне

покоя (смех, крики
„браво!”) долгие

годы, тем не менее, как справедливо
было

отмечено, я не сумел сделать
из (апплодисменты) этого
соответствующих выводов
и пытался скрыть следы своего
действия, однако, коренным
(ироническое шипение) образом
переосмыслив и критически
переоценив свою прежнюю
позицию, я хочу решительно
от нее отмежеваться и просить,
чтобы

(смех в зале) мне дали еще
одну возможность (апплодисменты,
переходящие в овации).

Перевод А.Базилевского

Станислав Бараньчак привлек внимание критики уже первым своим томиком стихов «Коррекция лица» (1969) и был отмечен как один из самых оригинальных дебютантов того времени. Вскоре выяснилось, что он не только очень способный поэт, великолепно владеющий секретами лирического стиха (что однозначно доказал цикл «Ломаные сонеты»), но и крайне требовательный к общественной роли литературы критик в его сборнике очерков «Недоверчивые и самоуверенные» содержит не только точный и сокрушительный анализ молодой поэзии середины 60-х годов, выявляющий ее художественное эпигонство и идеиный комформизм, но и глубоко продуманная «исправительная» программа, учитывающая опыт поэтов старшего поколения – представителей течения «лингвистической поэзии», прежде всего Тимотеуша Карповича, Мирона Бялошевского и Витольда Вирпши. Бараньчак тогда писал: «отношение к языку и гуманистической действительности, присущее «лингвистической» поэзии, именно сейчас, в современных условиях, кажется мне исполненным исключительно высокого социального значения». В очередных сборниках эссе это утверждение получило дальнейшее развитие. В книге «Этика и поэзия» Бараньчак писал: «О каком-либо – эстетическом или этическом – смысле существования поэзии сегодня можно говорить, пожалуй, лишь в одном случае: если она неизменно и жестко, не щадя даже самое себя, пытается защитить свой язык от фальсификации и растления, с одной стороны, и бессильной изоляции, с другой».

С самого начала теоретические постулаты Бараньчака-критика с необыкновенной последовательностью реализовались Бараньчаком-поэтом, и оба они – эссеист и лирик – стали центральными фигурами одного из наиболее известных и влиятельных



течений в польской послевоенной поэзии, именуемого то «поколением 68», то «Новой Волной».

В программной статье «Несколько замечаний на тему современной поэзии», опубликованной в 1970 году в качестве предисловия к книге стихов «Одним духом», Бараньчак писал: « Итак она (поэзия – ред.) должна быть недоверчивостью. Критицизмом. Обличением. Она должна быть всем этим до тех пор, пока с нашей Земли не исчезнет последняя ложь, посредственная демагогия и последний акт насилия. Я не считаю, что именно поэзия сумеет этого добиться. (...) Однако я верю, что поэзия может этому способствовать; она может научить человека размышлять о мире в категориях рационального неприятия всего того, что угрожает ему в обличье лжи, демагогии и насилия». Эти слова, рожденные драматическими переживаниями в связи с подавлением властями студенческого бунта в 1968 году, были опубликованы в канун кровавой расправы с выступившими в защиту свободы рабочими городов на Балтийском побережье: Гданьска, Гдыни и Щецина.

Поразительно, что эта поэзия оказалась пророческой: она предсказала то, что стало явью всего лишь спустя несколько недель после публикации сборника под названием «Нет» :

это только слово «нет»,
последнее слово

из области крови – ты узнаешь
ее, как только

пули роем выпадают из стволов

В очередных своих книгах Бараньчак производил поэтическую деструкцию официального языка, коммунистического новояза, выявляя его усыпляющее и порабощающее воздействие на сознание человека в тоталитарном обществе. Поэтический текст, насыщенный газетными слоганами, бытовыми словечками, мыслительных клише, - противоречевыми и взаимоуничтожающими, -

Человеческие условия

Человеческие условия жизни мне обеспечены: право на чувства, неуверенность, страх, на (как это по-человечески) ненависть (ясное дело, к врагам - их мне тщательно подбирают, чтоб сам не трудился), право на человеческую (нет причин для стыда) физиологию: право потеть (за работой), плакать (в подушку), истекать кровью (на станции переливания крови); у меня есть не только право, но и обязанность проявлять чисто человеческие слабости: никто, к примеру,

не

заставляет меня быть героем, т.е. говорить правду, воздерживаться от доносов и более чем человеческой потребности пнуть лежачего; ничто человеческое мне не чуждо, и ничто чуждое не есть для меня человеческое, мы живем тут в своем кругу, чужие нам не нужны, у нас тут все свои, добрые знакомые, люди.

Перевод А.Базилевского

Посмотрим правде в глаза

Посмотрим правде в глаза в отрешенные глаза задетого локтем прохожего с поднятым воротником; вытаращенные глаза, вздетые к расписанию дальних поездов, близорукие глаза, ослепленные газетным петитом; в опухшие глаза, едва промытые спросонья, в заплаканные глаза, с которых днем второпях вытирают непослушные слезы, в глаза, поспешно



прикрыты монетами, - смерть строптива
и ох как резво загоняет нас в тупик
глазных впадин; мы должны до конца
отдать себя этим взглядам, чтоб оказаться на уровне
глаз, как надпись мелом на стене,
давайте рискнем посмотреть
правде в ее мутные глаза, которых она
с нас не спускает, -
глаза эти всюду: они устремлены в асфальт под
ногами,
вперены в тучу, уставлены в афишу;
и если даже никогда прежде у нас не подгибались
ноги, одно только это способно бросить нас
на колени

Перевод А.Базилевского.

Вот уж не чаял я

Вот уж не чаял я, что обоюдный крик
двух глоток хрипнувших не сможет хоть на миг
преодолеть того, чему названье - смерть,
что затыкает их как кляп, как ком, как шерсть;
вот уж не чаял я, что спазм обоих тел,
который вечностью, казалось, стать хотел,
как сон рассыпается в морщинах простыней,
когда запенится медлительной ручей
из тела в тело - воск, как rigor mortis воск -
о ласках языка и думать не пришлось,
и появилась вдруг для мертвых челюстей
повязка марлевая средь иных затей;
вот уж не чаял я: бессильная ладонь
с кровати свесилась и падает на дно,
где разливается минуты смертной пот,
он, впрочем, высохнет в одно мгновенье
под двойною тяжестью сплетающихся тел,
в которых кровь росла, росла, но вот предел.

Перевод С.Свяцкого

демонстрировал как результат проводимых с языком манипуляций, так и – то позволяла ироническая позиция автора – возможность противостояния насилию над языком элементарной чувствительности к нему. В стихотворении «Плакат» описывается один из плакатов, какими в начале 70-х годов была обклеена вся Польша: на фоне надписи «ПАРТИЯ» изображен стоящий у штурвала «представитель рабочего класса».

*С головой
слегка
приподнятой, с чистым взором,
устремленным
в будущее, которое (как всем
известно)
всегда ступенькой выше на
эскалаторе прогресса;
свет будущего режет только
близорукие
налитые кровью глаза
за стеклами очков (сами
виноваты,
нечего столько читать по
ночам, ночь
дана затем, чтобы спать); (...)
с выражением лица
осмыслиенным,
но оптимистическим:
голова дана затем, чтобы
думать, тут ведь
головой работать надо,
господа, головой,
слегка приподнятой.*

Прием, когда физическая сила противопоставляется хилым «очкикам» (в добавок читающим по ночам – известно, что они читают!), когда эпитет «мыслящий» сочетается с «оптимистическим» (хотя в те времена такие вещи уж никак не сочетались), – один из способов разоблачения тогдашнего пропагандистского языка.

Название очередного сборника Бараньчака носило уже явный отпечаток к самоиронии: «Я знаю, что это неправильно». Неправильно было, прежде всего, говорить правду, разоблачать газетный язык, хотя это – одна из обязанностей



литературы. Не удивительно, что в этих стихах стали появляться вопросы о том, каковы же собственно функции поэзии.

Неприятие такого мира, каким он был, неприятие всемогущей лжи и откровенного насилия были сутью не только поэзии Бараньчака – всегда изобилующей реалиями, однако всегда подчиненной законам формы, - но также и жизни ее автора. В середине 70-х Бараньчак участвует в различных акциях протеста против тоталитаризма и становится одним из основателей и членов Комитета Защиты Рабочих, а также редактором неподцензурных журналов «Запись» и «Критика». Лишенный права публиковать свои произведения, уволенный из Познанского университета, подвергаемый травле и репрессиям, поэт отвечает на насилие невероятной творческой активностью: выпускает один за другим – и в «самиздате», и в эмигрантской печати – сборники стихов и эссе. А также все больше и больше переводит – английскую, американскую и российскую поэзию. Во второй половине 70-х он выпускает в подпольных издательствах сборники Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского. Заканчивая обсуждение поздних стихов Мандельштама, Бараньчак подчеркивает: «Да, Мандельштам был «виновен» – виной поэта было уже само его существование и его внутренняя свобода, - виновен до конца. И конец его был, сколь это ни ужасно, логичен: человека, который не умел подавить в себе человеческие чувства, не мог ждать иной удел, нежели безымянная смерть во мраке бесчеловечной эпохи, нежели вырытая в мерзлой земле общая могила». Видя такую же жажду свободы в творчестве Бродского, Бараньчак замечает, что в стремлении утолить эту жажду необходимо подчиняться художественной дисциплине: «Получается, будто Бродский говорит: мир абсурден, но чтобы жить в нем, нужно условиться, что

Эти слова

Эти слова с трибун и те, в закрытых приемных,
эти, зашитые суповой нитью голоса
в темно-синий мешок костюма, и
те, раздетые донага
перед личным оскорблением шмона;
эти, известные, ибо ты слышал их слишком часто,
и те,
что ты с трудом вспоминал во время свиданий, всегда
слишком редких; эти слова, которые так легко
цедить сквозь ситечко микрофона,
и те, которым гораздо труднее
пробиться сквозь решетку,
эти провозглашаемые с неустраним бесстыдством
и те
приглушенные из стыдливого опасения перед ухом
охранника эти произносимые прямо
в сухой глазок телекамеры и те говоря которые
опускают глаза, потому что трудно
вынести женские слезы,
эти слова прерываемые в залах заседаний
бурными долго не смолкающими овациями
и те прерываемые в комнате свиданий
бдительным вмешательством звонка эти слова
слишком долгих речей и слишком кратких бесед
все эти слова - я знаю что это непостижимо
суть слова
одного и того же языка

Перевод А.Базилевского.



Меня это не касается

Это меня не касается, не меня
касается холодное дуло, приставленное к чьему-то
затылку,
не к моему ведь, и рука с пистолетом не моя, и
не мне судить кто прав и на чьей стороне лежит
лопата которой кому-то копали яму не морочьте
мне бритый черен думать об этом мне не с руки
ни с той что в кармане мундира ни
с той что скручена проволокой это меня
не касается (и знаю же что пустяк
а вот
не отпускает);

и еще повторяю себе это меня не касается не меня
касается указательный палец не моя голова
беззащитно прикрыта руками и ничего со мной
общего не имеет

тот избитый человек кроме совсем избитого факта
что и я - человек, а это немного
стоит, да и бьют
без причины я -то без предрассудков, но если
кого-то и где-то бьют безрассудно, знаю -
он сам виноват, а меня не касается это
(и знаю же - все это бред, а вот -
бредит);

и еще меня не касается и вовсе не задевает,
когда приходится исповедаться через решетку
анкеты, крупными буквами с облегчением
пишу НЕ КАСАЕТСЯ, это - когда спрашивают меня
о прежних, о нынешних и будущих взглядах,
сам себе я грехи отпускаю, даю себе слово,
что не дам себя ни во что втянуть и скажу ни слова
кроме, разве, самою крайней, ведь последнее слово
все равно - за сильнейшим, а меня не касается это
(и хоть это совсем
ничего для меня не значит,
но знаю ведь, знаю)

какой-то смысл в нем есть;
подобным образом и язык –
отражение мира – абсурден, но
именно поэтому его нужно в
максимально возможной степени
организовать, подчинить – вплоть
до крайностей – неким загодя
установленным правилам, не
меняющимся даже на огромных
пространствах поэм».

Эти размышления как бы
предваряют более поздние выводы,
записанные в программном сборнике
эссе «Плита из Макондо» (1990):
«Главный принцип поэзии, вся эта
парадоксальная краткость,
порождающая многозначность, и
многозначность, существующая
наперекор краткости, - не только
средство самообороны в борьбе с
Небытьем. Она также
ввидетельствует о существовании
трех внешних инстанций, у которых
есть одно общее свойство – в борьбе
с Небытьем каждая из них
выступает союзником личности,
одновременно ее перерастая.
Инстанции эти- Другие, Мир и
Трансцендентальность». Эти слова
написал уже не преследуемый в
привисленской провинции
советской империи поэт, а
пользующийся заслуженным
уважением профессор Гарвардского
университета, прекрасно
понимающий, что его прошлый,
тамошний» опыт оказывается – хоть
и в менее болезненной форме – и
«здесь», подтверждая тот факт, что
ценой свободы и в особенности
свободы творчества всегда остается
дисциплина.

Нетрудно заметить, как с годами
совершенствуется поэтическое
мастерство Баранчака: поэт
проявляет все большую
изобретательность в области формы
и все более виртуозное владение
языком; наиболее яркое тому
доказательство – изданный в 1998
году сборник «Хирургическая
точность». Для вошедших в него
произведений, выявляющих
парадоксы существования
обнаруживающих под его

Перевод В. Бетаки.



хаотической с виду поверхностью скрытый порядок, отраженный в упорядоченности поэтического языка, характерна также кажущаяся гармония: искусные аллитерации и словесные новообразования, стройные строфические системы и стихотворные ритмы время от времени нарушаются, ломаются. Таким образом, мы наблюдаем отказ от «гармонии» симетрии, от прямых заимствований, от какой бы то ни было дихотомии: языковое отражение мира не простое его копирование – это одновременно и преобразование, перекомпоновка, окрашивание образа личным переживанием, отметкой собственным клеймом. Именно такие «перебои» и есть след оставляемый нашим бренным существованием.

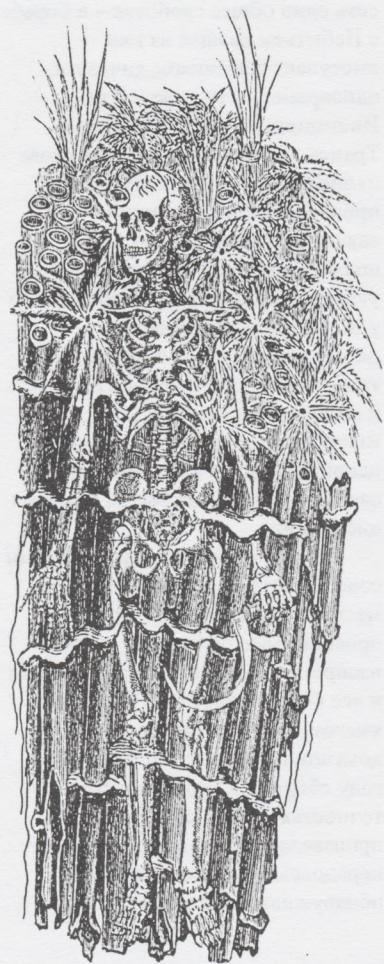


Рис. Д. Киселев

Вы тут не стояли

Вы тут не стояли, обращаю ваше внимание
На то, что вы за нас никогда горой
Не стояли, на наших позициях вы
Не стояли тоже, не говоря уж о том, что у нас во главе
Вы не стояли вообще никогда, короче, гражданин,
вас тут не стояло,
И мы настаиваем на то, чтобы вы перестали
упрямо стоять
на своем и на нашей земле, а уж она-то перед вами
устоит, вам-то что,
вы и так стоите на краю
братской могилы, это конец,
так стоит ли стоять на месте, не ставьте нас себя выше
других, встаньте
наконец в конце очереди, в конце концов
найдется какое-нибудь место и для вас

Перевод А. Базилевского

Мы сидели все на чемоданах

Мы сидели век на чемоданах
(нашей кожею обтянутых и драных);
и суставы одеревенели
(лучше бы шарниры были в теле);
пользовались мозгом мы мятежным
(и по комнаткам парили смежным);
спазмы в сердце были небольшие
(шла водопроводом аритмия);
образ мира глазом был утрачен
(был проем у форточки прозрачен);
без стола, без кухни и без миски
жили мы на временной прописке,
мы себя в пространстве не отыщем,
пробавляясь век таким жилищем.

Перевод С. Святского



Дикта, фанера, картонка, плита из опилок

Дикта, фанера, картонка, плита
из опилок,
я еще выпрямлюсь, и
позвоночник в затылок

крепко упрется, и круглые
четки хребтины
всплятся впрямь, как убогие
мебели спины

в их наготе дощатой, фанерной,
картонной;
да, я еще воскресну, хоть и не
знаю, который

я; перестану гнуться, хотя
упрямая вера не проживет в
моем теле столько, сколько
фанера,

что вертикальность шкафа
делает неистомной;
словно луна ко мне своей
половиной темной

вдруг обернулась - стою,
прикладываю ухо, мебели
сердце пустое глухо стучит и
сухо

о своем дешевом бессмертье; я
же еще – я чаю –
выпрямлюсь и продвинусь, в
себе спрятленном вмешая

весь этот мир, что прям и
прост, о моя гробовая
плита, плита из опилок,
фанерочка kleevaya.

Перевод Н. Горбаневской



Манук Жажоян

ПОЭЗИЯ ПОЛЬСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

*Польская поэзия: XX век.
Антология. Ред., сост. и
предисл. А.Базилевского. М.,
“Вахаэр”, 1995.*

Эта антология — четвертая книга из “Коллекции польской литературы”, которую мы рецензируем. До этого были сборники Чеслава Миланча, Кароля Войтылы, а также антология, составленная из стихов Виславы Шимборской, Яна Твардовского, Збигнева Херберта и др. Об известности трех из названных имен излишне говорить: два Нобелевских лауреата (Милош, Шимборская), Римский поэтифик... Да и творчество не столь увенчанных славой поэтов — Твардовского и Херберта — давно уже осмыслено как классика нашего века не только поляками, но и всяkim интересующимся польской культурой иностранцем.

Имена же поэтов, вошедших в рецензируемую здесь антологию, могут русскому читателю вообще ничего не сказать. Это поэты, вошедшие в литературу в 60-е годы: Эва Липская, Рафал Воячек, Юзеф Баран, Лешек Александр Мочульский, Станислав Баравчак. Почти ровесники (1945-1947), лишь Мочульский родился в 1938-м.

“Давно не новая волна, но мы ее почти не знаем. Каждый по-своему, они нащупали неровный пульс эпохи”, — пишет в предисловии Андрей Базилев-



ский. Да, действительно, это очень “шестидесятническая” поэзия. Но не в подчеркнутой “демократичности”, популизме, газетности многих ультрапоэтических образцов тех времен. А в остром чувстве экзистенциальной, планетарной драмы, которая именно в 60-е годы достигала своего апогея. Эту драму ошибочно принимали за “оттепели” и “весны”, за все виды революций, вплоть до сексуальной: она была шире и глубже, чем все это, в отдельности и вместе взятое. Это было последнее десятилетие, когда поэзия (а польская, как мы теперь видим, в особенности) еще соотносилась себя с драмой современности, когда она была пульсом и голосом, когда она даже в самых интимных образцах была, простите, общественно значимой. Затем пришел (и цветет в сию пору) самодостаточный, довлеющий себе стих, требующий в жертву “проблемам стихосложения” и пульс, и голос.

Польская поэзия — поэзия оппозиционная, конфликтная. Но это конфликт поэта не с чем-то, что вне его, и даже не с самим собой, а, собственно, с границей, отделяющей внешнее от внутреннего. Вероятно, это можно иметь в виду под “пограничной ситуацией”. Результатом такого конфликта является самоотчуждение.

*Поосторожней с самим собой.
Не слишком себе доверяй.
Ты можешь, сам не подозревая,
выстрелить себе в затылок.*

(Эва Липская “Предостережение”)

То была эпоха последних поисков смысла, семантики человеческого удела — перед тем, как уже не останется душевных сил хотя бы признавать его абсурдным. 80-90-е годы часто не смогут расслышать даже готовых ответов; 60-е же искали прежде всего, вопросов.

Ваяние земли

Эти неподвижные взрывы
грунта,
эти вырванные из котловин
и в неведомом направлении
вздыбленные глыбы,
замороженные в долю секунды
волны
вспененных гор:
кто их придумал? кто стоит за
всем этим?
кто приложил к этому руку, кто
искорежил
и перекрутил тонкую ткань
Земли? знаю,
это мертвцы бьют головой
снизу
в нагроможденья гранитных
обломков, это они выталкивая
горы, хотят пробиться
наружу, но остаются в могилах:
ибо новые валятся им на грудь
и в мягкой земле, в твердой
скале ваяют
своими лицами посмертные
маски; этот хаос,
нагромождение гор, долин,
перевалов,
это скульптура Земли,
нескончаемый и
неоконченный портрет этих лиц

Перевод С. Свяцкого



С нами не пропадешь

С нами не пропадешь,
не обманывай себя, не надейся
пропасть
в толпе среди нас, заполнивших эту
площадь
пропотевших рубашек, с нами, с
нами держись,
только с нами - и не пропадешь, и
тебе не удастся
прикрыться краской стыда — а
впрочем,
ты уж и так ее внутрь загнал, нет,
среди нас ты
пропасть не можешь - скоро и ты
руку приложишь
к нашему делу, к древку плаката:
**ТРЕБУЕМ ПРИМЕРНОГО
НАКАЗАНИЯ ДЛЯ**

так что не обманывайся, тебя не
спасет
ни ироническая усмешка,
запрятанная в кишки,
ни беззвучное повторение
простейшего заклинанья нашей
простейшей веры:
**ПРИКАЗЕСТЬПРИКАЗЕСТЬПРИКАЗЕСТЬ-
ПРИКАЗ,**
не прячь стыдливо флагок за спиной,
ты —
с нами,
и раньше ли, позже
твою понурую голову настигнет удар
вечно горящего над этим открытым
плацем
солнца совести.

Перевод С. Свяцкого

Все переводы взяты из антологии «Польская поэзия: XX век», изданной Андреем Базилевским («ВАХАЗАР» 1995).

*Голод зовет меня.
Всё у меня есть. Есть своя
правда.*

*Есть во что верить. Есть
друзья. Голод пронизывает меня.
Есть у меня свое место.
Есть для кого жить.
А я голодая.*

(Лешек Александр Мочульский
“Голод”)

Плодом конфликтно поставленного вопроса может быть не ответ на него, но парадокс. Польская поэзия, пожалуй, явственнее, чем какая-либо другая, — это поэзия лирического парадокса.

*Я лежала на дне
но потоп не спас меня.*

*Я горела в огне
но пожар не спас меня.*

*Не спасли меня катакстро-фы
поездов и автомобилей.*

*И конец света не спас —
у него на меня просто не было
времени.*

*Ничего меня не спасло.
ЖИВУ.*

(Эва Липская)



Рис. Д. Киселев



Среди поэтов нашей антологии есть один, умерший 26 лет назад в возрасте 26 лет, — Рафал Воячек. Поэзия со всеми присущими 20-25-летнему возрасту аксессуарами: трупы, скелеты, вспоротые животы, мышьяк, любовница повешенного и т.д. Но поэт, пугающий так, что нам не страшно, сумел превозойти самого себя в предсмертной зрелости, в стихах самых последних лет. Вот последнее в антологии стихотворение Рафала Воячека:

*Кто это мне явился в зеркалах
Не женщина, не облачко тумана,
А персонаж, хотя и самозванный?
Но без него не выйдет альманах.*

*Кто эту рюмку выпил и хотя
Не пьяница, а вытащен из грязи
Полицей, кто раб своих фантазий
И секций поэтических дитя?*

*Кто это пишет ручкою моей
Стихи в моей тетрадке? Кто в постели
С моей женой, кто это в самом деле?
Кто вышел только что там из дверей?*

Во многом рассудочная, сработанная из ребусного характера аллегорий, чрезмерно афористично, поэзия Юзефа Барана оставила меня в основном беспрепетным. Блеск афоризмов и блеск иронии в поэзии, увы, раньше всего тускнеют от времени. Здесь есть энергия риска, но не чувствуется “энергии заблуждения”. Однако бесспорно хороши стихи Барана “Сама жизнь”, вынесенные составителем на последнюю страницу обложки:

*все меньшие тех
кто готов отдать жизнь
за свое дело
все большие тех
кто отнимает у себя*

КРИТИК МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Возможно, мужество быть тенью не всякому дано. И тот, кто знает изнутри, что такое критика, знает и эту драму вечно уязвленного тщеславия.

Это — драма всякой «импрессионистической» и «имманентной» критики, всякой «эссеистики»...

(Из рецензии Манука Жажояна на «Силуэты русских писателей» Ю.Айхенвальда)

В этом и ближайших номерах «Новая Польша» перепечатывает из старых номеров «Русской мысли» три рецензии Манука Жажояна на переводы польских поэтов. Тем, кто уже читал их (а я надеюсь, что круг читателей парижской газеты и варшавского журнала частично совпадают), наверное с радостью перечитают: мало кто хранит дома подшивки газеты, в которой на протяжении нескольких, увы, быстро промелькнувших лет тексты Манука были одними из самых ожидаемых читателями. Тем, кто не читал «PM», не следил за «карьерой» молодого критика, эти рецензии на польскую поэзию позволят (в ожидании готовящейся к изданию в Петербурге большой книги литературного наследия Манука) познакомиться не только с рецензируемыми книгами, но и с этим глубоким и тонким критиком.

Манук Жажоян (1963-1997) печатался у нас в газете всего четыре года, вплоть до своей безвременной гибели. Последние года три — чуть не в каждом номере: стихи, статьи, эссе, интервью, но больше всего — рецензии, которые называл своей «поденчиной». Слово горькое и все же не вполне справедливое. Манук, конечно, «по духу» был поэт, но сам признался в одной из своих записных книжек: «Да ведь и я так и не сложился как поэт, так и остался (или всегда был?) “эссеистом”» (этую запись нашла его жена



Анна Пустынцева, собирая материалы для будущей книги). «Эссеистом» он был и в своих рецензиях, особенно когда дело казалось поэзии, — пожалуй, даже совершеннее, чем в своих развернутых «эссе».

Тесное пространство рецензии — три-четыре машинописных странички — странным образом давало ему и размах, и дыхание. Сосредоточиваясь на данной книге, данных стихах, он никогда не пользовался ею как поводом уклониться в сторону «заветных мыслей», не связанных с рецензируемым материалом, однако он столько в своей жизни (всю жизнь?) думал о стихах, о поэзии, что ни одна его рецензия не оставалась хладнокровной аннотацией прочитанного, превращаясь в крохотное «эссе», что, как мы знаем, значит «опыт». Его «опыты» прочтения стихов, я уверена, войдут в историю русской критики. Манук любил стихи, как сейчас, похоже, уже мало кто их любит. Но, главное, он умел их читать, как сейчас — если судить по тому, что пишут русские критики, — пожалуй, никто не умеет.

Наталья Горбаневская

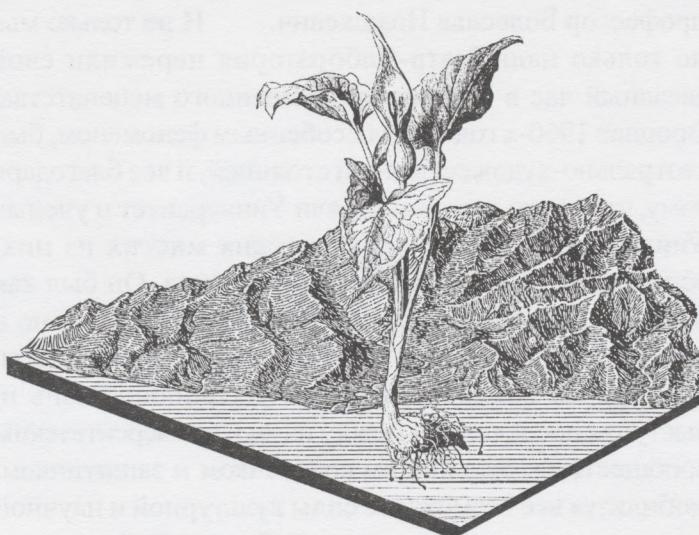


Рис. Д. Киселев

жизнь
не имея дела
а больше всего
тех
кто не может
ни отдать жизнь
ни отнять ее у себя
они
хлеб и соль нашей земли
они
сама жизнь.
Наиболее интересным, сложным и глубоким поэтом мне показался Станислав Бараньчак. Алхимия его поэтической работы всегда страдательна; он не препарирует стих и заключенную в нем мысль — он готов сам оказаться пациентом. Или во всяком случае — сочувствовать стиху, отождествиться с ним. Вот его «Черешня алая...», нечто родственное, кстати, «Чертополоху» Заболоцкого: Черешня алая, она как бы вразброс
в кровавых мускулах и рассеченных ранах,
в бинтах расстрапанных, в переплетеньях странных,
во вздутой череде густеющих полос...

Оттого его поэзия так телесна, так болезненно телесна. Дикта, фанера, картонка, плита из опилок, я еще выпрямлюсь, и позвоночник в затылок крепко упрется, и круглые четки хребтины вспятся впрямь, как убогие мебели спины...

И — самая чувствительная для поэта сфера **телесности**: Каждое слово вызывает стыд, его ломает на порогах губ, языка, зубов. Звуки,ibriруя, напирая, долбят неподатливое русло: язык врастает в дно, пересохшие губы слабеют, вот-вот строй зубов распадается...
(«Артикуляция»)

Стихи, составившие антологию, даны в переводах О.Абрамович, А.Базилевского, В.Бетаки, Н.Горбаневской, С.Свяцкого, А.Шараповой. Почти все стихи публикуются на русском языке впервые.

Лешек Шаруга

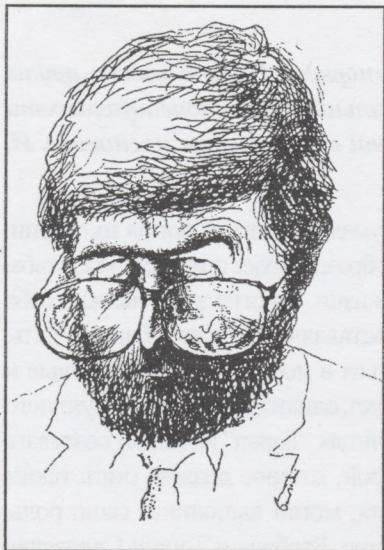
Скальпель языка



Станислав Бараньчак

СТИХОТВОРЕНИЯ

Рис. P. Gawłowski (GAZETA WYBORCZA)



Лешек Шаруга СКАЛЬПЕЛЬ ЯЗЫКА

Лауреатом присуждаемой в третий раз премии «Ника» – самой престижной литературной награды в Польше – стал Станислав Бараньчак чей поэтический сборник «Хирургическая точность» был признан лучшей из опубликованных в 1998 году книг. В прошлые годы этой награды были удостоены роман Вацлава Мысливского «Окоем» и сборник эссе Чеслава Милоша «Собаченка у дороги».



Te, кто ест гренки, будут хрустеть сухарями

Te, кто ест гренки, будут хрустеть сухарями, но ничего не изменится; всем, кто сегодня щеголяет в носках и подтяжках, выдадут завтра ремни и портняшки; и пойдут они, покрытые парадоксальной парусиной пламени, правда, уже стрелковой цепью, но все тем же строевым шагом, которым вчера ушли из-под хоругвей под транспаранты; воскресная прогулка превратится в будничный марш.

Кто лижет дверные ручки, те будут грызть решетку, но ничего не изменится, все заслаговременно избавятся от резцов и клыков, чтоб завтра жевать только пищу; и сядут они, укрытые парадоксальной ширмой стен, правда, уже в сторожевой вышке, но на той же самой табуретке, что вчера стояла возле нар у стенки камеры, воскресная дрема превратится в обыденную охрану.

Кто бьет челом, те будут бить по морде, но ничего не изменится; все, кто не хочет сегодня смотреть в глаза, будут завтра стрелять промеж глаз, они пойдут, вовлеченные в парадоксальный парад мертвцев, правда, вскинув плечо, но тем же самым движением,



которым вчера воздевали руки
или молитвенно складывали ладони;
воскресная месса преобразится в ежедневную казнь.

Перевод А.Базилевского

Протокол

Отдавая себе отчет
в том, что моя вина, безусловно
(апплодисменты),
доказана предыдущими ораторами,
я хотел бы
заявить в свое оправдание,
несмотря на то

(крики браво!),
что такое вопиющее нарушение
правил
не может быть (апплодисменты)
оправдано,
что я, действительно, родился, но
не по собственной воле и не из
корыстных побуждений;
этот поступок не давал мне

покоя (смех, крики
„браво!”) долгие

годы, тем не менее, как справедливо
было

отмечено, я не сумел сделать
из (апплодисменты) этого
соответствующих выводов
и пытался скрыть следы своего
действия, однако, коренным
(ироническое шипение) образом
переосмыслив и критически
переоценив свою прежнюю
позицию, я хочу решительно
от нее отмежеваться и просить,
чтобы

(смех в зале) мне дали еще
одну возможность (апплодисменты,
переходящие в овации).

Перевод А.Базилевского

Станислав Бараньчак привлек внимание критики уже первым своим томиком стихов «Коррекция лица» (1969) и был отмечен как один из самых оригинальных дебютантов того времени. Вскоре выяснилось, что он не только очень способный поэт, великолепно владеющий секретами лирического стиха (что однозначно доказал цикл «Ломаные сонеты»), но и крайне требовательный к общественной роли литературы критик в его сборнике очерков «Недоверчивые и самоуверенные» содержит не только точный и сокрушительный анализ молодой поэзии середины 60-х годов, выявляющий ее художественное эпигонство и идеиный комформизм, но и глубоко продуманная «исправительная» программа, учитывающая опыт поэтов старшего поколения – представителей течения «лингвистической поэзии», прежде всего Тимотеуша Карповича, Мирона Бялошевского и Витольда Вирпши. Бараньчак тогда писал: «отношение к языку и гуманистической действительности, присущее «лингвистической» поэзии, именно сейчас, в современных условиях, кажется мне исполненным исключительно высокого социального значения». В очередных сборниках эссе это утверждение получило дальнейшее развитие. В книге «Этика и поэзия» Бараньчак писал: «О каком-либо – эстетическом или этическом – смысле существования поэзии сегодня можно говорить, пожалуй, лишь в одном случае: если она неизменно и жестко, не щадя даже самое себя, пытается защитить свой язык от фальсификации и растления, с одной стороны, и бессильной изоляции, с другой».

С самого начала теоретические постулаты Бараньчака-критика с необыкновенной последовательностью реализовались Бараньчаком-поэтом, и оба они – эссеист и лирик – стали центральными фигурами одного из наиболее известных и влиятельных



течений в польской послевоенной поэзии, именуемого то «поколением 68», то «Новой Волной».

В программной статье «Несколько замечаний на тему современной поэзии», опубликованной в 1970 году в качестве предисловия к книге стихов «Одним духом», Бараньчак писал: « Итак она (поэзия – ред.) должна быть недоверчивостью. Критицизмом. Обличением. Она должна быть всем этим до тех пор, пока с нашей Земли не исчезнет последняя ложь, посредственная демагогия и последний акт насилия. Я не считаю, что именно поэзия сумеет этого добиться. (...) Однако я верю, что поэзия может этому способствовать; она может научить человека размышлять о мире в категориях рационального неприятия всего того, что угрожает ему в обличье лжи, демагогии и насилия». Эти слова, рожденные драматическими переживаниями в связи с подавлением властями студенческого бунта в 1968 году, были опубликованы в канун кровавой расправы с выступившими в защиту свободы рабочими городов на Балтийском побережье: Гданьска, Гдыни и Щецина.

Поразительно, что эта поэзия оказалась пророческой: она предсказала то, что стало явью всего лишь спустя несколько недель после публикации сборника под названием «Нет» :

это только слово «нет»,
последнее слово

из области крови – ты узнаешь
ее, как только

пули роем выпадают из стволов

В очередных своих книгах Бараньчак производил поэтическую деструкцию официального языка, коммунистического новояза, выявляя его усыпляющее и порабощающее воздействие на сознание человека в тоталитарном обществе. Поэтический текст, насыщенный газетными слоганами, бытовыми словечками, мыслительными клише, – противоречевыми и взаимоуничтожающими, –

Человеческие условия

Человеческие условия жизни мне обеспечены: право на чувства, неуверенность, страх, на (как это по-человечески) ненависть (ясное дело, к врагам - их мне тщательно подбирают, чтоб сам не трудился), право на человеческую (нет причин для стыда) физиологию: право потеть (за работой), плакать (в подушку), истекать кровью (на станции переливания крови); у меня есть не только право, но и обязанность проявлять чисто человеческие слабости: никто, к примеру,

не

заставляет меня быть героем, т.е. говорить правду, воздерживаться от доносов и более чем человеческой потребности пнуть лежачего; ничто человеческое мне не чуждо, и ничто чуждое не есть для меня человеческое, мы живем тут в своем кругу, чужие нам не нужны, у нас тут все свои, добрые знакомые, люди.

Перевод А.Базилевского

Посмотрим правде в глаза

Посмотрим правде в глаза в отрешенные глаза задетого локтем прохожего с поднятым воротником; вытаращенные глаза, вздетые к расписанию дальних поездов, близорукие глаза, ослепленные газетным петитом; в опухшие глаза, едва промытые спросонья, в заплаканные глаза, с которых днем второпях вытирают непослушные слезы, в глаза, поспешно



прикрыты монетами, - смерть строптива
и ох как резво загоняет нас в тупик
глазных впадин; мы должны до конца
отдать себя этим взглядам, чтоб оказаться на уровне
глаз, как надпись мелом на стене,
давайте рискнем посмотреть
правде в ее мутные глаза, которых она
с нас не спускает, -
глаза эти всюду: они устремлены в асфальт под
ногами,
вперены в тучу, уставлены в афишу;
и если даже никогда прежде у нас не подгибались
ноги, одно только это способно бросить нас
на колени

Перевод А.Базилевского.

Вот уж не чаял я

Вот уж не чаял я, что обоюдный крик
двух глоток хрипнувших не сможет хоть на миг
преодолеть того, чему названье - смерть,
что затыкает их как кляп, как ком, как шерсть;
вот уж не чаял я, что спазм обоих тел,
который вечностью, казалось, стать хотел,
как сон рассыпается в морщинах простыней,
когда запенится медлительной ручей
из тела в тело - воск, как rigor mortis воск –
о ласках языка и думать не пришлось,
и появилась вдруг для мертвых челюстей
повязка марлевая средь иных затей;
вот уж не чаял я: бессильная ладонь
с кровати свесилась и падает на дно,
где разливается минуты смертной пот,
он, впрочем, высохнет в одно мгновенье
под двойною тяжестью сплетающихся тел,
в которых кровь росла, росла, но вот предел.

Перевод С.Свяцкого

демонстрировал как результат проводимых с языком манипуляций, так и – то позволяла ироническая позиция автора – возможность противостояния насилию над языком элементарной чувствительности к нему. В стихотворении «Плакат» описывается один из плакатов, какими в начале 70-х годов была обклеена вся Польша: на фоне надписи «ПАРТИЯ» изображен стоящий у штурвала «представитель рабочего класса».

*С головой
слегка
приподнятой, с чистым взором,
устремленным
в будущее, которое (как всем
известно)
всегда ступенькой выше на
эскалаторе прогресса;
свет будущего режет только
близорукие
налитые кровью глаза
за стеклами очков (сами
виноваты,
нечего столько читать по
ночам, ночь
дана затем, чтобы спать); (...)
с выражением лица
осмыслиенным,
но оптимистическим:
голова дана затем, чтобы
думать, тут ведь
головой работать надо,
господа, головой,
слегка приподнятой.*

Прием, когда физическая сила противопоставляется хилым «очкикам» (в добавок читающим по ночам – известно, что они читают!), когда эпитет «мыслящий» сочетается с «оптимистическим» (хотя в те времена такие вещи уж никак не сочетались), – один из способов разоблачения тогдашнего пропагандистского языка.

Название очередного сборника Бараньчака носило уже явный отпечаток к самоиронии: «Я знаю, что это неправильно». Неправильно было, прежде всего, говорить правду, разоблачать газетный язык, хотя это – одна из обязанностей



литературы. Не удивительно, что в этих стихах стали появляться вопросы о том, каковы же собственно функции поэзии.

Неприятие такого мира, каким он был, неприятие всемогущей лжи и откровенного насилия были сутью не только поэзии Бараньчака – всегда изобилующей реалиями, однако всегда подчиненной законам формы, - но также и жизни ее автора. В середине 70-х Бараньчак участвует в различных акциях протеста против тоталитаризма и становится одним из основателей и членов Комитета Защиты Рабочих, а также редактором неподцензурных журналов «Запись» и «Критика». Лишенный права публиковать свои произведения, уволенный из Познанского университета, подвергаемый травле и репрессиям, поэт отвечает на насилие невероятной творческой активностью: выпускает один за другим – и в «самиздате», и в эмигрантской печати – сборники стихов и эссе. А также все больше и больше переводит – английскую, американскую и российскую поэзию. Во второй половине 70-х он выпускает в подпольных издательствах сборники Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского. Заканчивая обсуждение поздних стихов Мандельштама, Бараньчак подчеркивает: «Да, Мандельштам был «виновен» – виной поэта было уже само его существование и его внутренняя свобода, – виновен до конца. И конец его был, сколь это ни ужасно, логичен: человека, который не умел подавить в себе человеческие чувства, не мог ждать иной удел, нежели безымянная смерть во мраке бесчеловечной эпохи, нежели вырытая в мерзлой земле общая могила». Видя такую же жажду свободы в творчестве Бродского, Бараньчак замечает, что в стремлении утолить эту жажду необходимо подчиняться художественной дисциплине: «Получается, будто Бродский говорит: мир абсурден, но чтобы жить в нем, нужно условиться, что

Эти слова

Эти слова с трибун и те, в закрытых приемных,
эти, зашитые суповой нитью голоса
в темно-синий мешок костюма, и
те, раздетые донага
перед личным оскорблением шмона;
эти, известные, ибо ты слышал их слишком часто,
и те,
что ты с трудом вспоминал во время свиданий, всегда
слишком редких; эти слова, которые так легко
цедить сквозь ситечко микрофона,
и те, которым гораздо труднее
пробиться сквозь решетку,
эти провозглашаемые с неустраним бесстыдством
и те
приглушенные из стыдливого опасения перед ухом
охранника эти произносимые прямо
в сухой глазок телекамеры и те говоря которые
опускают глаза, потому что трудно
вынести женские слезы,
эти слова прерываемые в залах заседаний
бурными долго не смолкающими овациями
и те прерываемые в комнате свиданий
бдительным вмешательством звонка эти слова
слишком долгих речей и слишком кратких бесед
все эти слова – я знаю что это непостижимо
суть слова
одного и того же языка

Перевод А.Базилевского.



Меня это не касается

Это меня не касается, не меня
касается холодное дуло, приставленное к чьему-то
затылку,
не к моему ведь, и рука с пистолетом не моя, и
не мне судить кто прав и на чьей стороне лежит
лопата которой кому-то копали яму не морочьте
мне бритый черен думать об этом мне не с руки
ни с той что в кармане мундира ни
с той что скручена проволокой это меня
не касается (и знаю же что пустяк
а вот
не отпускает);

и еще повторяю себе это меня не касается не меня
касается указательный палец не моя голова
беззащитно прикрыта руками и ничего со мной
общего не имеет
тот избитый человек кроме совсем избитого факта
что и я - человек, а это немного
стоит, да и бьют
без причины я -то без предрассудков, но если
кого-то и где-то бьют безрассудно, знаю -
он сам виноват, а меня не касается это
(и знаю же - все это бред, а вот -
бредит);

и еще меня не касается и вовсе не задевает,
когда приходится исповедаться через решетку
анкеты, крупными буквами с облегчением
пишу НЕ КАСАЕТСЯ, это - когда спрашивают меня
о прежних, о нынешних и будущих взглядах,
сам себе я грехи отпускаю, даю себе слово,
что не дам себя ни во что втянуть и скажу ни слова
кроме, разве, самою крайней, ведь последнее слово
все равно - за сильнейшим, а меня не касается это
(и хоть это совсем
ничего для меня не значит,
но знаю ведь, знаю)

какой-то смысл в нем есть;
подобным образом и язык –
отражение мира – абсурден, но
именно поэтому его нужно в
максимально возможной степени
организовать, подчинить – вплоть
до крайностей – неким загодя
установленным правилам, не
меняющимся даже на огромных
пространствах поэм».

Эти размышления как бы
предваряют более поздние выводы,
записанные в программном сборнике
эссе «Плита из Макондо» (1990):
«Главный принцип поэзии, вся эта
парадоксальная краткость,
порождающая многозначность, и
многозначность, существующая
наперекор краткости, - не только
средство самообороны в борьбе с
Небытьем. Она также
ввидетельствует о существовании
трех внешних инстанций, у которых
есть одно общее свойство – в борьбе
с Небытьем каждая из них
выступает союзником личности,
одновременно ее перерастая.
Инстанции эти- Другие, Мир и
Трансцендентальность». Эти слова
написал уже не преследуемый в
привисленской провинции
советской империи поэт, а
пользующийся заслуженным
уважением профессор Гарвардского
университета, прекрасно
понимающий, что его прошлый,
тамоший» опыт оказывается – хоть
и в менее болезненной форме – и
«здесь», подтверждая тот факт, что
ценой свободы и в особенности
свободы творчества всегда остается
дисциплина.

Нетрудно заметить, как с годами
совершенствуется поэтическое
мастерство Баранчака: поэт
проявляет все большую
изобретательность в области формы
и все более виртуозное владение
языком; наиболее яркое тому
доказательство – изданный в 1998
году сборник «Хирургическая
точность». Для вошедших в него
произведений, выявляющих
парадоксы существования
обнаруживающих под его

Перевод В. Бетаки.



хаотической с виду поверхностью скрытый порядок, отраженный в упорядоченности поэтического языка, характерна также кажущаяся гармония: искусные аллитерации и словесные новообразования, стройные строфические системы и стихотворные ритмы время от времени нарушаются, ломаются. Таким образом, мы наблюдаем отказ от «гармонии» симетрии, от прямых заимствований, от какой бы то ни было дихотомии: языковое отражение мира не простое его копирование – это одновременно и преобразование, перекомпоновка, окрашивание образа личным переживанием, отметкой собственным клеймом. Именно такие «перебои» и есть след оставляемый нашим бренным существованием.

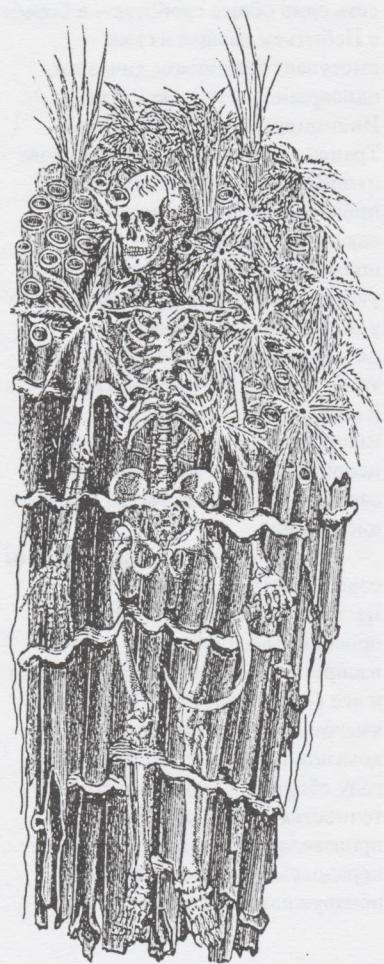


Рис. Д. Киселев

Вы тут не стояли

Вы тут не стояли, обращаю ваше внимание
На то, что вы за нас никогда горой
Не стояли, на наших позициях вы
Не стояли тоже, не говоря уж о том, что у нас во главе
Вы не стояли вообще никогда, короче, гражданин,
вас тут не стояло,
И мы настаиваем на то, чтобы вы перестали
упрямо стоять
на своем и на нашей земле, а уж она-то перед вами
устоит, вам-то что,
вы и так стоите на краю
братской могилы, это конец,
так стоит ли стоять на месте, не ставьте нас себя выше
других, встаньте
наконец в конце очереди, в конце концов
найдется какое-нибудь место и для вас

Перевод А. Базилевского

Мы сидели все на чемоданах

Мы сидели век на чемоданах
(нашей кожею обтянутых и драных);
и суставы одеревенели
(лучше бы шарниры были в теле);
пользовались мозгом мы мятежным
(и по комнаткам парили смежным);
спазмы в сердце были небольшие
(шла водопроводом аритмия);
образ мира глазом был утрачен
(был проем у форточки прозрачен);
без стола, без кухни и без миски
жили мы на временной прописке,
мы себя в пространстве не отыщем,
пробавляясь век таким жилищем.

Перевод С. Святского

Манук Жажоян

Поэзия польских шестидесятников



Дикта, фанера, картонка, плита из опилок

Дикта, фанера, картонка, плита
из опилок,
я еще выпрямлюсь, и
позвоночник в затылок

крепко упрется, и круглые
четки хребтины
всплятся впрямь, как убогие
мебели спины

в их наготе дощатой, фанерной,
картонной;
да, я еще воскресну, хоть и не
знаю, который

я; перестану гнуться, хотя
упрямая вера не проживет в
моем теле столько, сколько
фанера,

что вертикальность шкафа
делает неистомной;
словно луна ко мне своей
половиной темной

вдруг обернулась - стою,
прикладываю ухо, мебели
сердце пустое глухо стучит и
сухо

о своем дешевом бессмертье; я
же еще – я чаю –
выпрямлюсь и продвинусь, в
себе спрятленном вмешая

весь этот мир, что прям и
прост, о моя гробовая
плита, плита из опилок,
фанерочка kleevaya.

Перевод Н. Горбаневской



Манук Жажоян

ПОЭЗИЯ ПОЛЬСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

*Польская поэзия: XX век.
Антология. Ред., сост. и
предисл. А.Базилевского. М.,
“Вахаэр”, 1995.*

Эта антология — четвертая книга из “Коллекции польской литературы”, которую мы рецензируем. До этого были сборники Чеслава Миланча, Кароля Войтылы, а также антология, составленная из стихов Виславы Шимборской, Яна Твардовского, Збигнева Херберта и др. Об известности трех из названных имен излишне говорить: два Нобелевских лауреата (Милош, Шимборская), Римский поэтифик... Да и творчество не столь увенчанных славой поэтов — Твардовского и Херберта — давно уже осмыслено как классика нашего века не только поляками, но и всяkim интересующимся польской культурой иностранцем.

Имена же поэтов, вошедших в рецензируемую здесь антологию, могут русскому читателю вообще ничего не сказать. Это поэты, вошедшие в литературу в 60-е годы: Эва Липская, Рафал Воячек, Юзеф Баран, Лешек Александр Мочульский, Станислав Баранчик. Почти ровесники (1945-1947), лишь Мочульский родился в 1938-м.

“Давно не новая волна, но мы ее почти не знаем. Каждый по-своему, они нащупали неровный пульс эпохи”, — пишет в предисловии Андрей Базилев-



ский. Да, действительно, это очень “шестидесятническая” поэзия. Но не в подчеркнутой “демократичности”, популизме, газетности многих ультрапоэтических образцов тех времен. А в остром чувстве экзистенциальной, планетарной драмы, которая именно в 60-е годы достигала своего апогея. Эту драму ошибочно принимали за “оттепели” и “весны”, за все виды революций, вплоть до сексуальной: она была шире и глубже, чем все это, в отдельности и вместе взятое. Это было последнее десятилетие, когда поэзия (а польская, как мы теперь видим, в особенности) еще соотносилась себя с драмой современности, когда она была пульсом и голосом, когда она даже в самых интимных образцах была, простите, общественно значимой. Затем пришел (и цветет в сию пору) самодостаточный, довлеющий себе стих, требующий в жертву “проблемам стихосложения” и пульс, и голос.

Польская поэзия — поэзия оппозиционная, конфликтная. Но это конфликт поэта не с чем-то, что вне его, и даже не с самим собой, а, собственно, с границей, отделяющей внешнее от внутреннего. Вероятно, это можно иметь в виду под “пограничной ситуацией”. Результатом такого конфликта является самоотчуждение.

*Поосторожней с самим собой.
Не слишком себе доверяй.
Ты можешь, сам не подозревая,
выстрелить себе в затылок.*

(Эва Липская “Предостережение”)

То была эпоха последних поисков смысла, семантики человеческого удела — перед тем, как уже не останется душевных сил хотя бы признавать его абсурдным. 80-90-е годы часто не смогут расслышать даже готовых ответов; 60-е же искали прежде всего, вопросов.

Ваяние земли

Эти неподвижные взрывы
грунта,
эти вырванные из котловин
и в неведомом направлении
вздыбленные глыбы,
замороженные в долю секунды
волны
вспененных гор:
кто их придумал? кто стоит за
всем этим?
кто приложил к этому руку, кто
искорежил
и перекрутил тонкую ткань
Земли? знаю,
это мертвцы бьют головой
снизу
в нагроможденья гранитных
обломков, это они выталкивая
горы, хотят пробиться
наружу, но остаются в могилах:
ибо новые валятся им на грудь
и в мягкой земле, в твердой
скале ваяют
своими лицами посмертные
маски; этот хаос,
нагромождение гор, долин,
перевалов,
это скульптура Земли,
нескончаемый и
неоконченный портрет этих лиц

Перевод С. Свяцкого



С нами не пропадешь

С нами не пропадешь,
не обманывай себя, не надейся
пропасть
в толпе среди нас, заполнивших эту
площадь
пропотевших рубашек, с нами, с
нами держись,
только с нами - и не пропадешь, и
тебе не удастся
прикрыться краской стыда — а
впрочем,
ты уж и так ее внутрь загнал, нет,
среди нас ты
пропасть не можешь - скоро и ты
руку приложишь
к нашему делу, к древку плаката:
**ТРЕБУЕМ ПРИМЕРНОГО
НАКАЗАНИЯ ДЛЯ**

так что не обманывайся, тебя не
спасет
ни ироническая усмешка,
запрятанная в кишки,
ни беззвучное повторение
простейшего заклинанья нашей
простейшей веры:
**ПРИКАЗЕСТЬПРИКАЗЕСТЬПРИКАЗЕСТЬ-
ПРИКАЗ,**
не прячь стыдливо флагок за спиной,
ты —
с нами,
и раньше ли, позже
твою понурую голову настигнет удар
вечно горящего над этим открытым
плацем
солнца совести.

Перевод С. Свяцкого

Все переводы взяты из антологии «Польская поэзия: XX век», изданной Андреем Базилевским («ВАХАЗАР» 1995).

*Голод зовет меня.
Всё у меня есть. Есть своя
правда.*

*Есть во что верить. Есть
друзья. Голод пронизывает меня.
Есть у меня свое место.
Есть для кого жить.
А я голодая.*

*(Лешек Александр Мочульский
“Голод”)*

Плодом конфликтно поставленного вопроса может быть не ответ на него, но парадокс. Польская поэзия, пожалуй, явственнее, чем какая-либо другая, — это поэзия лирического парадокса.

*Я лежала на дне
но потоп не спас меня.*

*Я горела в огне
но пожар не спас меня.*

*Не спасли меня катакстро-фы
поездов и автомобилей.*

*И конец света не спас —
у него на меня просто не было
времени.*

*Ничего меня не спасло.
ЖИВУ.*

(Эва Липская)



Рис. Д. Киселев



Среди поэтов нашей антологии есть один, умерший 26 лет назад в возрасте 26 лет, — Рафал Воячек. Поэзия со всеми присущими 20-25-летнему возрасту аксессуарами: трупы, скелеты, вспоротые животы, мышьяк, любовница повешенного и т.д. Но поэт, пугающий так, что нам не страшно, сумел превозойти самого себя в предсмертной зрелости, в стихах самых последних лет. Вот последнее в антологии стихотворение Рафала Воячека:

*Кто это мне явился в зеркалах
Не женщина, не облачко тумана,
А персонаж, хотя и самозванный?
Но без него не выйдет альманах.*

*Кто эту рюмку выпил и хотя
Не пьяница, а вытащен из грязи
Полицей, кто раб своих фантазий
И секций поэтических дитя?*

*Кто это пишет ручкою моей
Стихи в моей тетрадке? Кто в постели
С моей женой, кто это в самом деле?
Кто вышел только что там из дверей?*

Во многом рассудочная, сработанная из ребусного характера аллегорий, чрезмерно афористично, поэзия Юзефа Барана оставила меня в основном беспрепетным. Блеск афоризмов и блеск иронии в поэзии, увы, раньше всего тускнеют от времени. Здесь есть энергия риска, но не чувствуется “энергии заблуждения”. Однако бесспорно хороши стихи Барана “Сама жизнь”, вынесенные составителем на последнюю страницу обложки:

*все меньшие тех
кто готов отдать жизнь
за свое дело
все большие тех
кто отнимает у себя*

КРИТИК МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Возможно, мужество быть тенью не всякому дано. И тот, кто знает изнутри, что такое критика, знает и эту драму вечно уязвленного тщеславия.

Это — драма всякой «импрессионистической» и «имманентной» критики, всякой «эссеистики»...

(Из рецензии Манука Жажояна на «Силуэты русских писателей» Ю.Айхенвальда)

В этом и ближайших номерах «Новая Польша» перепечатывает из старых номеров «Русской мысли» три рецензии Манука Жажояна на переводы польских поэтов. Тем, кто уже читал их (а я надеюсь, что круг читателей парижской газеты и варшавского журнала частично совпадают), наверное с радостью перечитают: мало кто хранит дома подшивки газеты, в которой на протяжении нескольких, увы, быстро промелькнувших лет тексты Манука были одними из самых ожидаемых читателями. Тем, кто не читал «PM», не следил за «карьерой» молодого критика, эти рецензии на польскую поэзию позволят (в ожидании готовящейся к изданию в Петербурге большой книги литературного наследия Манука) познакомиться не только с рецензируемыми книгами, но и с этим глубоким и тонким критиком.

Манук Жажоян (1963-1997) печатался у нас в газете всего четыре года, вплоть до своей безвременной гибели. Последние года три — чуть не в каждом номере: стихи, статьи, эссе, интервью, но больше всего — рецензии, которые называл своей «поденчиной». Слово горькое и все же не вполне справедливое. Манук, конечно, «по духу» был поэт, но сам признался в одной из своих записных книжек: «Да ведь и я так и не сложился как поэт, так и остался (или всегда был?) “эссеистом”» (этую запись нашла его жена



Анна Пустынцева, собирая материалы для будущей книги). «Эссеистом» он был и в своих рецензиях, особенно когда дело казалось поэзии, — пожалуй, даже совершеннее, чем в своих развернутых «эссе».

Тесное пространство рецензии — три-четыре машинописных странички — странным образом давало ему и размах, и дыхание. Сосредоточиваясь на данной книге, данных стихах, он никогда не пользовался ею как поводом уклониться в сторону «заветных мыслей», не связанных с рецензируемым материалом, однако он столько в своей жизни (всю жизнь?) думал о стихах, о поэзии, что ни одна его рецензия не оставалась хладнокровной аннотацией прочитанного, превращаясь в крохотное «эссе», что, как мы знаем, значит «опыт». Его «опыты» прочтения стихов, я уверена, войдут в историю русской критики. Манук любил стихи, как сейчас, похоже, уже мало кто их любит. Но, главное, он умел их читать, как сейчас — если судить по тому, что пишут русские критики, — пожалуй, никто не умеет.

Наталья Горбаневская

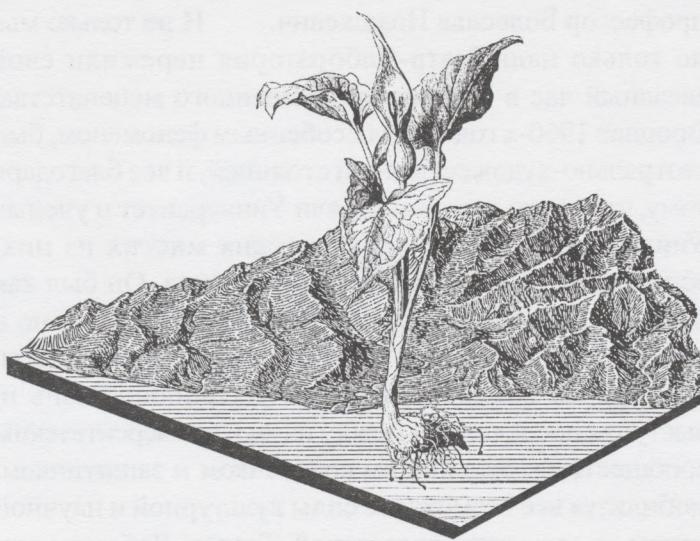


Рис. Д. Киселев

жизнь
не имея дела
а больше всего
тех
кто не может
ни отдать жизнь
ни отнять ее у себя
они
хлеб и соль нашей земли
они
сама жизнь.
Наиболее интересным, сложным и глубоким поэтом мне показался Станислав Бараньчак. Алхимия его поэтической работы всегда страдательна; он не препарирует стих и заключенную в нем мысль — он готов сам оказаться пациентом. Или во всяком случае — сочувствовать стиху, отождествиться с ним. Вот его “Черешня алая...”, нечто родственное, кстати, “Чертополоху” Заболоцкого: Черешня алая, она как бы вразброс
в кровавых мускулах и рассеченных ранах,
в бинтах расстрапанных, в переплетеньях странных,
во вздутой череде густеющих полос...

Оттого его поэзия так телесна, так болезненно телесна. Дикта, фанера, картонка, плита из опилок, я еще выпрямлюсь, и позвоночник в затылок крепко упрется, и круглые четки хребтины вспятся впрямь, как убогие мебели спины...

И — самая чувствительная для поэта сфера **телесности**: Каждое слово вызывает стыд, его ломает на порогах губ, языка, зубов. Звуки,ibriруя, напирая, долбят неподатливое русло: язык врастает в дно, пересохшие губы слабеют, вот-вот строй зубов распадается...
(“Артикуляция”)

Стихи, составившие антологию, даны в переводах О.Абрамович, А.Базилевского, В.Бетаки, Н.Горбаневской, С.Свяцкого, А.Шараповой. Почти все стихи публикуются на русском языке впервые.

Наталья Горбаневская

Критик милостью божией



Среди поэтов нашей антологии есть один, умерший 26 лет назад в возрасте 26 лет, — Рафал Воячек. Поэзия со всеми присущими 20-25-летнему возрасту аксессуарами: трупы, скелеты, вспоротые животы, мышьяк, любовница повешенного и т.д. Но поэт, пугающий так, что нам не страшно, сумел превзойти самого себя в предсмертной злости, в стихах самых последних лет. Вот последнее в антологии стихотворение Рафала Воячека:

*Кто это мне явился в зеркалах
Не женщина, не облачко тумана,
А персонаж, хотя и самозванный?
Но без него не выйдет альманах.*

*Кто эту рюмку выпил и хотя
Не пьяница, а вытащен из грязи
Полицей, кто раб своих фантазий
И секций поэтических дитя?*

*Кто это пишет ручкою моей
Стихи в моей тетрадке? Кто в постели
С моей женой, кто это в самом деле?
Кто вышел только что там из дверей?*

Во многом рассудочная, сработанная из ребусного характера аллегорий, чрезмерно афористично, поэзия Юзефа Барана оставила меня в основном беспрепетным. Блеск афоризмов и блеск иронии в поэзии, увы, раньше всего тускнеют от времени. Здесь есть энергия риска, но не чувствуется “энергии заблуждения”. Однако бесспорно хороши стихи Барана “Сама жизнь”, вынесенные составителем на последнюю страницу обложки:

*все меньшие тех
кто готов отдать жизнь
за свое дело
все большие тех
кто отнимает у себя*

КРИТИК МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Возможно, мужество быть тенью не всякому дано. И тот, кто знает изнутри, что такое критика, знает и эту драму вечно уязвленного тщеславия.

Это — драма всякой «импрессионистической» и «имманентной» критики, всякой «эссеистики»...

(Из рецензии Манука Жажояна на «Силуэты русских писателей» Ю.Айхенвальда)

В этом и ближайших номерах «Новая Польша» перепечатывает из старых номеров «Русской мысли» три рецензии Манука Жажояна на переводы польских поэтов. Тем, кто уже читал их (а я надеюсь, что круг читателей парижской газеты и варшавского журнала частично совпадают), наверное с радостью перечитают: мало кто хранит дома подшивки газеты, в которой на протяжении нескольких, увы, быстро промелькнувших лет тексты Манука были одними из самых ожидаемых читателями. Тем, кто не читал «PM», не следил за «карьерой» молодого критика, эти рецензии на польскую поэзию позволят (в ожидании готовящейся к изданию в Петербурге большой книги литературного наследия Манука) познакомиться не только с рецензируемыми книгами, но и с этим глубоким и тонким критиком.

Манук Жажоян (1963-1997) печатался у нас в газете всего четыре года, вплоть до своей безвременной гибели. Последние года три — чуть не в каждом номере: стихи, статьи, эссе, интервью, но больше всего — рецензии, которые называл своей «поденчиной». Слово горькое и все же не вполне справедливое. Манук, конечно, «по духу» был поэт, но сам признался в одной из своих записных книжек: «Да ведь и я так и не сложился как поэт, так и остался (или всегда был?) “эссеистом”» (этую запись нашла его жена



Анна Пустынцева, собирая материалы для будущей книги). «Эссеистом» он был и в своих рецензиях, особенно когда дело казалось поэзии, — пожалуй, даже совершеннее, чем в своих развернутых «эссе».

Тесное пространство рецензии — три-четыре машинописных странички — странным образом давало ему и размах, и дыхание. Сосредоточиваясь на данной книге, данных стихах, он никогда не пользовался ею как поводом уклониться в сторону «заветных мыслей», не связанных с рецензируемым материалом, однако он столько в своей жизни (всю жизнь?) думал о стихах, о поэзии, что ни одна его рецензия не оставалась хладнокровной аннотацией прочитанного, превращаясь в крохотное «эссе», что, как мы знаем, значит «опыт». Его «опыты» прочтения стихов, я уверена, войдут в историю русской критики. Манук любил стихи, как сейчас, похоже, уже мало кто их любит. Но, главное, он умел их читать, как сейчас — если судить по тому, что пишут русские критики, — пожалуй, никто не умеет.

Наталья Горбаневская

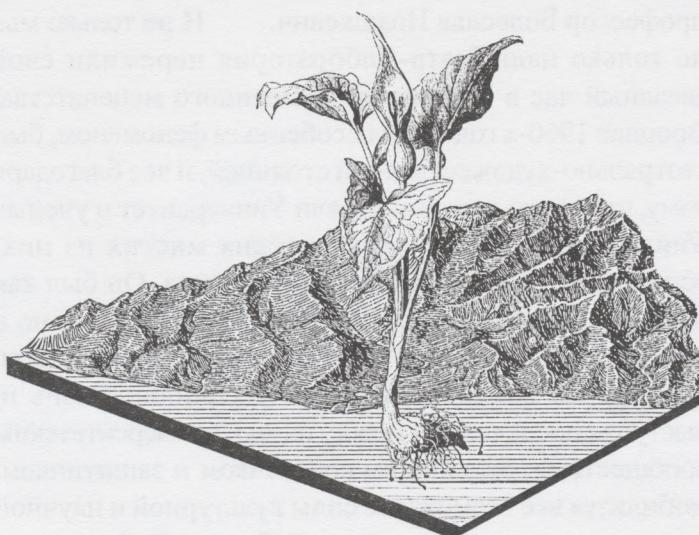


Рис. Д. Киселев

жизнь
не имея дела
а больше всего
тех
кто не может
ни отдать жизнь
ни отнять ее у себя
они
хлеб и соль нашей земли
они
сама жизнь.
Наиболее интересным, сложным и глубоким поэтом мне показался Станислав Бараньчак. Алхимия его поэтической работы всегда страдательна; он не препарирует стих и заключенную в нем мысль — он готов сам оказаться пациентом. Или во всяком случае — сочувствовать стиху, отождествиться с ним. Вот его “Черешня алая...”, нечто родственное, кстати, “Чертополоху” Заболоцкого: Черешня алая, она как бы вразброс
в кровавых мускулах и рассеченных ранах,
в бинтах расстрапанных, в переплетеньях странных,
во вздутой череде густеющих полос...

Оттого его поэзия так телесна, так болезненно телесна. Дикта, фанера, картонка, плита из опилок, я еще выпрямлюсь, и позвоночник в затылок крепко упрется, и круглые четки хребтины вспятся впрямь, как убогие мебели спины...

И — самая чувствительная для поэта сфера **телесности**: Каждое слово вызывает стыд, его ломает на порогах губ, языка, зубов. Звуки,ibriруя, напирая, долбят неподатливое русло: язык врастает в дно, пересохшие губы слабеют, вот-вот строй зубов распадается...
(“Артикуляция”)

Стихи, составившие антологию, даны в переводах О.Абрамович, А.Базилевского, В.Бетаки, Н.Горбаневской, С.Свяцкого, А.Шараповой. Почти все стихи публикуются на русском языке впервые.

Ежи Гротовский

Мой путь в мир

Уважаемый господин Ректор и все вы, дорогие мне присутствующие здесь сегодня, знакомые и незнакомые мне друзья...

Само место, где я сейчас принимаю почетное звание, исполнено для меня огромного значения. Ведь именно Вроцлав стал когда-то для нас, в нашей работе в Театре - Лаборатории, первой настоящей точкой опоры, стал городом, приютившим нас тогда, когда мы были совершенно бездомны. Нашей работе грозила приостановка. Но Вроцлавом, на счастье, в те годы во всех делах культуры управляло университетское общество, сообщество светлых умов.

Поэтому и хотелось бы сегодня вспомнить, что патронами города в 1960-е годы были люди науки, что мэром города был университетский профессор Болеслав Ивашкевич. И не только мы, не только наш Театр-Лаборатория пережили свой звездный час в те годы просвещенного меценатства. Вроцлав 1960-х годов был особенным феноменом, был театрально-художественной столицей, и все благодаря тому, что за его плечами стояли Университет и ученые Университета.

Вспоминаю сегодня многих из них; вспоминаю профессора Чеслава Гернasa. Он был как бы сторонним человеком в нашей Лаборатории, но в то же время находился в самой гуще нашей работы. Он глубоко вникал в нашу внутреннюю жизнь и, выступая посредником между нами и университетским сообществом, был нашим советчиком и защитником, мобилизуя все возможные силы культурной и научной среды, в моменты грозившей Театру-Лаборатории опасности; он, крупный ученый, был нашим связным между явными, а еще более - между тайными друзьями, сотоварищами и приверженцами нашего дела. Многие университетские имена я вспоминаю сегодня с огромной благодарностью. И, поэтому, не стану скрывать, что присуждение мне высокого звания *Honoris Causa* в стенах Вроцлавского Университета имеет для меня глубоко символическое значение.

КАК МЫ НАЧИНАЛИ?

Вспомним, что мы начинали в 1959 году, в небольшом городке Ополе, и были маргинальной группой молодых людей, по существу почти авантюрного склада, которая смогла получить

во всех своих порывах какие-то положительные результаты лишь потому, что связала свои авантюрные склонности с огромной внутренней дисциплиной.

(...) Так, начав с бунтарства в области общественной жизни, а по сути, бунтуя против «артистического ремесла», - мы пришли к постижению этого ремесла. В систематичности, в методологии. Пришли к его постижению - в деталях и через посредство деталей. Мы стали исследователями, следопытами доподлинного - а не видимого или формального - профессионализма.

А дальше - дальше открылась та долгая наша дорога, ведущая в мир. Мы ушли в поиск, мы надеялись на обретение какого-то подлинного отзыва, мы хотели влиять на людей. Мы ушли в работу тяжелую и систематическую, полностью погруженную в «точности» и «подробности». Дисциплину Театра-Лаборатории нередко сравнивали с монастырской. Что ж, только таким путем и можно было работать.

Театр по природе своей искусство коллективное. В эту минуту, когда я получаю высокое отличие как человек, как режиссер, как руководитель всего нашего начинания, я хочу подчеркнуть: за всем тем, о чем я только что говорил, стоит труд моих сотоварищей, первого коллектива Театра-Лаборатории, той давней малой группы, зародившейся в Ополе, которая была позже, в момент грозившей ей ликвидации, спасена городом Вроцлавом: нас сюда пригласили и здесь нам, впервые были созданы человеческие условия. Хочу сказать: за всем тем, что мне было дано, стоял не один человек, стояли многие люди.

КОГО Я ПРОДОЛЖАЮ?

Другая тема, другая нить моего выступления. Порою звучат высказывания, связывающие мое имя, а точнее сказать, мою деятельность, со «второй театральной реформой». То есть с тем, что развивалось в противоречие - а может быть, в продолжение? - той Первой реформе, за которой стоят имена Станиславского, Мейерхольда и многих других. Что ж, отвечу. Я учился многому у Станиславского, и в этом аспекте и до сегодняшнего дня ничего не изменилось: мое уважение остается все тем же. Я, просто, начал свой путь там, где Станиславский, умирая, его завершил.

Станиславский никогда, ни на одном из своих «этапов развития» не тормозился, не буксовал. Никогда - какой бы успех или какую бы известность они ему не сулили. Он продолжал свое дело. Поэтому, видимо, его и считали, даже в

родимом театре, одни – чудаком, другие – безумцем. Ведь людям свойственно, что-то открыв, освоив, а тем более завоевав, располагаться на этом деле поудобней, как в мягкому кресле. А Станиславский продолжал свое дело. Конец его делу-движению пришел только с концом самой жизни. Я же предпринял продолжение его работы в той точке, в которой он ее оборвал.

Я хотел бы вспомнить и тех моих соотечественников, кого я, смею думать, продолжил. Вот они: довоенный варшавский театр «Редута» и его руководитель, изумительный польский актер Юлиуш Остерва. По моему ощущению мы продолжили основные принципы Остерьвы и его коллектива «Редуты» в измерениях профессионального этоса, в самой модели, как сейчас принято говорить, воззрения на искусство.

ЧТО БУДЕТ С ТЕМИ, КТО...

А сейчас позвольте и мне задать мой вопрос. Мы жили в трудные времена, и мы начали в трудные времена, не правда ли? Да, было совсем нелегко, но, тем не менее, нужно было создать такую группу, как наша, такую лабораторию; нужно было начать такую работу. Нельзя было сказать себе: отсидимся и переждем с добрых два три десятка лет, а там посмотрим, может, что-нибудь и изменится. Начинать надо было немедленно. Так вот, мой вопрос: что и как будет с теми, кто захочет сегодня начать свое дело, и тоже – начать немедленно? Я говорю обо всем этом потому, что в моем ощущении положение в польской культуре крайне тревожно. Существует огромная опасность ее заражения идеями коммерциализации. Хочу сказать сразу: большая неправда кроется в утверждении, что поддержка искусства «большими» или вообще каким бы то ни было капиталом, открывает путь театру и тем великим художественным явлениям. Надо быть слишком наивным или намеренно лживым, чтобы так утверждать. Не открывает его и так называемое самофинансирующееся искусство; не спорю, такое искусство тоже необходимо, нужны мюзик-холлы, нужны некоторые формы развлекающего искусства. Нельзя ничего возразить и против того, что нередко театральных "учреждений" бывает, чисто количественно, многовато. Но те художественные организмы, которые могут нести в себе некое развитие, должны быть задуманы на долгий срок и заложены для многолетней работы. Они не должны быть импровизационными. Неправда, что можно просить денег у богачей, проходя "с шапкой по кругу", а потом плыть в вольном фарватере, пренебрегая их вкусами. Это неправда. Я достаточно хорошо знаю мир, в котором раскинуты сети подобного рода

зависимостей. Хотел бы предостеречь от пересадки на польский грунт американской театральной модели, от меркантильного опыта этой страны. Перевес меркантилизма над делом искусства уже привел театр во владениях заокеанской державы – театр как художественный коллектив, как театр ансамбля – на грань гибели. Такого театра в Америке уже почти нет. То, что там называется "театрами", на самом деле – просто дома, строения, здания, где производится набор режиссеров по найму, это попросту импресариаты. Режиссеры – или как их называют, casting directors – эти спецы по формовке актерских составов спектаклей – нанимают актеров, по привычной системе прослушивания (auditions), и они, как батраки и батрачки, пройдя полагающиеся отборы, нанимаются на три-четыре-пять недель репетиций; и вот таким путем делается представление. Не хотелось бы, чтобы такой "образец", перед которым поляки готовы склониться, привел к смерти театра на той земле, на которой когда-то это искусство являло свои высшие достижения.

Повсеместна ли, всеобъемлюща ли такая напасть в Соединенных Штатах Америки? Нет. Существуют, к примеру, превосходные балетные труппы, есть выдающиеся музыкальные коллективы. Но театр такая напасть не поразила.

Со времен Станиславского театр – что каждому, кто эту дисциплину трактует всерьез, разумеется ясно – требует очень долгих, длительных процессов работы. Для того и нужны "театры ансамбля". Но театральная картина, "ансамбли" не вечна, они умирают, их век короток: десять – двенадцать лет. Но эти десять – двенадцать – пятнадцать лет нужны для того, чтобы в конце концов, простило то, что можно назвать перспективой усилий. Если же актеры скликаются, порою по воле случая, к каждой премьере, если нету совместной работы вокруг одного или двух – трех режиссеров, то работа актера начинает напоминать вырубку леса вслепую. Актер вынужден спешно всего себя выставить напоказ в максимально выгодном свете, иначе – долой, освободи место под солнцем рынка! – а значит, он вынужден максимально использовать то, что он уже наработал, что он уже знает и то, что умеет. Иначе сказать, ему ничего не открыть. Искусство же, то искусство, где поставлена высокая планка, оно – не в эксплуатации, оно все – в открывании.

Знаю, что существует негласный, молчаливо соблюдаемый принцип, когда начинается коммерциализация искусства, признанных мастеров пытаются от нее уберечь: "ну, уж мастеров мы не дадим поглотить, мастерам мы создадим все

"условия" – вот как говорится в таких случаях, вот какой аргумент выдвигается. Но когда я давным-давно приехал в Ополе и когда потом, тоже в самом начале работал во Вроцлаве, я тогда мастером не был. Я был полным вихрящихся планов "чудилой", чудаком – бунтарем, все и всему делал наперекор, я даже в речь и в язык вводил неизвестные, неизведанные понятия. Вот когда мне была необходима защита. А какую защиту получат сегодня те, кто только теперь, вот сейчас начинают? Здесь – ключевая проблема. Не для мастеров, а для тех, кто – в начале, кто сегодня еще неизвестен, не за ангажементом, за возможность втиснуться в четырех – а, от силы, пятинедельную репетицию? А может, все-таки, будут найдены какие-то иные формы, позволяющие совсем еще молодым попробовать себя в работе систематичной и по-настоящему длительной? Здесь я вижу важнейшую точку, ключевой пункт: беречь надо не мастеров, беречь надо тех, кто способен принять на себя долговременную работу – и беречь тогда, когда они мастерами ее не стали.

Думаю, что образцом для театра моей страны, Польши, в области меценатства должна стать Европа, а не Америка. Должны существовать страны, в которых еще сохранилась традиция театра, уходящего корнями в эпоху просвещенной монархии, как, например, во Франции или в Италии; традиция, существующая именно благодаря просвещенности правящих сил. Аргументы? Не аргументы важны. Иногда то, что мы готовы назвать "лицемерием", может способствовать сохранению ценностей: им, этим ценностям, сохраниться и выстоять. В Западной Европе возможен такой некоммерческий путь развития для культуры. Это значит, что формы коммерческие принимают, их терпят, но субсидируют – некоммерческие. С огромными сложностями, с огромным усилием, но некоммерческое искусство все-таки держится. В Европе не считается, и даже не подразумевается, как в Америке, что театр – это "industry".

А ТЕПЕРЬ О ТОМ, ЧЕМ Я ЗАНЯТ, ЧТО ДЕЛАЮ?

В последние годы в "Рабочей Мастерской" в Понтедере, в Италии, мои занятия (уже не только с актерами, но и с людьми "пришедшиими отовсюду") сосредоточились на том, что я сам назвал Ритуальными Искусствами. Есть разница между искусством "театра спектаклей" и этим видом его творческой практики.

В Ритуальных Искусствах все происходит в самих действующих людях, в участниках – в них самих, непосредственно (...) Иначе говоря, это своего рода работа над собой, в которой все

элементы являются элементами тончайшего артистического ремесла и, в значительной мере, тождественны с элементами ремесла в зрелищных искусствах. Только цели в применении этих элементов здесь другие, а точность и проработанность каждой детали, каждой подробности должна быть еще более тщательной (...)

В Понтдере, где я работаю, мы не теряем связи с самыми разными группами молодого театра или с группами "поискового" театра; они приезжают к нам из Италии, из Европы, из любых других уголков земного шара. В Центре устраиваются встречи, во время которых наши гости проигрывают перед нами свои спектакли, показывают упражнения, элементы своего тренинга. А потом наша группа проделывает в присутствии приезжей группы свои упражнения, свой тренинг, показывает ту работу, которая проделана в области Ритуальных Искусств: нашими "акциями", действованиеми. Они основаны на элементах физических действий, скомпонованного движения, темпопритма; и на своеобразных, традиционных, более того, архаичных текстах и - прежде всего - на очень своеобразных, архаических, вибрационных песнях. Эти "действования" не предназначены для зрителей. Но они доступны для приглашенных театральных групп, то есть для сотоварищей по профессии в качестве наблюдателей, и служат своего рода полем для анализа ремесла. Затем происходит совместный ремесленный анализ двух групп: нашей группы и группы приезжей (хочу подчеркнуть, что работа в группах происходит отдельно: никакого взаимного соучастия нет). Таким образом, мы стремимся установить своего рода стык и обмен живых сил, живых соков между искусством "театра спектаклей" и тем, что мы называем Ритуальными Искусствами.

Свое выступление я закончу старинной притчей. И - не изменяя себе - вопросом. Одна из глав древней китайской "Книги Перемен" называется "Колодец". Там говорится, что если даже колодец прекрасно выдолблен в почве, выложен камнем и укреплен, и если даже вода в нем по-настоящему превосходна, но никто не приходит к колодцу, чтобы этой воды зачерпнуть, то может в нем завестись всякая живность, и вода в нем застоится. Вот и я тоже задался вопросом: как же так сделать, чтобы в том колодце, который мы в Понтедере соорудили, вода всегда была плодотворной?

Натэла Башинджагян

Четыре вопроса и четыре ответа Ежи Гrotовского

Ежи Гrotовский. Имя, не менее прославленное, чем имена Станиславского, Крэга, Мейерхольда, Арто или Антонена, в одном ряду с которыми его ставят. И едва ли не самое таинственное. "Кто он, этот великий поляк? - как, в броском заголовке, спрашивает себя и читателей популярная еженедельная газета российской художественной интеллигенции "Экран и сцена". "Режиссер? Теоретик? Реформатор театра? Экспериментатор? Маг и волшебник? Святой? Мистик?" - вот какие вопросы вынесены на обложку сборника статей об этом выдающемся человеке, изданного под названием "Театр Гrotовского" семь лет назад в Москве.

Но может быть такое множество чуть ли не сенсационных вопросов, и до сегодняшнего дня клубящихся вокруг имени Гrotовского, связано с тем что его уникальную деятельность трудно вкратце рефериовать? И уж совсем, пожалуй, не следовало бы "популяризировать" Гrotовского. "Таких, как он, не может быть много - пишет критик Роман Должанский на страницах газеты "Коммерсантъ". Собственно говоря, таких людей не должно быть больше одного на весь театральный мир", - совершенно справедливо заключает он.

Вместе с тем, существуют такие объективные факты биографии и такие периоды работы Гrotовского, которые зафиксированы, задокументированы и, если угодно, закатологизированы исследователями. Стоит их припомнить.

Гrotовский родился в 1933 году. В 1950-м он уже студент краковской Высшей театральной школы; в 1954-м проходит стажировку в Москве, где изучает по источникам глубоко заинтересовавшего его Станиславского. С 1959 года в течение пяти лет руководит маленьким студийным "Театром 13 рядов" в небольшом городке на западных землях, а с 1965 года начинает работу вместе с небольшой группой актеров в организованном им Театре-Лаборатории, проводя занятия и показывая спектакли в пространстве "театра одной комнаты". Театр-Лаборатория вскоре становится известным в Европе, потом в Америке, потом, что называется, по всему свету.

Три великих спектакля Гротовского "Акрополь", "Стойкий принц" и "Apocalypsis cum figuris", воплощенные его "небывалыми" актерами и принесшие ему всемирную славу, потрясали зрителей невиданной интенсивностью и исповедальной глубиной актерского существования (но не "игры") в спектакле, который, в свою очередь, происходил перед лицом зрителя - свидетеля как событие (но не как зрелище для публики).

"Почти с самого начала Гротовский признал актера важнейшей фигурой в искусстве театра. Актера видимого, формируемого, осмелюсь сказать - творимого и преобразуемого режиссером-творцом спектакля. Но также актера-жертвенника, отдающего себя - всего себя, целиком, без остатка - зрителю, /.../ и в этом выйдя из пределов "театра одной комнаты" и, уйдя вместе со своими актерами и зрителями-участниками в мир открытых просторов природы. Потом наступили несколько лет странствий и странничества по свету (Гаити, Нигерия, Мексика, Индия, "забытая глубинка" Польши) в поисках Театра Истоков. С 1986 года он обосновался в Италии, где недалеко от Флоренции открыл свой Рабочий Центр (Мастерскую). Но на всех этапах работы и в самых разных условиях загадка человека остается для него главным притягательным магнитом, сосредотачивая и себе все направления его исследовательских интересов.

Еще одна цитата, которой позволю себе подкрепить краткое введение, предваряющее знакомство читателя с публикуемым выступлением Гротовского, подтверждает эту мысль. "По моему мнению - говорит великий режиссер современности Питер Брук - наибольший вклад Гротовского в развитие театра заключается в необычном соединении духовности с научной точкой зрения". Добавим: научными аспектами постижении объективной и субъективной природы действующего актера и действующего человека. "Он сам себя считал идеалистом, - продолжает Брук. Но с другой стороны, то значение, которое он придает исполнению действия на уровне профессиональной точности и предельной выверенности во всех деталях, позволяет назвать Гротовского "научным идеалистом".

В 1991 году Гротовскому присуждается звание Доктора Honoris Causa Вроцлавского университета (до этого он уже получил подобные звания Питтсбургского, Чикагского, Калифорнийского университетов, а в 1997 г. - старейшего в Европе Болонского университета).

Он приезжает на несколько дней во Вроцлав и в своей полагающейся в таких случаях речи лауреата говорит о многих

интересных и важных вещах, связанных с разными аспектами его многолетней работы (1).

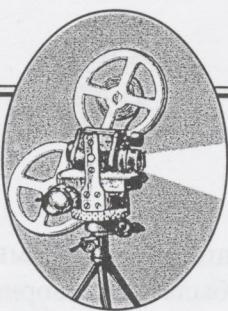
То, что едва ли следует подражать Гротовскому, замечено было давно. Сам он, никак не целя ни в искусстве, ни в науке "подражания", высоко ставит способность продолжения. Гротовского надо смотреть (и видеть), слушать (и слышать). И, вслушиваясь, читать. Четыре обширных цитаты из Выступления 1991 года позволяют читателю услышать его голос. В них нет каких-либо философских сложностей. Но есть некоторые важные сведения о начале пути, о занятиях последних лет в Мастерской в Италии, и есть – может быть, особенно удивительная для того, кого не без основания называют "Отшельником из Понтедеры", чисто человеческая тревога о судьбах искусства, теряющего в условиях нарастающей коммерциализации, а говоря попросту "купли-продажи", многие, некогда неприкословенные гуманистические ценности.

Примечания:

(1) Полностью вроцлавское «Выступление» 1991 года впервые опубликовано на русском языке (под заглавием «Симптомы мастерства», данным редакцией) в книге «Режиссёрский театр от Б до Ю. Разговоры под занавес века», изданной Московским художественным театром (Москва, 1999).

Гжегож Пшебинда

Русский гений жертвоприношения



Гжегож Пшебинда

РУССКИЙ ГЕНИЙ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

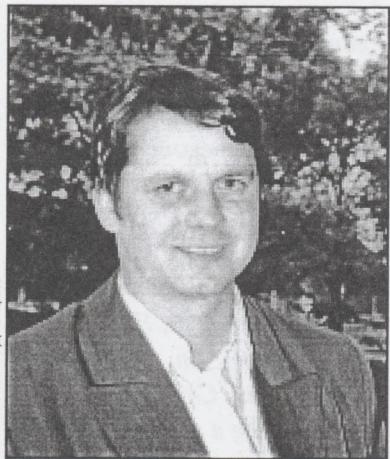


Фото АРХИВ РЕДАКЦИИ

Гжегож Пшибинда (1959) - филолог, историк идеи, директор института Восточно-славянской филологии Ягеллонского университета, автор книг „Владимир Соловьев и история” (1992), „От Чаадаева до Бердяева. Спор о Боге и человеке в русской мысли”. Сотрудничает с газетой „Tygodnik Powszechny” и журналом „Znak”.

Трехтомное издание «Сценариев» и «Дневников» Андрея Тарковского, впервые увидевшее свет в Польше (они не опубликованы даже по-русски!), стало культурным событием огромной важности. После 1989 года, это, несомненно, самый значительный из переведенных на польский язык памятников российской культуры XIX века: произведение великое и объемное, которое читаешь лихорадочно, я бы сказал, «ревниво» (потому как без передышки). Тех, кто в последние годы сетовал на недостаточное присутствие в Польше русской культуры, ожидает духовное общение с захватывающей, увлекательной книгой.

Полагаю, однако, что на «Дневники» Тарковского обрушится вскоре лавина недоброжелательных комментариев, ибо есть в них такое, что может вывести из себя даже читателя с очень крепкими нервами. Главная причина – в мировоззрении автора, но не только: режиссер наговорил много ужасных вещей об окружавшей его «человеческой массе», которую, в числе прочих, составляли поэт и бард Булат Окуджава, скульптор Эрнст Неизвестный, театральный режиссер Григорий Товстоногов и кинорежиссер Григорий Чухрай. Тарковский напоминает знаменитую пастернаковскую губку, но такую, которая без разбора всасывает все, что попало: идеи и псевдоидеи, образы, слухи и наветы, – совершая попутно акт уничтожения самого себя и всего, что плавает вокруг.

Какая красота спасет мир?

И для любителей, и для специалистов в области литературы и киноискусства трехтомник станет основным источником сведений на польском языке об Андрее Тарковском, самом выдающемся российском кинорежиссере второй половины уходящего столетия, и – как это теперь отчетливо видно – интересном писателе и взыскиющем мыслителе. Эта великая и объемная книга – здесь я говорю только о «Дневниках», которые писались (не для публикации) в 1970-86 годы – глубоко укоренена в русской культуре XIX века и касается всех фундаментальных вопросов «русских мальчиков», которые, подобно героям Достоевского, спорят в прокуренных трактирах о существовании Бога, бессмертии человеческой



души, сути свободы личности и героическом творчестве («Красота спасет мир» – как говорил князь Мышкин у Достоевского). Меня, однако, больше всего заинтересовали те фрагменты «Дневников», где автор пытается раскрыть сущность творчества и размышляет над тем, как оно может обеспечить человеку бессмертие. Полагаю даже, что речь здесь идет не об ограниченном во времени существовании в памяти людей и оставленных потомкам творений (тривиальное «*exegi monumentum*», что, в крайнем случае, могло бы удовлетворить русских агностиков И.С. Тургенева и А.П. Чехова), а о конкретном, индивидуальном бессмертии, то есть таком, какое обещают человеку Евангелие и Апокалипсис. Ангел в Апокалипсисе заверяет клятвенно, «что времени уже не будет» (10 Отк.6) – как же часто эти слова выходили из-под пера Достоевского - одного из великих идеальных предтеч и, вместе с тем, «оппонентов» Тарковского! Тарковский записывает слова русского философа начала столетия Льва Лопатина о том, что осознание реальности времени – это наиболее очевидное, самое точное и наиболее трудноопределимое доказательство вневременной природы нашего Я. В статье Сергея Аскольдова «Время и его религиозный смысл» Тарковский выделяет три вида времени: физическое, психическое и онтологическое. В онтологическом времени прошлое не умирает, - в этом и заключается залог бессмертия. Из Бердяева: «Творчество есть благотворная энергия, это основа жизни...оно не обращено ни к прошлому, ни к будущему, а к вечности». Сам Тарковский, размышляя о времени, считал его обратимым, - не в линейном, разумеется, измерении.

Режиссер иногда называл себя агностиком, и потому не мог не понимать, что даром ничто не дается, а индивидуальное бессмертие – не более, чем обещание, которое может стать пагубной иллюзией, если оно не подкреплено героическим творческим актом. Не случайно на страницах «Дневников» появляется имя русского мыслителя-мага, библиотекаря Николая Федорова, создавшего на рубеже столетий – столь же гигантский, сколь и безумный – Проект Воскрешения Умерших Отцов, который мыслился автором как научно-технический процесс, позволяющий управлять всеми молекулами и атомами внешнего мира, чтобы рассеянное собрать вместе, разложенное соединить, то есть сложить в тело, какое было у каждого из отцов в момент смерти. Тарковский записывает: «Библиотекарь Николай Федорович Федоров. (Его учение утверждало физическое воскрешение



Ежи Пильх



Фото САР-ПАР

ВСЕ УСТРОЕНО, ВСЕ КОНЧЕНО

Был ли Андрей Тарковский гением, я не знаю, но сам он, как мне кажется, ничего против этого не имел: «Ронди назвал меня гением, - пишет он в «Дневниках». - Ну и пусть: лучшие гений, чем посредственность, если уж о характеристиках речь». Но даже если он гением и не был, то был в нем, бесспорно, элемент куда более важный, чем гениальный талант: в его призвании артиста была некая четко прослеживаемая черта святости. Другим художникам, которые были простыми смертными, было до него далеко, и он об этом знал. Но ему даже в голову не приходило, чтобы это, бросающееся в глаза, различие замазывать Бог знает каким фарисейским прекраснодушием, фальшивым снисхождением или мнимой солидарностью по отношению к сотоварищам по профессии. В своих суждениях Тарковский



был беспощаден, жесток и чист. Была ли у него предрасположенность к тому, чтобы измываться над посредственостями, занимающимися искусством? Да, такая предрасположенность у него была, и, не скрою, она мне донельзя близка. А на что же еще заслуживают бесстыдные литературные неудачники, на что, скажите, они еще заслуживают, кроме литературной казни с применением особо изощренных пыток? «Начал читать “Острие бритвы” Ивана Ефремова. Боже! Разве никто ему не говорил, что он графоман? Неужели он так и умрет, не осознав своей бездарности?»

Не без причины создатель “Сталкера” записал в свой дневник цитату из обожаемого им (чрезмерно и некритично – именно таковы принципы настоящего обожания) Германа Гессе. “Чем острей и безотносительней мы формулируем какой-либо тезис, тем беспощадней будет он помогаться своего антитезиса”. Тезисом Тарковского было искусство самого высокого полета. “Моя цель – поднять кино до ранга остальных видов искусства. Сделать из него искусство, подобное музыке, поэзии, прозе и т.п.” Антитезой этому тезису оказывается практически все современное кино, и чем более узнаваема в нем второсортность, тем болезненней и скрупулезней протоколирует автор

мертвых)). Это единственное упоминание Федорова, однако в «Дневниках» часто слышны отзвуки подобных просвещенско-романтических идей. В 1976 году Тарковский пишет, что, кажется, нашел цель: хочет снять фильм об Иисусе Христе. Но пусть никто не пытается уверить нас в том, что это «христианская мысль» – подобный «сверхэкуменизм» был бы явным преувеличением. Еще два раза Тарковский упоминает Христа, и, надо сказать, в весьма «смелом» контексте. Люди (каждый человек), – пишет он, – существуют на семи уровнях, один выше другого. Есть тест для определения таких уровней, вернее, не тест, а способ. Тарковский прошел такую проверку, и оказалось, что он находится на третьем уровне. Очень высоко. Христос был на четвертом. Второй фрагмент об Иисусе Христе написан уже во время болезни, что как-то извиняет автора. Тарковский считает, что Христос в известном смысле чувствует свою вину перед Иудой. Подчинившись неумолимой необходимости, толкающей Иуду на предательство, он внимательно наблюдает, как в Иуде постепенно вызревает идея предательства и как смятенный Иуда начинает ей повиноваться. Иисус, подобно человеку, подающему другому яд, с нетерпением ожидает результата его действия. И впрямь, когда читаешь нечто подобное, хочется, как булгаковский прокуратор Иудеи, воскликнуть: «Яду мне, яду!...», дабы не участвовать более в «Андрея Тарковского борении с Христом»... Здесь бы нам, пожалуй, и покинуть его, вместе с New Age, гностицизмом, спиритическими сеансами, в которых он с таким увлечением участвовал (в 1973 году он обратился к духу Бориса Пастернака с вопросом, сколько снимет фильмов, и в ответ услышал: «Мало, но хороших»), вместе с методами созерцания и йоги, которым его будто бы научил Микеланджело Антониони... И все-таки, это великая, захватывающая книга!

Режиссер любил подчеркивать, что своим идеальным предтечей считает Льва Толстого с его этическим христианством, видящим неустранимость противоречий между духовными идеалами и материальным миром. Говорят даже, что у Тарковского был «комплекс Толстого». Однако его видение мира и человека, взгляд на искусство и художественное мастерство, по сути дела, ничего общего с толстовством не имеют. Автору «Войны и мира», отвергнувшему юношеский идеал «художника-избранника», наиболее полно воплощенный в рассказе «Альберт» (1857), был в корне чужд прометеизм: демократичный в своих взглядах и даже сермяжно-народный, он был антимодернистом до мозга костей. В



статье «Что такое искусство?» (1857) Толстой осуждает любое эстетство, а значит, и модернизм, - еще до того, как тот успел расцвести пышным цветом (и получить впоследствии свое новое воплощение в великом творении Андрея Тарковского). Создателю же «Андрея Рублева» была близка идея художника-демиурга.

Однако в «символизме» Тарковского немало чуждого Соловьеву ницшеанства – не случайно режиссер в 1981 году лихорадочно искал текст «Так говорил Заратустра».

Так кто же ты, Андрей Тарковский?

– вечный бунтарь, как байроновский Каин, запутавшийся Прометей, как Бердяев, русский ученик Платона, (что пытается доказать Северин Кусьмерчик,) или великий проигравший - подобно Самуэлю Беккетту (о чем пишет Тадеуш Соболевский)? А может быть, в тебе всего понемногу, к тому же ты еще и человеческий кристалл, и персонифицированная монада, неразложимая, как символ, на части? Да простят меня почитатели Тарковского, но наилучшую его характеристику я снова нахожу в произведении великого Соловьева, точнее в одном из фрагментов, посвященном автору «Так говорил Заратустра». Ницше хотел стать «сверхчеловеком», пишет Соловьев, а был всего лишь «сверхфилологом» и, не выдержав этой победы науки над собственным духом, лишился рассудка. Так говорит Соловьев о Ницше, а для меня эти слова стали золотым ключом к разгадке личности самого Тарковского, глубоко трагического «сверхрежиссера», прошедшего путь от универсализма к окрашенному национализмом русскому мессианству. Подобно многим русским эмигрантам и путникам: Герцену, Достоевскому - вплоть до Солженицына... Сначала он пишет: «Пушкин выше всех оттого, что не вкладывал в Россию абсолютного смысла» (16.IV. 1979) , а в пятницу 11 декабря 1981 года со всей серьезностью заносит в дневник: «Россия скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал». И ни слова о Польше, где спустя два дня, в ночь с субботы на воскресенье, было введено «военное положение».

Тарковский и польский вопрос

В Польше у Тарковского было и, к счастью, остается много верных друзей (свидетельство тому – это фундаментальное издание, первое такого рода в мире!), но сам он не принадлежал к числу тех, кто мог бы обратиться к нам со словами, услышанными недавно от автора «Верного Руслана» Георгия Владимова: «Огромное влияние на мое мировоззрение оказало польское кино, такие фильмы, как «Канал», «Пепел и алмаз» Анджея Вайды,

дневников эту его второсортность. «Смотрел совершенно отвратительный фильм "Possesion". «Смотрел "Tre fratelli" Росси. Ужасно. Лучше, чем "Христос остановился в Эболи", но тем не менее плохо». «Смотрел "Апокалипсис" Кополлы. Очень плохой актер в главной роли, плохая драматургия. Фильм без хребта. Оживленный комикс». «Смотрел "Прыжок в пустоту" Марко Беллоchio. Холодный и сухой. Чересчур интеллектуальный». «Смотрел фильм Кассаветеса "Убийство китайского маклера". Конечно, чувствуется рука мастера, но жаль мне его просто до слез. Жаль мне всех этих лучших: Антониони, Феллини и Росси». «Пытались посмотреть фильм Вуди Аллена "Манхэттен". Я вышел, не досмотрев до конца. Чудовищная скука и абсолютно лишенный шарма актер, который тружится быть обаятельным». «Амадей» Формана получил семь Оскаров, но ровным счетом ничего не стоит. Как ни смотри». «Город женщин» Феллини - вот уж действительно жалкий фильм».

Поскольку, как видим, критика текущего кинорепертуара носит в «Дневниках» довольно всеобъемлющий характер, то нет ничего удивительного в том, что со временем Андрей Тарковский вообще перестает замечать, какой именно и чей именно фильм плох, потому что тот попросту плох. В среду 25 июня 1980 г. он просто записывает: «Вечером смотрел



фильм. Очень плохой". Он безжалостен как по отношению к ближайшим сотрудникам: Свен Нюквист (оператор "Ностальгии") "пока понял, о чем речь, прошло полфильма", так и по отношению к собственным эзгегетам. В "L'Espresso" статья Моравиа: он смотрел в Москве "Сталкера" и написал очень положительную рецензию ... Мне перевели статью Моравиа, - он ровным счетом ничего не понял". Даже те, у кого Тарковский встречает доброжелательное к себе отношение, получает финансовую поддержку, прекрасные условия для работы, не могут рассчитывать на взаимность. "Шведы красивы и глупы", - этот изощренный афоризм рождается в сознании Тарковского во время пребывания в Стокгольме. Единственный режиссер, которого он ценит, - это француз Робер Бressон, и неоднократно Тарковский очень убедительно рассуждает о достоинствах его фильмов, но, когда в 1983 г. дело доходит до соперничества с Бressоном за "Золотую пальму" в Каннах, трезвый взгляд на ситуацию побеждает, и мы читаем о «вредительстве» Бressона: "Мне навредили Бондарчук и Бressон". Он ценит Солженицына; но когда тот не оправдывает возлагавшихся на него надежд, когда перестает быть на высоте задачи, как только Тарковский в нем разочаровывается, то без малейших колебаний изливает

«Поезд» Ежи Кавалеровича. Вайды приезжал в Москву с Беатой Тышкевич. Затем появилось новое польское кино, сменившее у нас итальянский неореализм... Ну а потом уже была «Солидарность». Мы очень завидовали вам, полякам, вашей организованности и порядку». Польша, поляки, польская культура упоминаются в «Дневниках» лишь в нескольких местах, да и то мимоходом. Где-то беглое упоминание о «Человеке из мрамора» Вайды, в другом месте - тревожные слова о том, что "в Польше плохо, можно всего ожидать" (декабрь 1982). И потому искренне радуют такие фрагменты: «Был в Польше. Варшава, Катовицы, Познань. Видел Беату, Вайду. Беата хочет, чтобы я помог ей со сценарием по Кортасару» (запись от 18.XI. 1979). Уже в эмиграции Тарковский встречался с Занусси, с которым был в дружеских отношениях. Запись от 27.IX..1986: «Нас навестил Криштоф. Правда, времени у него, как всегда, не было, и он не мог хотя бы на два дня остаться у нас. Собирается снимать новый фильм. Сценарий у него будто бы готов. Работает в театре, готовится к постановке оперы, в общем, полон энергии и замыслов. Я очень порадовался за него. Рассказал новости, был, как всегда, очарователен. Я всегда рад его приезду».... Заметим, что посещение поляком друга-москаля имело место за три месяца до смерти Тарковского. Однако самым интересным и одним из самых ранних «польских контактов» в жизни Тарковского была работа над фильмом «Солярис» по Станиславу Лему (1971). Надо сказать, что отношения между российским режиссером и польским писателем не заладились, о чем упоминает переводчик Северин Кусьмерчик в первом томе «Сценариев». Станислав Лем говорил: «К этой экранизации у меня принципиальные замечания. Во-первых, мне хотелось бы увидеть планету Солярис, но, увы, режиссер лишил меня этой возможности, поскольку фильм камерный. А во-вторых, и я во время одной из ссор выложил это Тарковскому, он снял вовсе не «Солярис», а «Преступление и наказание». И в другом месте: «У меня Келвин решает остаться на планете без малейшей надежды на спасение, а Тарковский показывает какой-то остров, а на нем избушку. Этот остров и избушка меня буквально выводят из себя. Все под каким-то эмоциональным соусом, в который, по милости Тарковского, погружены мои герои, не говоря уже о том, что он начисто убрал фантастический пейзаж и ввел множество странностей; для меня все это совершенно неприемлемо». Пожалуй, не только для Лема.... Но у Тарковского было полное право сказать: "Желание снять «Пикник» напоминает мою установку перед съемками



«Соляриса». Это желание связано с возможностью легально затронуть трансцендентальную проблематику».

О людях и любви к самому себе

Поскольку Тарковский писал исключительно о себе самом и окружавшей его «человеческой массе», из «Дневников» мы не узнаем ровным счетом ничего о так называемом Духе Эпохи. Подвергавшийся (подобно Булгакову), травле со стороны функционеров от «культуры» и мелких партийных сановников, режиссер, записывает, к примеру, следующее: «Голос Америки» якобы вещал, что американские врачи едут в СССР лечить Брежнева и берут с собой аппарат для исследования опухолей головного мозга. Боже мой! Что будет, если он умрет? Что будет тогда твориться? В какую сторону пойдем? Одному Богу известно. Известно и то, что лучше не будет, только хуже (15.IV.1979). «Дневники», как мы знаем, для печати не предназначались, но все-таки остатки элементарного приличия стоило бы сохранить даже наедине с самим собой. Пусть некоторым возмещением для читателя станут слова о Мао Цзэдуне: «... умер Мао-Цзэ-Дун. Пустячок, а приятно» (10.IX.1976). Или о Михаиле Суслове: «Вчера умер Суслов. И так слишком долго закручивал нам гайки!» (26.I.1982). Тем более, что факт смерти китайского автора «Красной книжечки» и последнего советского «настоящего коммуниста» противоречит одному из наиболее пессимистических и вместе с тем отвечающих, к сожалению, действительности фрагментов «Дневников»: «Умирают хорошие люди, мерзавцы же продолжают жить. Мерзавцу жить легче» (11.III.1973). Такие вот «мерзавцы» как раз и требовали от Тарковского изменений в сценариях во имя социалистической морали и торжества «диалектического материализма»; партия требоваланести изменения в сценарий о Гофмане в двух местах: «где без пунша Гофман не может творить, и где произносит слова, поднимая тост по поводу непознаваемости мира». Эти недостойные люди требовали от режиссера снять фильм не о Достоевском, а о Ленине.

Сам Тарковский мог бы спросить словами автора «Доктора Живаго»: «Какое, милые, у нас Тысячелетье на дворе». Подобно Гомбровичу, он пишет: «Все начинается с любви к самому себе, она первична. Иначе невозможно полюбить других, невозможно возлюбить их. Возлюби ближнего своего, как самого себя... Такова исходная точка, то есть нуль: Я – личность». Такие слова рождались, конечно же, под влиянием создателя этической теории «разумного эгоизма» и одновременно страстного анти-теиста Александра Герцена, считавшего, что эгоизм есть «feste

на бумагу свои полностью противоположные суждения об авторе «Ивана Денисовича»: «Даже предположить не мог, что Солженицын окажется таким неумным, злобным, завистливым, и, прежде всего, недобросовестным человеком».

Как бы ни казалось на первый взгляд, в этих, с виду тенденциозно подобранных цитатах нет, естественно, и тени недовольства, высокомерия, враждебности, обидчивости, профессиональной зависти, боязни соперничества с собратьями по искусству. Даже самые ядовитые высказывания Тарковского читаешь так же, как и все остальное в его интимных предсмертных записях - с замиранием сердца. Ибо в его суждениях нет яду как такового, все, по сути, проникнуто уверенностью в самом себе, да и то не всегда: беспощадный по отношению к другим, Тарковский отнюдь не делает складок ни себе, ни своим собственным произведениям. «Смотрел «Рублева», - записывает он в Италии летом 1980 г. - Все это очень плохо: «Солярис», «Рублев»... И только одно может служить мне оправданием: другие делают фильмы еще хуже, чем я...» В самом деле, за столь обостренным самосознанием трудно поспеть простому и даже не простому смертному.

Вознося кино на вершины абсолюта, Тарковский, вместе с тем, достиг крайних границ этого искусства, и то, что



последовательно называют киноискусством, фильмами, в большей или меньшей мере, претендующими на звание кинопроизведений, но все-таки предназначеными для зрителя, его абсолютно не интересовало. Тарковский хотел иметь зрителя, но сама мысль о завоевании зрителей путем заигрывания с ними, была ему противна. "Смотрел "Амаркорд". Интересный фильм. Но это фильм, прежде всего, для зрителей. Он и кокетничает с ними и бьет наотмашь – уж очень хочет понравиться". Если на всем этом и лежит отпечаток какой-то маниакальности (а это, действительно, так), то автор "Рубleva" несомненно прав, когда называет себя "маньяком свободы".

Первое, что приходит на ум после прочтения "Дневников", это то, что по поставленным им самому себе целям, по установленным критериям и железной логике духа Андрей Тарковский был человеком с иной планеты. Что, несомненно, для многих землян это был попутчик, вынести которого было нелегко. "Не могу смотреть на людей, выражают свои чувства, - пишет он вдруг в приступе неожиданной ярости. – Даже самые что ни на есть искренние. Когда мои близкие выражают свои чувства, это выше моих сил!". Так и хочется сказать: с приветом был музык, большой оригинал, не от мира сего. Но тот, кто, бросив взгляд на мало смыщенную переводчицу,

Burg" человеческого достоинства. Достоевский, несомненно, разнес бы Тарковского в пух и прах, ибо ненавистны были ему и Герцен, и любой, даже разумный, эгоизм. Режиссер всю жизнь мечтал снять фильм об авторе «Идиота», чего не сделал отнюдь не по причине организационных трудностей. Между ними много общего, однако взорвания автора «Идиота» и создателя «Жертвоприношения» крайне разнятся. В Тарковском, не в пример Достоевскому, не было ни тени смирения, ни малейшего снисхождения и сострадания к другим; он, пожалуй, подобен Солнцу, вокруг которого все вращается, но только лишь для того, чтобы сгореть (у Достоевского таким «солнцем» представлен Раскольников, о чем ему, впрочем, говорит в глаза следователь Порфирий Петрович). Часто Тарковский уходил в себя. «Возню среди людей» воспринимал как свершившийся Апокалипсис, то есть как настоящее светопреставление. Бегство от «житейской суматохи» и дельфийский девиз «Познай самого себя» спасли в России многих мыслителей и писателей: Петра Чаадаева, Александра Солженицына, Владимира Буковского... Но только не Тарковского. Из «Дневников»: "Как часто я необъективен в оценке людей, которые меня окружают". Воистину! Как же иначе объяснить опубликованные польским издателем - без тени, кстати сказать, смущения и не снабженные хотя бы кратким примечанием – клеветнические измышления о Булате Окуджаве: "Тоска. Болит голова. Звонил Володя Максимов, утверждает, что Марина Влади сотрудничает с КГБ, и Окуджава тоже. Похоже на правду". Лучшим комментарием к подобным наветам может служить другой фрагмент «Дневников» Тарковского: "Клевета потому ужасна, что жертвой несправедливости становится один человек, а творят несправедливость двое: тот, кто распространяет клевету, и тот, кто ей верит".

Есть в «Дневниках» и что-то от нетерпеливого максимализма великой Надежды Мандельштам, и от беспощадного Александра Вата, и потому не всегда справедливыми представляются характеристики отдельных людей, в первую очередь коллег-режиссеров. Особенно хвалит Тарковский писателей, давно покинувших сей мир (Гофман, Кафка, Булгаков, Достоевский). Но подчас достается в равной мере и покойному писателю, и здравствующему коллеге-режиссеру: "Прочел «Испытание святого Антония» Флобера. Это произведение сугубо интеллектуальное, мало оригинальное, помпезное. Сережа Параджанов мог бы сделать из этого превосходную экранизацию". О Георгии Товстоногове, крупнейшем



российском театральном режиссере второй половины XX века, продолжателе Станиславского и Мейерхольда: «Снилась мне очередная премьера Товстоногова. Какая-то классика, переделанная из прозы. Ужасно скучно, и в результате - цинично и многозначаще». О Григории Чухре, одном из режиссеров «оттепельного» кинематографа, поставившем замечательные фильмы, не уступающие калатозовскому «Летят журавли» с прекрасной Татьяной Самойловой: «Человек он глупый, самовлюбленный и бездарный. В свое время он стал идеологом мещанства со своими «41-ым» и «Балладой о солдате». Капризный, ненадежный и пустой человек. Так что на него рассчитывать нельзя». О Куросаве, в 1975, после демонстрации в Каннах «Дерсу Узала»: «Фестиваль был ужасный. Говорят, Куросава сделал очень плохой фильм». И после «Двойника» (1980): «Говорят, что фильм Куросавы («Двойник» – самурайский фильм) хороший, но гораздо хуже «Сталкера». Об «Апокалипсисе» Копполы: «Очень слабый актер в главной роли, плохая драматургия. Фильм без хребта. Оживленный комикс». Когда в 1974 году Феллини выразил удивление, узнав, что Тарковский получает меньше Герасимова (постановщик «Тихого Дона», тоже, в принципе, неплохой режиссер), был удостоен похвалы: «Феллини – замечательный и глубокий человек». Но уже в 1980 Тарковский присоединился к хору его критиков: «На фестивале в Каннах газеты писали, что последний фильм Феллини – полная катастрофа, а он сам уже ничего не значит. Ужасно. Но это так, потому что его фильм действительно плох». (речь о «Городе женщин»). Лучшим современным итальянским режиссером Тарковский считал Антониони, но и по его поводу выражал сочувствие, что «вблизи он выглядит хуже, чем издалека». И как тут не порадоваться тому, что этот ужасный мир преподносил Тарковскому иногда и приятные сюрпризы: «Подарил мне свою книгу с трогательным посвящением: Единственному гению кино, Андрею».

Запись в «Дневниках» из Бердяева: «Творчество стоит как бы вне этики закона и вне этики искупления и предполагает иную этику... Ни гибель, ни избавление не интересуют художника и не являются предметом творчества... Творчество означает переход души в иную плоскость бытия». Только бы заодно не испепелить этот мир, - даже будучи душой орфической, приблудшей из мира потустороннего.

WYDANIE POWSZECHNE

способен в двух словах дать ей
емкую характеристику:
“головы нет, думает кошкой”,
тот, кто сообщенное по радио
известие о смерти диктатора
комментирует словами: “Умер
Мао Дзе-Дун. Пустячок, а
приятно”, тот, кто изведал
столько мирских страданий, -
был «от мира сего».

Исполненной страданий
была жизнь Андрея
Тарковского, и читаясь его
исповедные заметки,
повторюсь, с замиранием
сердца. Маялся с властями,
маялся в эмиграции, испытал
страшную тоску, перенес
немало физической боли,
захлебывался собственными, не
от мира сего, замыслами,
осуществлял их с убийственной
старательностью; хилое,
изнуренное болезнью тело не
поспевало за силой духа, и
когда, наконец, все устроилось
так, что живи себе
препеваючи, все получилось
наоборот. Все устроилось, - и
все кончилось. Очень земной
сюжет. И еще: ко всему
прочему, во время своего
пребывания на Земле он
постоянно размышлял:
сосредоточенно,
бескомпромиссно и очень
логично. Эта черта
встречается столь редко, что
невозможно не приписать ей
атрибут потусторонности.

wprost

Ежи Пильх- известный пи-
сатель, фельетонист, автор
киносценариев.

Ежи Пильх

Всё устроено, всё кончено



души, сути свободы личности и героическом творчестве («Красота спасет мир» – как говорил князь Мышкин у Достоевского). Меня, однако, больше всего заинтересовали те фрагменты «Дневников», где автор пытается раскрыть сущность творчества и размышляет над тем, как оно может обеспечить человеку бессмертие. Полагаю даже, что речь здесь идет не об ограниченном во времени существовании в памяти людей и оставленных потомкам творений (тривиальное «*exegi monumentum*», что, в крайнем случае, могло бы удовлетворить русских агностиков И.С. Тургенева и А.П. Чехова), а о конкретном, индивидуальном бессмертии, то есть таком, какое обещают человеку Евангелие и Апокалипсис. Ангел в Апокалипсисе заверяет клятвенно, «что времени уже не будет» (10 Отк.6) – как же часто эти слова выходили из-под пера Достоевского - одного из великих идеальных предтеч и, вместе с тем, «оппонентов» Тарковского! Тарковский записывает слова русского философа начала столетия Льва Лопатина о том, что осознание реальности времени – это наиболее очевидное, самое точное и наиболее трудноопределимое доказательство вневременной природы нашего Я. В статье Сергея Аскольдова «Время и его религиозный смысл» Тарковский выделяет три вида времени: физическое, психическое и онтологическое. В онтологическом времени прошлое не умирает, - в этом и заключается залог бессмертия. Из Бердяева: «Творчество есть благотворная энергия, это основа жизни...оно не обращено ни к прошлому, ни к будущему, а к вечности». Сам Тарковский, размышляя о времени, считал его обратимым, - не в линейном, разумеется, измерении.

Режиссер иногда называл себя агностиком, и потому не мог не понимать, что даром ничто не дается, а индивидуальное бессмертие – не более, чем обещание, которое может стать пагубной иллюзией, если оно не подкреплено героическим творческим актом. Не случайно на страницах «Дневников» появляется имя русского мыслителя-мага, библиотекаря Николая Федорова, создавшего на рубеже столетий – столь же гигантский, сколь и безумный – Проект Воскрешения Умерших Отцов, который мыслился автором как научно-технический процесс, позволяющий управлять всеми молекулами и атомами внешнего мира, чтобы рассеянное собрать вместе, разложенное соединить, то есть сложить в тело, какое было у каждого из отцов в момент смерти. Тарковский записывает: «Библиотекарь Николай Федорович Федоров. (Его учение утверждало физическое воскрешение



Ежи Пильх



Фото САР-ПАР

ВСЕ УСТРОЕНО, ВСЕ КОНЧЕНО

Был ли Андрей Тарковский гением, я не знаю, но сам он, как мне кажется, ничего против этого не имел: «Ронди назвал меня гением, - пишет он в «Дневниках». - Ну и пусть: лучшие гений, чем посредственность, если уж о характеристиках речь». Но даже если он гением и не был, то был в нем, бесспорно, элемент куда более важный, чем гениальный талант: в его призвании артиста была некая четко прослеживаемая черта святости. Другим художникам, которые были простыми смертными, было до него далеко, и он об этом знал. Но ему даже в голову не приходило, чтобы это, бросающееся в глаза, различие замазывать Бог знает каким фарисейским прекраснодушием, фальшивым снисхождением или мнимой солидарностью по отношению к сотоварищам по профессии. В своих суждениях Тарковский



был беспощаден, жесток и чист. Была ли у него предрасположенность к тому, чтобы измываться над посредственостями, занимающимися искусством? Да, такая предрасположенность у него была, и, не скрою, она мне донельзя близка. А на что же еще заслуживают бесстыдные литературные неудачники, на что, скажите, они еще заслуживают, кроме литературной казни с применением особо изощренных пыток? «Начал читать “Острие бритвы” Ивана Ефремова. Боже! Разве никто ему не говорил, что он графоман? Неужели он так и умрет, не осознав своей бездарности?»

Не без причины создатель “Сталкера” записал в свой дневник цитату из обожаемого им (чрезмерно и некритично – именно таковы принципы настоящего обожания) Германа Гессе. “Чем острей и безотносительней мы формулируем какой-либо тезис, тем беспощадней будет он помогаться своего антитезиса”. Тезисом Тарковского было искусство самого высокого полета. “Моя цель – поднять кино до ранга остальных видов искусства. Сделать из него искусство, подобное музыке, поэзии, прозе и т.п.” Антитезой этому тезису оказывается практически все современное кино, и чем более узнаваема в нем второсортность, тем болезненней и скрупулезней протоколирует автор

мертвых)). Это единственное упоминание Федорова, однако в «Дневниках» часто слышны отзвуки подобных просвещенско-романтических идей. В 1976 году Тарковский пишет, что, кажется, нашел цель: хочет снять фильм об Иисусе Христе. Но пусть никто не пытается уверить нас в том, что это «христианская мысль» – подобный «сверхэкуменизм» был бы явным преувеличением. Еще два раза Тарковский упоминает Христа, и, надо сказать, в весьма «смелом» контексте. Люди (каждый человек), – пишет он, – существуют на семи уровнях, один выше другого. Есть тест для определения таких уровней, вернее, не тест, а способ. Тарковский прошел такую проверку, и оказалось, что он находится на третьем уровне. Очень высоко. Христос был на четвертом. Второй фрагмент об Иисусе Христе написан уже во время болезни, что как-то извиняет автора. Тарковский считает, что Христос в известном смысле чувствует свою вину перед Иудой. Подчинившись неумолимой необходимости, толкающей Иуду на предательство, он внимательно наблюдает, как в Иуде постепенно вызревает идея предательства и как смятенный Иуда начинает ей повиноваться. Иисус, подобно человеку, подающему другому яд, с нетерпением ожидает результата его действия. И впрямь, когда читаешь нечто подобное, хочется, как булгаковский прокуратор Иудеи, воскликнуть: «Яду мне, яду!...», дабы не участвовать более в «Андрея Тарковского борении с Христом»... Здесь бы нам, пожалуй, и покинуть его, вместе с New Age, гностицизмом, спиритическими сеансами, в которых он с таким увлечением участвовал (в 1973 году он обратился к духу Бориса Пастернака с вопросом, сколько снимет фильмов, и в ответ услышал: «Мало, но хороших»), вместе с методами созерцания и йоги, которым его будто бы научил Микеланджело Антониони... И все-таки, это великая, захватывающая книга!

Режиссер любил подчеркивать, что своим идеальным предтечей считает Льва Толстого с его этическим христианством, видящим неустранимость противоречий между духовными идеалами и материальным миром. Говорят даже, что у Тарковского был «комплекс Толстого». Однако его видение мира и человека, взгляд на искусство и художественное мастерство, по сути дела, ничего общего с толстовством не имеют. Автору «Войны и мира», отвергнувшему юношеский идеал «художника-избранника», наиболее полно воплощенный в рассказе «Альберт» (1857), был в корне чужд прометеизм: демократичный в своих взглядах и даже сермяжно-народный, он был антимодернистом до мозга костей. В



статье «Что такое искусство?» (1857) Толстой осуждает любое эстетство, а значит, и модернизм, - еще до того, как тот успел расцвести пышным цветом (и получить впоследствии свое новое воплощение в великом творении Андрея Тарковского). Создателю же «Андрея Рублева» была близка идея художника-демиурга.

Однако в «символизме» Тарковского немало чуждого Соловьеву ницшеанства – не случайно режиссер в 1981 году лихорадочно искал текст «Так говорил Заратустра».

Так кто же ты, Андрей Тарковский?

– вечный бунтарь, как байроновский Каин, запутавшийся Прометей, как Бердяев, русский ученик Платона, (что пытается доказать Северин Кусьмерчик,) или великий проигравший - подобно Самуэлю Беккетту (о чем пишет Тадеуш Соболевский)? А может быть, в тебе всего понемногу, к тому же ты еще и человеческий кристалл, и персонифицированная монада, неразложимая, как символ, на части? Да простят меня почитатели Тарковского, но наилучшую его характеристику я снова нахожу в произведении великого Соловьева, точнее в одном из фрагментов, посвященном автору «Так говорил Заратустра». Ницше хотел стать «сверхчеловеком», пишет Соловьев, а был всего лишь «сверхфилологом» и, не выдержав этой победы науки над собственным духом, лишился рассудка. Так говорит Соловьев о Ницше, а для меня эти слова стали золотым ключом к разгадке личности самого Тарковского, глубоко трагического «сверхрежиссера», прошедшего путь от универсализма к окрашенному национализмом русскому мессианству. Подобно многим русским эмигрантам и путникам: Герцену, Достоевскому - вплоть до Солженицына... Сначала он пишет: «Пушкин выше всех оттого, что не вкладывал в Россию абсолютного смысла» (16.IV. 1979), а в пятницу 11 декабря 1981 года со всей серьезностью заносит в дневник: «Россия скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал». И ни слова о Польше, где спустя два дня, в ночь с субботы на воскресенье, было введено «военное положение».

Тарковский и польский вопрос

В Польше у Тарковского было и, к счастью, остается много верных друзей (свидетельство тому – это фундаментальное издание, первое такого рода в мире!), но сам он не принадлежал к числу тех, кто мог бы обратиться к нам со словами, услышанными недавно от автора «Верного Руслана» Георгия Владимова: «Огромное влияние на мое мировоззрение оказало польское кино, такие фильмы, как «Канал», «Пепел и алмаз» Анджея Вайды,

дневников эту его второсортность. «Смотрел совершенно отвратительный фильм "Possesion". «Смотрел "Tre fratelli" Росси. Ужасно. Лучше, чем "Христос остановился в Эболи", но тем не менее плохо». «Смотрел "Апокалипсис" Кополлы. Очень плохой актер в главной роли, плохая драматургия. Фильм без хребта. Оживленный комикс». «Смотрел "Прыжок в пустоту" Марко Беллоchio. Холодный и сухой. Чересчур интеллектуальный». «Смотрел фильм Кассаветеса "Убийство китайского маклера". Конечно, чувствуется рука мастера, но жаль мне его просто до слез. Жаль мне всех этих лучших: Антониони, Феллини и Росси». «Пытались посмотреть фильм Вуди Аллена "Манхэттен". Я вышел, не досмотрев до конца. Чудовищная скука и абсолютно лишенный шарма актер, который тружится быть обаятельным». «Амадей» Формана получил семь Оскаров, но ровным счетом ничего не стоит. Как ни смотри». «Город женщин» Феллини - вот уж действительно жалкий фильм».

Поскольку, как видим, критика текущего кинорепертуара носит в «Дневниках» довольно всеобъемлющий характер, то нет ничего удивительного в том, что со временем Андрей Тарковский вообще перестает замечать, какой именно и чей именно фильм плох, потому что тот попросту плох. В среду 25 июня 1980 г. он просто записывает: «Вечером смотрел



фильм. Очень плохой". Он безжалостен как по отношению к ближайшим сотрудникам: Свен Нюквист (оператор "Ностальгии") "пока понял, о чем речь, прошло полфильма", так и по отношению к собственным эзгегетам. В "L'Espresso" статья Моравиа: он смотрел в Москве "Сталкера" и написал очень положительную рецензию ... Мне перевели статью Моравиа, - он ровным счетом ничего не понял". Даже те, у кого Тарковский встречает доброжелательное к себе отношение, получает финансовую поддержку, прекрасные условия для работы, не могут рассчитывать на взаимность. "Шведы красивы и глупы", - этот изощренный афоризм рождается в сознании Тарковского во время пребывания в Стокгольме. Единственный режиссер, которого он ценит, - это француз Робер Бressон, и неоднократно Тарковский очень убедительно рассуждает о достоинствах его фильмов, но, когда в 1983 г. дело доходит до соперничества с Бressоном за "Золотую пальму" в Каннах, трезвый взгляд на ситуацию побеждает, и мы читаем о «вредительстве» Бressона: "Мне навредили Бондарчук и Бressон". Он ценит Солженицына; но когда тот не оправдывает возлагавшихся на него надежд, когда перестает быть на высоте задачи, как только Тарковский в нем разочаровывается, то без малейших колебаний изливает

«Поезд» Ежи Кавалеровича. Вайды приезжал в Москву с Беатой Тышкевич. Затем появилось новое польское кино, сменившее у нас итальянский неореализм... Ну а потом уже была «Солидарность». Мы очень завидовали вам, полякам, вашей организованности и порядку». Польша, поляки, польская культура упоминаются в «Дневниках» лишь в нескольких местах, да и то мимоходом. Где-то беглое упоминание о «Человеке из мрамора» Вайды, в другом месте - тревожные слова о том, что "в Польше плохо, можно всего ожидать" (декабрь 1982). И потому искренне радуют такие фрагменты: «Был в Польше. Варшава, Катовицы, Познань. Видел Беату, Вайду. Беата хочет, чтобы я помог ей со сценарием по Кортасару» (запись от 18.XI. 1979). Уже в эмиграции Тарковский встречался с Занусси, с которым был в дружеских отношениях. Запись от 27.IX..1986: «Нас навестил Криштоф. Правда, времени у него, как всегда, не было, и он не мог хотя бы на два дня остаться у нас. Собирается снимать новый фильм. Сценарий у него будто бы готов. Работает в театре, готовится к постановке оперы, в общем, полон энергии и замыслов. Я очень порадовался за него. Рассказал новости, был, как всегда, очарователен. Я всегда рад его приезду».... Заметим, что посещение поляком друга-москаля имело место за три месяца до смерти Тарковского. Однако самым интересным и одним из самых ранних «польских контактов» в жизни Тарковского была работа над фильмом «Солярис» по Станиславу Лему (1971). Надо сказать, что отношения между российским режиссером и польским писателем не заладились, о чем упоминает переводчик Северин Кусьмерчик в первом томе «Сценариев». Станислав Лем говорил: «К этой экранизации у меня принципиальные замечания. Во-первых, мне хотелось бы увидеть планету Солярис, но, увы, режиссер лишил меня этой возможности, поскольку фильм камерный. А во-вторых, и я во время одной из ссор выложил это Тарковскому, он снял вовсе не «Солярис», а «Преступление и наказание». И в другом месте: «У меня Келвин решает остаться на планете без малейшей надежды на спасение, а Тарковский показывает какой-то остров, а на нем избушку. Этот остров и избушка меня буквально выводят из себя. Все под каким-то эмоциональным соусом, в который, по милости Тарковского, погружены мои герои, не говоря уже о том, что он начисто убрал фантастический пейзаж и ввел множество странностей; для меня все это совершенно неприемлемо». Пожалуй, не только для Лема.... Но у Тарковского было полное право сказать: "Желание снять «Пикник» напоминает мою установку перед съемками



«Соляриса». Это желание связано с возможностью легально затронуть трансцендентальную проблематику».

О людях и любви к самому себе

Поскольку Тарковский писал исключительно о себе самом и окружавшей его «человеческой массе», из «Дневников» мы не узнаем ровным счетом ничего о так называемом Духе Эпохи. Подвергавшийся (подобно Булгакову), травле со стороны функционеров от «культуры» и мелких партийных сановников, режиссер, записывает, к примеру, следующее: «Голос Америки» якобы вещал, что американские врачи едут в СССР лечить Брежнева и берут с собой аппарат для исследования опухолей головного мозга. Боже мой! Что будет, если он умрет? Что будет тогда твориться? В какую сторону пойдем? Одному Богу известно. Известно и то, что лучше не будет, только хуже (15.IV.1979). «Дневники», как мы знаем, для печати не предназначались, но все-таки остатки элементарного приличия стоило бы сохранить даже наедине с самим собой. Пусть некоторым возмещением для читателя станут слова о Мао Цзэдуне: «... умер Мао-Цзэ-Дун. Пустячок, а приятно» (10.IX.1976). Или о Михаиле Суслове: «Вчера умер Суслов. И так слишком долго закручивал нам гайки!» (26.I.1982). Тем более, что факт смерти китайского автора «Красной книжечки» и последнего советского «настоящего коммуниста» противоречит одному из наиболее пессимистических и вместе с тем отвечающих, к сожалению, действительности фрагментов «Дневников»: «Умирают хорошие люди, мерзавцы же продолжают жить. Мерзавцу жить легче» (11.III.1973). Такие вот «мерзавцы» как раз и требовали от Тарковского изменений в сценариях во имя социалистической морали и торжества «диалектического материализма»; партия требоваланести изменения в сценарий о Гофмане в двух местах: «где без пунша Гофман не может творить, и где произносит слова, поднимая тост по поводу непознаваемости мира». Эти недостойные люди требовали от режиссера снять фильм не о Достоевском, а о Ленине.

Сам Тарковский мог бы спросить словами автора «Доктора Живаго»: «Какое, милые, у нас Тысячелетье на дворе». Подобно Гомбровичу, он пишет: «Все начинается с любви к самому себе, она первична. Иначе невозможно полюбить других, невозможно возлюбить их. Возлюби ближнего своего, как самого себя... Такова исходная точка, то есть нуль: Я – личность». Такие слова рождались, конечно же, под влиянием создателя этической теории «разумного эгоизма» и одновременно страстного анти-теиста Александра Герцена, считавшего, что эгоизм есть «feste

на бумагу свои полностью противоположные суждения об авторе «Ивана Денисовича»: «Даже предположить не мог, что Солженицын окажется таким неумным, злобным, завистливым, и, прежде всего, недобросовестным человеком».

Как бы ни казалось на первый взгляд, в этих, с виду тенденциозно подобранных цитатах нет, естественно, и тени недовольства, высокомерия, враждебности, обидчивости, профессиональной зависти, боязни соперничества с собратьями по искусству. Даже самые ядовитые высказывания Тарковского читаешь так же, как и все остальное в его интимных предсмертных записях - с замиранием сердца. Ибо в его суждениях нет яду как такового, все, по сути, проникнуто уверенностью в самом себе, да и то не всегда: беспощадный по отношению к другим, Тарковский отнюдь не делает скандал ни себе, ни своим собственным произведениям. «Смотрел «Рублева», - записывает он в Италии летом 1980 г. - Все это очень плохо: «Солярис», «Рублев»... И только одно может служить мне оправданием: другие делают фильмы еще хуже, чем я...» В самом деле, за столь обостренным самосознанием трудно поспеть простому и даже не простому смертному.

Вознося кино на вершины абсолюта, Тарковский, вместе с тем, достиг крайних границ этого искусства, и то, что



последовательно называют киноискусством, фильмами, в большей или меньшей мере, претендующими на звание кинопроизведений, но все-таки предназначеными для зрителя, его абсолютно не интересовало. Тарковский хотел иметь зрителя, но сама мысль о завоевании зрителей путем заигрывания с ними, была ему противна. "Смотрел "Амаркорд". Интересный фильм. Но это фильм, прежде всего, для зрителей. Он и кокетничает с ними и бьет наотмашь – уж очень хочет понравиться". Если на всем этом и лежит отпечаток какой-то маниакальности (а это, действительно, так), то автор "Рубleva" несомненно прав, когда называет себя "маньяком свободы".

Первое, что приходит на ум после прочтения "Дневников", это то, что по поставленным им самому себе целям, по установленным критериям и железной логике духа Андрей Тарковский был человеком с иной планеты. Что, несомненно, для многих землян это был попутчик, вынести которого было нелегко. "Не могу смотреть на людей, выражают свои чувства, - пишет он вдруг в приступе неожиданной ярости. – Даже самые что ни на есть искренние. Когда мои близкие выражают свои чувства, это выше моих сил!". Так и хочется сказать: с приветом был музык, большой оригинал, не от мира сего. Но тот, кто, бросив взгляд на мало смыщенную переводчицу,

Burg" человеческого достоинства. Достоевский, несомненно, разнес бы Тарковского в пух и прах, ибо ненавистны были ему и Герцен, и любой, даже разумный, эгоизм. Режиссер всю жизнь мечтал снять фильм об авторе «Идиота», чего не сделал отнюдь не по причине организационных трудностей. Между ними много общего, однако взорвания автора «Идиота» и создателя «Жертвоприношения» крайне разнятся. В Тарковском, не в пример Достоевскому, не было ни тени смирения, ни малейшего снисхождения и сострадания к другим; он, пожалуй, подобен Солнцу, вокруг которого все вращается, но только лишь для того, чтобы сгореть (у Достоевского таким «солнцем» представлен Раскольников, о чем ему, впрочем, говорит в глаза следователь Порфирий Петрович). Часто Тарковский уходил в себя. «Возню среди людей» воспринимал как свершившийся Апокалипсис, то есть как настоящее светопреставление. Бегство от «житейской суматохи» и дельфийский девиз «Познай самого себя» спасли в России многих мыслителей и писателей: Петра Чаадаева, Александра Солженицына, Владимира Буковского... Но только не Тарковского. Из «Дневников»: "Как часто я необъективен в оценке людей, которые меня окружают". Воистину! Как же иначе объяснить опубликованные польским издателем - без тени, кстати сказать, смущения и не снабженные хотя бы кратким примечанием – клеветнические измышления о Булате Окуджаве: "Тоска. Болит голова. Звонил Володя Максимов, утверждает, что Марина Влади сотрудничает с КГБ, и Окуджава тоже. Похоже на правду". Лучшим комментарием к подобным наветам может служить другой фрагмент «Дневников» Тарковского: "Клевета потому ужасна, что жертвой несправедливости становится один человек, а творят несправедливость двое: тот, кто распространяет клевету, и тот, кто ей верит".

Есть в «Дневниках» и что-то от нетерпеливого максимализма великой Надежды Мандельштам, и от беспощадного Александра Вата, и потому не всегда справедливыми представляются характеристики отдельных людей, в первую очередь коллег-режиссеров. Особенно хвалит Тарковский писателей, давно покинувших сей мир (Гофман, Кафка, Булгаков, Достоевский). Но подчас достается в равной мере и покойному писателю, и здравствующему коллеге-режиссеру: "Прочел «Испытание святого Антония» Флобера. Это произведение сугубо интеллектуальное, мало оригинальное, помпезное. Сережа Параджанов мог бы сделать из этого превосходную экранизацию". О Георгии Товстоногове, крупнейшем



российском театральном режиссере второй половины XX века, продолжателе Станиславского и Мейерхольда: «Снилась мне очередная премьера Товстоногова. Какая-то классика, переделанная из прозы. Ужасно скучно, и в результате - цинично и многозначаще». О Григории Чухре, одном из режиссеров «оттепельного» кинематографа, поставившем замечательные фильмы, не уступающие калатозовскому «Летят журавли» с прекрасной Татьяной Самойловой: «Человек он глупый, самовлюбленный и бездарный. В свое время он стал идеологом мещанства со своими «41-ым» и «Балладой о солдате». Капризный, ненадежный и пустой человек. Так что на него рассчитывать нельзя». О Куросаве, в 1975, после демонстрации в Каннах «Дерсу Узала»: «Фестиваль был ужасный. Говорят, Куросава сделал очень плохой фильм». И после «Двойника» (1980): «Говорят, что фильм Куросавы («Двойник» – самурайский фильм) хороший, но гораздо хуже «Сталкера». Об «Апокалипсисе» Копполы: «Очень слабый актер в главной роли, плохая драматургия. Фильм без хребта. Оживленный комикс». Когда в 1974 году Феллини выразил удивление, узнав, что Тарковский получает меньше Герасимова (постановщик «Тихого Дона», тоже, в принципе, неплохой режиссер), был удостоен похвалы: «Феллини – замечательный и глубокий человек». Но уже в 1980 Тарковский присоединился к хору его критиков: «На фестивале в Каннах газеты писали, что последний фильм Феллини – полная катастрофа, а он сам уже ничего не значит. Ужасно. Но это так, потому что его фильм действительно плох». (речь о «Городе женщин»). Лучшим современным итальянским режиссером Тарковский считал Антониони, но и по его поводу выражал сочувствие, что «вблизи он выглядит хуже, чем издалека». И как тут не порадоваться тому, что этот ужасный мир преподносил Тарковскому иногда и приятные сюрпризы: «Подарил мне свою книгу с трогательным посвящением: Единственному гению кино, Андрею».

Запись в «Дневниках» из Бердяева: «Творчество стоит как бы вне этики закона и вне этики искупления и предполагает иную этику... Ни гибель, ни избавление не интересуют художника и не являются предметом творчества... Творчество означает переход души в иную плоскость бытия». Только бы заодно не испепелить этот мир, - даже будучи душой орфической, приблудшей из мира потустороннего.

WYDANIE POWSZECHNE

способен в двух словах дать ей
емкую характеристику:
“головы нет, думает кошкой”,
тот, кто сообщенное по радио
известие о смерти диктатора
комментирует словами: “Умер
Мао Дзе-Дун. Пустячок, а
приятно”, тот, кто изведал
столько мирских страданий, -
был «от мира сего».

Исполненной страданий
была жизнь Андрея
Тарковского, и читаясь его
исповедные заметки,
повторюсь, с замиранием
сердца. Маялся с властями,
маялся в эмиграции, испытал
страшную тоску, перенес
немало физической боли,
захлебывался собственными, не
от мира сего, замыслами,
осуществлял их с убийственной
старательностью; хилое,
изнуренное болезнью тело не
поспевало за силой духа, и
когда, наконец, все устроилось
так, что живи себе
препеваючи, все получилось
наоборот. Все устроилось, - и
все кончилось. Очень земной
сюжет. И еще: ко всему
прочему, во время своего
пребывания на Земле он
постоянно размышлял:
сосредоточенно,
бескомпромиссно и очень
логично. Эта черта
встречается столь редко, что
невозможно не приписать ей
атрибут потусторонности.

wprost

Ежи Пильх- известный пи-
сатель, фельетонист, автор
киносценариев.

Антони Кучинский

Вацлав Серошевский и его труд о якутской культуре



Антоний Кучинский

ВАЦЛАВ СЕРОШЕВСКИЙ И ЕГО ТРУД О ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

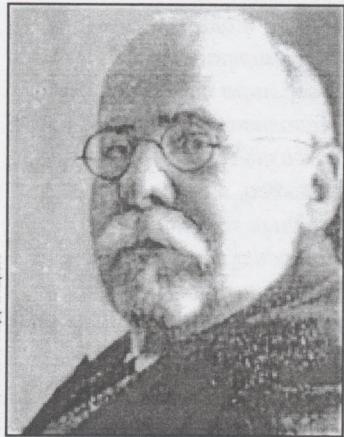


ФОТО АРХИВ РЕДАКЦИИ

1.

Польско-якутские связи уходят в далекое прошлое. Уже в сибирских летописях XVII-XVIII вв. есть упоминания о поляках, сосланных в Якутск. Интересное изображение якутов мы находим в первом польском описании Сибири конца XVII века, принадлежащем перу Адама Каменского-Длужика. В дальнейшем, особенно в XIX веке, о якутах писали больше. Смело можно сказать, что XIX век — это «ренессанс» в польских исследованиях якутской культуры. В те времена ее изучением и описанием занимались ссылочные, такие, как Сергей Ястржембский, Эдуард Пекарский, Вацлав Серошевский, Адам Шиманский, Николай Виташевский. Сделанное ими до сих пор составляет высшие достижения в якутоведении — в этнографии, языкоznании, фольклористике. Востоковеды хорошо знают о существовании этой традиции, а страницы этой истории нередко пополня-

ются новыми фактами. В наше время их публикуют учёные из далекой Якутии, пользуясь богатыми архивными запасами российских научных учреждений.

Славу и признание заслужил в Якутии Вацлав Серошевский. В Польше одни знают его как значительного писателя, автора прекрасных литературных произведений, другие — как исследователя якутской культуры, автора монументального труда, входящего в классику этнографии. Таких ценителей, конечно, намного меньше — они принадлежат в основном к кругу этнографов, востоковедов и антропологов культуры. В Якутии же Вацлав Серошевский славен прежде всего как этнограф. О нем часто говорят именно в контексте этнографического описания якутской культуры. Мы не ошибемся, сказав, что якуты хорошо знают, что именно он произвел компетентное описание этого народа, насчитывающего сегодня неполных 300 тыс. человек и на протяжении нескольких последних столетий населяющего широкие просторы Восточной Сибири.

Несколько лет назад в России переиздана монография «Якуты. Опыт этнографического исследования» (М., 1993) с предисловием историка С.А.Степанова «Вацлав Серошевский в Якутии», носящим характер биографического очерка. Автор предисловия подчеркивает, что труд Серошевского, впервые изданный в Санкт-Петербурге в 1896 г., по сей день



остается самой полной и ценной работой о якутах и их культуре. Не лишним будет упомянуть, что переиздание финансировало акционерное общество «Золото Якутии», генеральный директор которого Тарас Десяткин тогда подчеркнул, что раз уж Якутия дождалась благоприятных политических, экономических и культурных преобразований в рамках Российской Федерации, то долг его фирмы — поддерживать эти преобразования, а финансирование нового издания труда В.Серошевского — скромный, но реальный шаг в этом направлении. Прибавим, что и свыше ста лет назад первое издание этой книги появилось благодаря субсидиям русской частной фирмы А.Громовой, а издателем было Императорское Российское географическое общество, что служило книге очевидной рекомендацией.

Историю возникновения этого труда знают историки науки, этнологи и востоковеды. Его автор в различных биографических словарях предстает перед нами писателем, ссылочным, путешественником, культурным, общественным и политическим деятелем. Так оно и было. В каждом из этих определений есть частица биографии В.Серошевского.

Он родился в 1858 г. в Вульке-Козловой под Радзымином, умер в 1945 г. в Пясечне под Варшавой. Похоронен в знаменитом варшавском некрополе — на кладбище Повонзки. Помню, как некогда по просьбе моих гостей из Якутии я повел их на кладбище. Они хотели поклониться Серошевскому за все, что он сделал для их народа. Это, может быть, выглядит сентиментально, но так это действительно было. Более того, они сказали, что если бы, побывав в Польше, они этого не сделали, то их поездка осталась бы

незавершенной. Послесловием к этому стало мое повествование о Вацлаве Серошевском, его жизни, пути, который привел его в Сибирь, и дальнейшей судьбе.

Будущий исследователь якутской культуры в детстве потерял мать и рано был вынужден заняться физическим трудом. Сначала он был учеником у слесаря. Потом работал в железнодорожных мастерских и одновременно учился в железнодорожной школе. Ранний профессиональный опыт, приобретенный в рабочей среде, столкнул его с первыми ростками социалистического движения в Царстве Польском. С тех лет началось его сотрудничество с Людвиком Варынским, идеологом польского рабочего движения, создателем первых рабочих кружков, скончавшимся в 1889 г. в Шлиссельбургской крепости. Серошевский в это время уже был в далекой Якутии. Его арестовали в 1878 г., и после вынесенного Варшавским окружным судом приговора к восьми годам крепости, позднее замененной на каторгу, Серошевский уже весной 1880 г. прибыл по этапу в Якутск, откуда вскоре его отправили в Верхоянск. Дважды он пытался бежать, но тщетно: обе попытки не удались. Он описал их в повести «Побег», вышедшей в Варшаве в 1904 году.

В Якутии он пробыл 12 лет, сдружился со многими якутами, стремился в этом безлюдье быть полезным. Слесарное дело, которому он когда-то учился, очень ему пригодилось. Будущий этнограф открыл кузницу, производил там всяческую починку и поэтому постоянно виделся с якутами, дарившими его доверием и восхищавшими его кузнецким мастерством, тем более что они и сами славились отличной обработкой металла. Спустя годы он вспоминал, что когда местные жи-



тели узнали, что он поляк, то стали обращаться к нему со всяческими просьбами. Приносили «в починку испорченное оружие, спрашивали совета насчет копчения и засола рыб, требовали, чтобы я исцелял слепых, лечил больных женщин, и не верили, что всего этого я не могу. — Ты же поляк, — говорили юкагиры и якуты, удивленные и обиженные моим отказом».

В Верхоянске В. Серошевский сошелся с якуткой по имени Анна. У нее родилась дочь, которая после смерти матери (1886) некоторое время жила с отцом. Известно, что позже она стала учительницей и после возвращения отца из ссылки переписывалась с ним. К сожалению, дальнейшая ее судьба сегодня неизвестна. Анна оказалась первым информатором будущего исследователя якутской культуры. «С помощью Аннушки, — писал он годы спустя, — я начал собирать сведения о горах, лесах, озерах, реках и болотах, а также об условиях путешествий по окрестным землям. Это были первые записи, со временем легшие в основу моих научных работ о Якутии и якутах». Пребывание в стране якутов изобиловало событиями, которые он потом описал в двух книгах — «На краю лесов» (1894) и «В западне» (1897). В них, как и в прочей его беллетристике, содержатся сцены из жизни местных жителей, великолепные описания сибирской природы, красота которой приводила его в восторг. Настроение этих книг — светлое, ни тени отчаяния по поводу злой судьбы. Поражают описания отваги мужчин-якутов, материнской любви якуток и трагической выдержанности прокаженных. Эти книги служат дополнением к этнографическим трудам В. Серошевского.

Интерес к якутам и их культуре возник у Серошевского с первых дней пребывания на якутской земле. Вначале он делал записи, чтобы использовать их в литературных произведениях. Только по прочтении различных книг по этнографии он заинтересовался проблематикой якутской культуры с научной точки зрения. Он часто бывал в якутских селениях, знал многих местных жителей, поддерживал их в их трудной жизни и не раз, всегда исключительно добросовестно, помогал им разобраться в делах с царскими чиновниками. Это привлекало к нему якутский простой народ — по улусам разносилась весть о белом человеке, который бескорыстно чинит оружие, дает советы в трудных положениях, не пренебрегает их обществом, записывает старые верования и легенды. Записи, предназначавшиеся для беллетристики, постепенно превращались в систематически собираемые этнографические материалы. Тогда же появились и первые его статьи (по-русски) по этнографии якутов — они обратили на автора внимание членов Восточносибирского отдела Императорского Российского географического общества в Иркутске. Именно они добились от властей разрешения Серошевскому переехать в Иркутск.

Успешные выступления на страницах российских журналов укрепили Серошевского в замысле написать монографию о якутах. В 1892 г. он получил статус поселенца и переехал в Иркутск. Там он занимался обработкой собранных материалов, готовя большой труд о якутах, их культуре, верованиях, фольклоре, обычаях и нравах. В 1896 г. в Петербурге вышла монография «Якуты. Опыт этнографического исследования», вскоре награж-



денная золотой медалью Имп. Российского географического общества. Благодаря хлопотам общества автор получил разрешение вернуться на родину.

С 1898 г. Серошевский жил в Варшаве, где установил многочисленные контакты с литературными кругами. В 1900 г. здесь вышла по-польски его книга о якутах, озаглавленная «12 лет в стране якутов. Впечатления и заметки. С картой и 167 рисунками». В том же году он был вновь арестован, и ему опять грозила сибирская ссылка. Но благодаря хлопотам президента Российской географического общества П.П.Семенова-Тян-Шанского ссылку ему заменили научной экспедицией на остров Хоккайдо с целью изучения культуры айнов. Он занимался этим вместе с Брониславом Пилсудским, но начало русско-японской войны заставило их покинуть остров. Через Корею, Китай, Цейлон Серошевский вернулся в Варшаву. Он принимал участие в революционных событиях 1905 г., позднее присоединился к Юзефу Пилсудскому и сражался в его легионах. После обретения Польшей независимости Вацлав Серошевский стал сенатором, а в 1933 г. был выбран председателем Польской Академии литературы.

Его литературное творчество разнообразно и богато. Историки литературы, занимавшиеся его изучением, отмечали в его произведениях наличие ряда романтически-патриотических образов, а также того, что называют натурализмом в литературе, открытое отношение к культурам других народов, выразительные описания природы и драматические, опасные положения, часто ставящие человеческую жизнь на край бездны. Его творчество продолжает интересовать историков ли-

тературы. Не угасает, разумеется, и интерес к его этнографическим работам, особенно к монографии о якутах.

Якутия не забыла Вацлава Серошевского. Его имя звучит на уроках в средних школах и на гуманитарных факультетах местных вузов. Предприняты усилия более полно восстановить картину его жизни в ссылке. В последнее время в сотрудничестве с польскими учеными начата работа над его рукописными материалами в российских архивах, в том числе над вторым томом его монографии.

2. ЖИВ ЛИ ЕЩЕ ВАЦЛАВ СЕРОШЕВСКИЙ?

В исследовательских поездках по Сибири я часто встречал якутов, которые узнав, что я поляк, улыбались и называли В. Серошевского. Так бывало в больших сибирских городах, но часто это случалось и в отдаленных от городских центров небольших поселках. Естественно, чаще всего в затерянных на огромных просторах якутских улусах. Иногда фамилию В. Серошевского называли простые люди, рассказывавшие, как в школе они учили, что именно он, поляк, изучал их культуру.

Поразительный разговор о В. Серошевском состоялся много лет назад у Анатоля Краковецкого (1901-1950) - узника советских лагерей, журналиста и писателя, арестованного НКВД в Станиславове и приговоренного к 3 годам лагерей. Приговор он отбывал в лагерях на Колыме, дольше всего в лагере Агидалах. Освободился в 1942 году и



через Владивосток добрался до района, где формировалась польская армия под командованием генерала В. Андерса. Вместе с этой армией А. Krakoweczkiy покинул Советский Союз. Работал редактором газет „Польский курьер в Багдаде”, „Газета Польска”, „Вольность”, а после отставки работал в Польском информационном центре. С 1946 года проживал в Англии. Умер там же в 1950 году. A. Krakoweczkiy - автор поэтических сборников, книг для юношества и прозаических произведений. Наиболее весомым в его наследии является написанная в Иерусалиме, но законченная и изданная в Лондоне в 1950 году „Книга о Колыме”, в которой он писал, что вовсе не стремился „показать театр ужаса”. Наоборот, многое опустил. „Книгу я писал, -вспоминал он, - в раздражении, если не употреблять более эмоциональные выражения; в гневе и муке, с презрением и отвращением. Единой композиции нет. Это скинутый с души камень”.

„Книга, о Колыме” - одно из первых, опубликованных в Западной Европе, свидетельств о советских лагерях, и при всей своей фактографической пронзительности показывает человека, у которого лагерная жизнь переменила судьбу, но несмотря на это он смог заставить себя сохранить психологическую дистанцию, нередко в таких крайних ситуациях, которые трудно себе представить. Там, на Колыме, в лагере, среди таких же лагерников, как он, состоялся интересный разговор. С человеком, как он сам вспоминал, „с раскосыми глазами и монгольскими скулами”. Разговор

поразительный, а именно, о Vaclave Серошевском. Вот как он изложен в книге:

„- Я хотел у вас спросить, жив ли еще Vaclav Серошевский? - Человек с раскосыми глазами улыбается мне всем своим бледным серым лицом.

Мой собеседник якут (...) Странная грумаса тюремной бюрократии его, якута, выслали как раз на периферию Страны якутов.

Я стараюсь говорить как можно четче:

- Vaclav Серошевский был жив в 1939 году, он был Президентом Польской академии литературы. Откуда такой вопрос?

- Я - якут, а мы, якуты, знаем фамилию Серошевского. Ведь этот человек первым написал и издал первую в мире книгу о якутах.

Звучит вопрос, который ставит меня в затруднительное положение:

А второй том своей книги Серошевский издал? Первую часть я читал в библиотеке в Ленинграде.

А я не знаю, что сказать. Мне стыдно (и тогда было стыдно), но я даже не знаю, что он собирался написать второй том. Я даю уклончивый ответ и вижу разочарование в глазах. Второй том? Я заслоняюсь вопросом:

„А вы кто? - Фамилия моя Потапов, все якуты носят русские фамилии, а вернее искусственно придуманные, на русский манер. Первая цивилизация, которую нам русские привезли, состояла из церкви и спирта. А потом веками ничего, и наконец, хлеб и русские фамилии.

- Но мне по-прежнему удивительно, что вы знаете о Серошевском.

Я - якут, был членом - как бы вам понятнее объяснить -правительства



якутской республики, больше десяти лет жил в Москве, редактировал там якутское издание. Я знаю всю литературу, написанную о моем народе. Ее ведь немного. Как же я могу не знать книги Серошевского? А ведь он находился в ссылке недалеко отсюда: километров 600 на юго-запад.

Я понял, что из этого источника можно будет почерпнуть достоверную информацию. Но пока что из осторожности спрашиваю о других вещах:

А якуты знают что-нибудь о поляках?

- Образованные якуты знают довольно много и стараются пополнять эти свои знания. Мы испытываем симпатию к вашему народу. Ваши сосланные сюда соотечественники не предавались исключительно пьянству. Каждый второй умел лечить человеческие болезни и животных. Были среди них слесари, плотники, монтеры, оружейники, кожевники. Все умели читать и писать и среди них было много прекрасных охотников. Якуты об этом знают и помнят. Поляки у нас до определенной степени популярны. Сейчас вы находитесь в лагере на берегу Кадак-Чан. А вы знаете, что еще два года тому назад в 40 километрах от Кадак-Чана была якутская юрта, в которой жил очень старый поляк?

Потапов явно прилагает усилия, пытаясь выговорить фамилию, и произносит ее совершенно правильно:

- Его фамилия Кржисжановский. Он попал в эти края много десятилетий тому назад, осел среди якутов, женился, у него дети и много внуков. Он лечил, заказывал якутские ружья. Когда до Кадак-Чана довели дорогу, якуты ушли

из поселка вглубь тайги - они ведь бегут от цивилизации, от такой цивилизации.

- Так, говорите, якуты благожелательно относятся к полякам?

Он проницательно посмотрел на меня. Узники всех стран, соединяйтесь! Узники всех стран - понимают друг друга. Потапов отвечает на вопрос, который я вовсе не задавал.

- К сожалению, сегодня якуты преследуют беглецов, безжалостно. Не спрашивают ни о национальности, ни о происхождении, ни о намерениях, ни об обычаях. Вы услышите страшные рассказы на эту тему в лагерях. Но не верьте, что якуты преследуют беглецов только ради получения вознаграждения, вы ведь знаете, что власти выплачивают премию за каждого укокошенного беглого...

Нет, не знаю.

- Скоро узнаете. Сейчас премия составляет 50 рублей за голову. Но деньги ничего не значат. Главное, что кроме денег, НКВД выдает бутылку спирта и пачку чая, а это невероятно соблазнительно. То, что я сказал - что премия предусмотрена „за голову“ - надо понимать дословно, без всякого переносного смысла. А именно, чтобы получить премию, надо принести в органы НКВД отрезанную голову беглеца. Раньше хватало уха, теперь этого уже мало...

Такая вот, в чрезвычайно мирном ключе, беседа состоялась на больничной лавочке в поселке Белик-Чан.

- Бежать в этих краях, не получая помощи населения, дело совершенно безнадежное. Не было случая, чтоб удалось. На юг, до Охотского моря, по прямой около 600 км. До Ледовитого океана еще дальше. До Аляски по прямой



1600, ну скажем 1800 км. На юго-запад до первых более или менее крупных населенных пунктов 800 км. Вокруг - одна тайга. В тайгу нельзя бежать, особенно летом. Теоретически можно было бы рискнуть только зимой, когда замерзнут реки и тайга тоже, а миллионы расщелин засыпает и сравняет снег. Берингово море замерзает в январе, когда Берингов пролив уже подо льдом. Ширина Берингова пролива в самом узком месте сто с чем-то километров. С одной стороны полуостров Чукотка, с другой - Аляска, а на Аляске город Ном.

- А якуты используют собачьи упряжки?

- Вы еще не видели? - (якут уже давно перешел на обращение „господин“) - Конечно используют, причем очень широко... Но богатство якутов это северные олени. Самая бедная семья (а у нас патриархальная система) имеет несколько сотен оленей. В 1938 году до одного из зажиточных якутов, юрта которого стояла в нескольких десятках километров от Аркагалы, где сейчас добывают уголь, дошло известие, что НКВД собирается прислать комиссию, чтобы зарегистрировать его оленей. А это означает, что спустя какое-то время посыпаются налоги, реквизиции и конфискация. Якут быстро смекнул. Собрал всю семью, а это несколько десятков человек, посадил все население поселка на санки и двинулся посреди полярной ночи на восток. Бежал на Аляску, уводя за собой 6 тысяч оленей...

Какая мелочь, подумал я! Целая войсковая бригада оленей! Не 60, не 600, а 6 тысяч!

- Олень (так по-русски якуты называют северных оленей -рениферов) в

упряжке делает 12 км в час, а бежать может 10 часов подряд. Спустя месяц, полтора, они были на Аляске.

Вот так мы себе беседуем. Вроде бы. Вроде бы ни о чем, вроде бы обрывая на полуслове. Иногда звучат ответы на вопросы, которые я не успел задать. Потом мы переходим к другим темам.

- Я расскажу вам об одной особенности, которая вас, господин, вероятно, заинтересует. Здесь места - настоящая страна золота. У якутов есть сведения о несметных залежах золота. Все капиталовложения русские делают здесь ради единственной цели - эксплуатации богатейших золотых залежей. Да, у русских золото ценится, а у якутов нет. Для местных жителей золото не представляет никакой ценности. Металл слишком мягкий, а в качестве украшения не нравится, слишком вульгарное. Но как у всех людей, у якутов есть чувство прекрасного, ощущение необходимости украсить наряд. Упряжь якутских коней, их седла, ружья и пистолеты богато инкрустированы. Причем не золотом, а серебром. И что вы, господин, скажете на то, что эта инкрустация, это серебро, уже набитое на седла, на упряжь или ружья, называется по-якутски... польским серебром?

- Чем это объяснить? - Мы не раз задумывались об этом. Самые старые старики говорят, что это уже очень давнее название. Может, кто-нибудь из ваших ученых этим заинтересуется? Запомните это себе. Может, вам, господин, удастся выбраться из этого адА. Хотя...

В голосе Потапова нотка печали...



- Хотя вам уже никогда не увидеть
Кракова!

Ах, этот вечный рефрен!

- Значит, мы находимся в стране якутов? - выпытываю я дальше.

- Не совсем. Не точно. На юг от нас, у реки с таким же названием, лежит поселок Биро-Лох. Это якутское название и означает: „Волчья вода”, „Волчья река”. „Лох” по-якутски это река, озеро, вообще вода - текущая или стоящая. А наша больница построена на речке Белик-Чан, вы же находитесь у речки Кадак-Чан, а это уже тунгусские названия. У тунгусов „chan” означает то же самое, что у якутов „loх” - вода, озеро. Здесь, в Белик-Чане, мы, собственно, на ничьей земле. С запада сюда проникают якутские кочевники, а с севера и с востока - тунгусские. До официальной границы якутской республики около 200 км.

Таков был мой первый и единственный разговор с якутом. Я понимаю, что если бы мы встретились на полгода позже, он не разговаривал бы со мной так откровенно. Спустя полгода поляк, привезенный прямо из Европы, сенсацией уже не стал бы.

... Позднее у меня еще не раз была возможность соприкоснуться с якутами.

Спустя несколько недель поодаль от кадак-чанской дороги на том месте тайги, который я рискну назвать поляной, расселись несколько НКВД-иных начальников и большая группа чиновников. Из чахлых зарослей деревьев появились якуты, ведущие табун лошадей. Комиссия осматривала их и оценивала. Тогда якуты в течение нескольких часов крутились по Кадак-Чану, а их лошадки притягивали взоры -

„польское серебро” на седлах! Потом они исчезли, растворились в тайге.

В другой раз я подсел на машину, которая везла целую группу якутов и мужчин. Как я понял из их слов, это была какая-то делегация, возвращавшаяся из Москвы. И среди них вид поляка вызвал волнение. Я спросил, знали ли они Потапова? Знали, покивали головами. Сказали, что умер. Туберкулез, болезнь, привезенная из Европы! Потом мне пришлось все-таки сойти с машины...

Наконец, я несколько раз видел классический якутский караван: шествие северных оленей - рениферов. Впереди запряженные парой оленей маленькие санки, чуть побольше тех, что для бобслея. На таких саночких сидит один человек или лежат два-три набитых мешка. Сзади этих санок привязана вторая пара оленей, они тянут следующие санки. Таким образом вьется цепочка из нескольких десятков санок, в сопровождении двух человек. За санками бежит свободно, без привязи, большое стадо оленей - для подмены в упряжках.

Когда караван прибывает на место стоянки, оленей пускают самостоятельно пасть. Людям и в голову не приходит заботиться об их прокорме. Олени сами разбегаются, раскапывают снег, добираются до мха. Грызут мох, объедают кору с деревьев, вот и весь их корм.

В далеких командировках рабочие, выходя на работу по строительству дорог, видят щедро разбросанные по твердому насту оленьи „бобы”. Это значит, что недавно тут проходил караван.

Иногда издалека слышны нежные, слабые звуки колокольчиков:



- Караван идет по реке, - говорят зэки.

Ибо вовсе не дорога, насыпанная год, два, ну три года тому назад, служит якутам шоссе, большаком и трактом. Дорога это слишком свежая выдумка. Трактом, большаком, шоссе служит якутам замерзшая река. На некоторых участках трасса только что насыпанной дороги проходит рядом с рекой; река извивается, делает самые невероятные повороты, дорога идет прямо, срезая эти повороты.

А якуты все же не используют более короткий путь - их упряжки быстрее несутся по льду замерзшей реки.

Тихие, далеко разносящиеся звуки колокольчиков издалека слышат люди, работающие на строительстве дороги. Опираясь на тонущие в сугробах снега деревянные лопаты и кирки, они вслушиваются:

Караван идет по реке!

В этих словах звенит черная меланхолия катарги...»

Как человек, работающий с документами, я посчитал себя обязанным ознакомить якутских ученых с описанием этой встречи. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что они увидели в этом важное документальное

свидетельство о жизни Серафима Григорьевича Потапова, обвиненного советской властью в националистических взглядах и политической деятельности против СССР и сосланного в колымские лагеря. Там он умер вскоре после того, как А. Краковецкий покинул проклятую Колыму. С.Г.Потапов в течение многих десятилетий советской власти в Якутии был вычеркнут из истории этого народа. А ведь его заслуги было величайшими. Он добивался уважительного отношения к якутской культуре, стремился защитить ее от уничтожения, заботился о развитии национальной литературы. Жизненная энергия толкала его на преодоление препятствий, возводимых по политическим мотивам. Он этому сопротивлялся и за это заплатил высочайшую цену. Поэтому напоминание об этой личности в связи с рассказом польского писателя А. Краковецкого свидетельствует, что источники никогда не пересыхают, именно таким источником служит для якутов запись беседы, которую вел С.Г.Потапов в лагере с представителем другой нации, подарившей якутам исследователя их культуры и автора монографии о ней - Вацлава Серошевского.

Антони Кучинский - (1938) доктор исторических наук, этнолог. Автор книг о польских исследователях истории и этнографии африканских и сибирских народов. Директор Центра исследования Востока Вроцлавского университета.

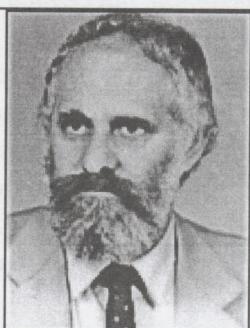


Фото - архив редакции

Варшавское метро в Москве

Интервью композитора Януша Стоклосы



ВАРШАВСКОЕ «МЕТРО» В МОСКВЕ

Интервью композитора Януша Стоклосы корреспонденту Русской Службы «Радио Полония» (Иновещания Польского Радио) Ирине Завише.

Композитор Януш Стоклоса и режиссер Януш Юзефович – люди в Польше известные и любимые. Их постановку «Метро» сегодня уже с полным правом можно назвать культовым явлением последнего десятилетия. Поставленный в 1991 году сначала на сцене Драматического театра в Варшаве, а затем перенесенный на подмостки музыкального театра «Буффо», спектакль заметно перерос рамки популярного театрального представления, от которого получаешь удовольствие только в момент сценического действия, а сразу же после выхода из зрительного зала мгновенно забываешь. Польские подростки впервые увидели на сцене не актеров, притворяющихся девчонками и мальчишками, а своих поющих и танцующих сверстников «с соседнего двора», таких знакомых, понятных, которые вдруг, в свете рампы, становились невероятно красивыми, необыкновенными, словом – избранниками судьбы. А история о молодых людях, которые собирались на станции метро и устраивали концерты для ждущих поезда пассажиров, история, в которой наивные мечты героев стать эстрадными звездами сталкивались с грубой реальностью и где перемешались нежность и насилие, одиночество и жажда славы, трогательность и жестокость, – была прямым попаданием в сердца тех, кому от 13 до 20. До сих пор мюзикл, созданный двумя Янушами – Стоклосой и Юзефовичем – собирает полные залы, и уже следующее поколение девочек пишет на стенах домов и в лифтах «Я люблю тебя, Роберт!» – так зовут главного героя спектакля. Сегодня зрители по-прежнему бросают на сцену цветы, но чаще почему-то – мягкие игрушки, пластмассовые сердечки, бисерные «фенечки», кулончики-талисманы. Вобщем, мюзикл «Метро» живет самостоятельной жизнью. И часть этой жизни переносится в Москву...

ЯНУШ СТОКЛОСА: «Я вернулся из Москвы всего несколько дней назад. Репетиции были очень интенсивными. Сейчас мы ненадолго их прервали и занимаемся подготовкой рекламной кампании. Премьеру планируем на 22 октября в Московском театре оперетты. Ну, а как получилось, что мы решили поставить «Метро» в Москве? У нас есть там прекрасный друг по имени Екатерина, мы называем её по-польски Касей, и она – очень крупный продюсер музыкальных спектаклей и концертных программ. Судьба свела нас 10 лет назад, еще во время



постановки «Метро» в Варшаве. Затем мы искали артистов для выступления с этим мюзиклом на Бродвее и объявили международный конкурс. Екатерина опять откликнулась и привезла из России очень талантливую молоденькую певицу, которую мы включили в нашу труппу. Потом мы вместе съездили в Нью-Йорк, подружились, много общались и в конце-концов Катя раскрыла нам свою мечту – во что бы то ни стало поставить «Метро» в Москве. Она нашла спонсоров, сцену, актеров. Нам оставалось только заняться постановкой. Надо сказать, что, благодаря Екатерине, с организационной и технической стороны мы с Янушем чувствуем себя в Москве в полной безопасности. Театральное производство у неё находится на очень высоком уровне».

- Текст, костюмы, имена героев, место действия – словом, вся атмосфера мюзикла «Метро» была преобразована, приблизилась к московским реалиям. Вы старались таким образом найти ключ к сердцам русских мальчиков и девочек?

- «Когда мы ставили мюзикл в Варшаве, старались сделать его подвижным, живым спектаклем, который постоянно преобразуется на протяжении своей истории. Ведь 10 лет – это большой срок, за который в Польше очень многое изменилось. В Варшаве идет очень современное и очень «польское» представление, которое просто невозможно в том же виде перенести в Россию, поскольку молодые люди в наших странах живут разными проблемами. Российских подростков вряд ли заденут за живое те вещи, которые вызывают радость, негодование, смех или слёзы у польской молодежи. Мы сразу же решили, что текст пьесы подвергнется более чем вольному переводу. Фактически от польского варианта сохранилась только драматическая конструкция. В московском «Метро» речь идет именно о московском метро, о юных москвичах и тех, кто ищет счастья в столице, о том, что волнует русских мальчиков и девочек. Для зрителей герои и место действия должны быть узнаваемы с первого взгляда, и на сцене будет то, что им хотелось бы увидеть и услышать. Но несмотря на переработанное почти не до неузнаваемости либретто, тексты зонгов – довольно точный поэтический перевод с польского. Таково было наше условие. Дело в том, что песенные тексты в «Метро» как бы не связаны с сюжетом. Они такие, скажем, абстрактно-философские... В них не должно быть словечек из молодежного сленга, того московского арго, на котором изъясняются столичные подростки и герои нашего спектакля».

- Может, стоит вспомнить историю создания этого спектакля в Польше, открывшего дорогу на эстраду многим нынче популярным в нашей стране певцам и актерам?

- «История мюзикла «Метро» содержит, на мой взгляд, несколько важных моментов. Во-первых, 10 лет назад молодежный мюзикл в Польше был явлением



новым и в некотором смысле необычным. Например, многим казалось странным, что мы с Юзефовичем отказались от профессиональных актеров. Продюсером и спонсором этого спектакля стал предприниматель Виктор Кубяк, человек, не имевший ранее к искусству никакого отношения. Он просто поверил в нас, а мы в него. Надо сказать, что в те не столь далекие времена производство театрального представления, сосредоточенное в руках одного частного лица, вызвало в Польше настоящую сенсацию. Получилось, что мы стали польскими пионерами идеи привлечения бизнесменов к финансированию спектаклей. Во-вторых, впервые на сцене такого уважаемого в Варшаве театра как Драматический появились артисты, не имевшие дипломов театральных вузов. Мы пригласили молодых людей на прослушивание. Некоторые из них участвовали в самодеятельности, учились в музыкальных школах, но строго говоря, все они были «людьми с улицы». Будущую труппу спектакля мы пригласили в курортную местность под Варшавой. Туда же пригласили специалистов, педагогов по вокалу, сценической речи, хореографов, сценическому мастерству. Режим занятий - 12-14 часов в сутки. В этом, как мы говорили, «трудовом лагере» будущие артисты должны были стать не только профессионалами, но и хорошей, сплоченной компанией, друзьями, единомышленниками. Вот так мы и жили коммуной почти год. Потом вернулись в Варшаву, репетировали ночами на сцене. За это время наш продюсер успел оснастить спектакль технически, и мы снова стали первыми, кто в театре применил лазерные эффекты. Сейчас – это норма, а тогда лазер, стереофония, – всё это было в новинку. Так что зрелищная сторона этого представления, созданная лучшими дизайнерами и ни в чем не уступившая западным стандартам, в то время буквально поразила польских зрителей. А все участники мюзикла «Метро» являются людьми неординарными. И думаю, что именно это главная причина того, что спектакль до сих пор жив».

- Как Вы считаете, российский вариант мюзикла «Метро» тоже имеет шансы вырастить из «людей с улицы» эстрадных звезд, или Вы пригласили в труппу профессионалов?

- «Я думаю, что если бы мы пригласили участвовать в этом спектакле только профессиональных артистов, вся его правда куда-то бы ушла... Но с другой стороны, по соображениям чисто техническим – у нас очень сжатые сроки подготовки спектакля – было невозможно ставить мюзикл с одними только любителями, ведь чтобы научить их театральной и музыкальной азбуке требуется время. Поэтому мы пошли на компромисс, и московская труппа «Метро» состоит наполовину из профессиональных актеров и музыкантов, уже известных русской публике, а наполовину – из талантливых ребят с этой самой пресловутой «улицы». Я пророчу этим молодым людям, почти еще детям, хорошее будущее. Это фантастически одаренные дети!»



- В интервью Информационному агентству Польского Радио Вы сказали, что участие в постановке «Метро» для юных россиян – это, по их отзывам, потрясающее приключение. А в Вашу жизнь постановка спектакля в Москве внесла что-то новое?

- «Должен признаться, что раньше я никогда в России не был. Единственное моё посещение (сейчас уже бывшего) Советского Союза было связано с фестивалем песни в Витебске. Так уж сложилось, что Россия, Москва, россияне были для меня одним большим вопросительным знаком. Хотя, конечно, я знал, что это страна великой культуры, великой классической музыки... И во время первого моего приезда в Москву я вдруг понял, что родился и вырос в ... очень маленькой стране! Я всегда думал, что Польша – крупное государство, с обширной территорией. Но оказалось, что масштабы России превзошли моё воображение. Я говорю об этом потому, что у русских людей оказалось совершенно иное мироощущение, во многом связанное с масштабами их страны. И вообще там другие мерки. Это касается всего – и того, что происходит вокруг, и того, что происходит внутри, в душах этих людей. Другие представления о многих вещах, другая культура быта, общения – всё другое! Я с удивлением обнаружил, что в Москве многие люди, с которыми нам приходилось беседовать, сначала смотрели на нас с таким... вежливым недоумением. Мы всё еще чувствовали себя в России пионерами современного мюзикла, а оказалось, что Москва – это город, который всё видел-перевидел. На московских сценах идут западные мюзиклы. Я был на нескольких спектаклях, мне они, честно говоря, не понравились, но главное, что мы оказались далеко не первыми. Получилось так, что вдруг приехали два поляка, собираются ставить мюзикл, а всем там известно, что Польша совсем не родина этого жанра. И было такое «ну-ка, посмотрим, посмотрим»... Чтобы установить контакт на том уровне, каком бы нам хотелось, настроится на одну волну с нашими артистами, пришлось очень много потрудиться. К счастью, это получилось. То есть, мы как бы получили право войти в их мир. Каждый день между нами и ребятами устанавливалась всё большая степень человеческого доверия, но огромной проблемой долгое время было нахождение такого эстетического ключа, который позволил бы раскрыть тайники души русских артистов – неважно, профессионалов или любителей. Это люди невероятно эмоциональные, впечатлительные, ранимые, но одновременно чрезвычайно требовательные, а порой просто капризные, у них многое зависит от настроения. Нам с Янушем надо было учиться переводу- нет, не с польского на русский, а такому способу общения, который позволял бы переводить одни ассоциации, словесные символы, понятия, на другие. Я понятно говорю? Ну, например, выяснилось, что русские актеры обожают шутки. Именно шутки помогают приходить им в рабочее состояние. Мы с Янушем Юзефовичем достигли в этом деле таких высот, что теперь достаточно одной фразы вроде :»Люди, ну не будьте вы хором Александрова!» И всем сразу всё ясно.»



- Не могли бы Вы, хотя бы на примере Москвы, рассказать о своих впечатлениях, о том, как по Вашему, обстоят дела с интересами людей в сфере, так скажем, нематериальной? Ведь у Вас была возможность наблюдать за жизнью москвичей...

«Вы затронули глубокую и сложную проблему. В Москве я поначалу сам порой задавал себе вопрос: стоит ли в ситуации, когда многим людям не хватает на самое необходимое, ставить такой дорогой спектакль, тратить большие деньги в общем-то на мишуру, декорации, зазывать цветными афишами людей на спектакль? Потом быстро пришел в себя и понял, что именно трудные обстоятельства в этой стране являются наиболее благоприятными для искусства. Я был очень приятно поражен узнав, что именно так думает большинство россиян, с которыми мне довелось общаться. Они тоже считают, что в стесненной материальной ситуации жизнь духа в начинает выходить на первый план. В Москве театры переполнены, все без исключения, буквально ни на один, даже рядовой спектакль невозможно достать билеты. В концертных залах, консерватории, филармонии – везде, где я был, – аншлаги. Я надеюсь, что наш спектакль тоже приобретет своего зрителя. И ни в коем случае на сцене не должно быть убого. Людям красота нужна всегда, но в трудные минуты – особенно...»

P.S. Недавно, в молодежной программе «Взгляд» на российском телеканале ОРТ, в двух выпусках подряд были сюжеты о том, как создавался московский спектакль «Метро». Юные журналисты вдохновенно рассказывали о необыкновенном зрелище, которое ждет москвичей, представляли молодых артистов с блестящими глазами, взахлеб рассказывающих о том, какое это счастье – попасть в труппу избранных и работать в спектакле «Метро». В обеих передачах странным образом ни разу не прозвучало имя автора музыки или режиссера-постановщика! Мне захотелось позвонить на ОРТ и выразить свое недоумение по этому поводу... Потом я подумала, что надо быть снисходительнее к здоровому юношескому эгоизму.

Интервью записывалось в августе, когда в Москве шли еще репетиции мюзикла «Метро». К моменту выхода этого номера из печати, волнения авторов и актеров спектакля по поводу предстоящей премьеры, скорее всего, будут уже позади...

Лешек Шаруга

Обзор литературной печати



Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕЧАТИ

В ежеквартальном журнале «Зешиты Литерацк» (Литературные тетради) (№ 67), выходящем в Париже с 1982 года одним из основателей и редакторов которого был Иосиф Бродский, опубликован чрезвычайно интересный очерк Эвы Беньковской «Урок изгнания»: Милош, Херлинг-Грудзинский. Автор пишет: «Густав Херлинг-Грудзинский оказался за пределами Польши в 1940 году, Чеслав Милош в 1951. Милош очень болезненно ощутил удел писателя-изгнанника; по поводу своего разрыва с польским коммунистическим режимом он опубликовал в парижской «Культуре» драматическое заявление под названием «Нет!». Милош говорит, что понимает сколь огромной опасности подвергает себя как поэт, обрывая связь с живым языком, обрекая себя на отсутствие читателя, отсутствие необходимого художнику отклика. По его словам, это все равно, что класть свои рукописи в дупло. Такая ситуация не только вызывает ощущение одиночества, но может привести к оскудению, омертвению языка – единственного инструмента писателя – что равносильно добровольному убийству художественного дара. Изгнание, эмиграция (не важно, по своей воле или вынужденная) для Милоша в начале его пути на чужбине отождествлялись с угрозой уничтожения. Угрозой, фактически уже отождествленной в момент своего возникновения. (...). Кажется, в кругах послевоенной

эмиграции он первым публично и с такой остротой затронул эту проблему (...). Долго не утихнут споры по этому поводу в среде польских писателей – эмигрантов. Многие (тихо или вслух) признаются что участь эмигранта – невыразимо тяжкий опыт, сказывающийся на здоровье их творчества (Виттлин, Лехонь...). Судьба эмигранта – важный мотив и в произведениях Херлинга-Грудзинского. «В своем шедевре, многотомном «Ночном дневнике», Херлинг не раз возвращается к положению изгнанника, политэмигранта. Не скрывая связанных с этим положением страданий и неудобств, он всегда подчеркивал, что они были ценой свободы – свободы мыслить, писать, действовать – и потому, принимались им безропотно. Думая о коллегах – литераторах на родине и о попавших в плен идеологического фанатизма западных интеллектуалах, Херлинг-Грудзинский пишет: «Многими бедами был отмечен мой путь изгнанника, бедами, о которых я предпочитаю умолчать, однако, его неизменно освещал свет свободы, которая является противоположностью страха, источником мужества и надежды, которая поддерживает в минуты слабости, доиста сносит всяческие барьеры, срывает любые тормоза». Оба писателя, утверждает Беньковская, по-разному сумели употребить эмигрантский опыт: опасности оказывались менее грозными, чем чудилось поначалу, а отдаленность позволяла соблюдать дистанцию –



преимущество, которое с наибольшей полнотой использовал в своих произведениях Витольд Гомбрович.

Очерк Беньковской вписывается в продолжающуюся уже более десяти лет дискуссию о функциях и роли эмигрантской литературы в формировании культурного самосознания национальной литературы. Эта дискуссия, в последнее время будто бы увядшая, похоже, вновь обретает былой пыл. Другое ее направление иллюстрирует блок материалов журнала «Зешиты Литерацке» («Литературные тетради»), посвященных Владимиру Набокову. Там мы находим «Стихи Федора Годунова-Чердынцева» в переводе Станислава Баранчака, «Решающий довод» - обсуждение Набоковым его собственных дневников, интервью, которое в 1968 году взял у писателя Пьер Доммерг, а также блестящее эссе Стенси Шифф «Гений и мадам Гений» о супружеской жизни автора «Лолиты», в котором мы, в частности, читаем: «Превращение четы Набоковых из иммигрантов в американцев длилось восемь лет. Пока Владимир не получил место в Корнельском университете, они существовали примерно так же, как в Берлине. Госпожа Набокова давала частные уроки французского лентяям, которых заставляли учить язык родители, желавшие помочь Набоковым и знавшие, что те не примут подаяния. (...) Где место Веры Набоковой в литературе? Везде и нигде. Ясно, что она была больше музой, чем моделью: над страницами книг витает скорее ее дух, нежели образ».

Желающим продолжить знакомство с писателями-эмигрантами, следует также обратить внимание на блок материалов,

публикуемых по случаю 30-й годовщины со дня смерти автора «Фердинурке» журналом «Творчество» (Творчество) (№ 7/99). Наибольший интерес среди более или менее обрывочных фрагментов писем Гомбровича и писем ему адресованных, представляет подборка цитат из романа Эрнесто Сабато «О героях и могилах», которые Гомбрович, читая этот роман, подчеркивал - они свидетельствуют о необычной чувствительности автора «Фердинурке» к философской и психологической материи. И вообще, читателью этой публикации открывается как бы неизвестный Гомбрович: динамичный, импульсивный, живо и остро реагирующий на окружающий мир и поведение близких ему людей. Заслуживает внимания также очень «личный» комментарий автора этой подборки цитат - Раймунда Калицкого: «Гомбрович был человеком неровным, не всякая его мысль заслуживает запоминания. Форму он держит чисто по-актерски: это не он, а актер в нем стоит с гордо поднятой головой. Актеры только частично живут для себя: они отдают себя другим, когда другие видят, что они им себя отдают». Уж, не начало ли это переоценки Гомбровича, столь необходимой сейчас польской литературе? Однозначно ответить трудно. Однако весь этот «гомбровичевский» набор несомненно может способствовать такой переоценке.

В польской литературной печати интересна не только эмигрантская тема. Лодзинский журнал «Тигель Культуры» (№ 1-3/99) приносит блок материалов посвященных польско-украинским отношениям. Особое место там занимает обсуждение присутствия «украинского



вопроса» на страницах парижской «Культуры». В очерке «Об истории 'Расстрелянного возрождения'» Хелена Страсбергер-Верхан пишет: «В 1948 году в «Культуре», вскоре после смерти Клена, появилась статья Леонида Кожоня «Украинские неоклассики-парнасцы». Это вообще была первая публикация журнала, посвященная украинской литературе. С этого момента «Расстрелянное возрождение» станет для «Культуры» своеобразной осью, вокруг которой добрых 30 лет будут вращаться все проблемы, споры и размышления, касающиеся украинской литературы. Сюда войдут многочисленные переводы стихов (в этой области будет безраздельно царить Юзеф Лободовский), а также разнообразные попытки общего историко-литературного анализа. Кроме Лободовского к сотрудничеству с «Культурой» будет привлечен целый ряд выдающихся деятелей украинской эмиграции, в том числе журналистов и ученых. Пожалуй, следует добавить, что круг подобных проблем обозначился уже в конце 70-х лет на страницах польских подпольных изданий - прежде всего в издававшемся в Люблине журнале «Спотканя», но также и в варшавском «Записе» и лодзинском «Пульсе», двух литературных журналах, которые с самого начала - по примеру парижской «Культуры» - уделяли очень много внимания культурным связям с соседями. Одной из целей такой политики было и есть преодоление укоренившихся стереотипов. О возможности их изменения в «Тигеле Культуры» пишет, ссылаясь на последние социологические исследования Ноэми Модницкая: «Что говорят о своем отношении к украинцам

представители разных поколений? Заметны ли сколько-нибудь значительные различия между младшим и старшим поколениями? Среди ответов на некоторые вопросы различия весьма существенны. Взять, например, отношение к приезду украинских туристов. Из поколения «детей» почти никто не видит к тому никаких противопоказаний, тогда как среди представителей старшего поколения 15 человек против этого возражают. Они это мотивируют, как правило, прошлыми переживаниями (своими или чужими). (...) Младшее поколение чаще выражает согласие на постоянное проживание украинцев в Польше, тогда как пожилые люди решительно против». Как мы видим, изменения налицо. Вероятно, в этом плане можно ожидать прогресса - в особенности, если будет продолжена начатая еще в эмиграции политика «Культуры», направленная - в частности с помощью литературного диалога - на взаимное сближение.

Очередной номер «Тигеля Культуры» (№ 4-6/99), озаглавленный «Божественность Сталина в свете новейших исследований», приносит несколько интересных эссе, в том числе очерк Тадеуша Любельского «Образ Сталина в польском кино». Любельский пишет, что фигура Сталина появлялась в циклах пропагандистских фильмов даже в 70-е и 80-е годы: «правда, он изображался уже без мифологического ореола, что было характерно для 40-х и 50-х годов, однако по-прежнему - как дальновидный политик и добродушный, симпатичный мужчина. На всякий случай, впрочем, Сталина показывали на заднем плане, дабы не придавать чрезмерного



значения его роли. Пример тому - фильм «До последней капли крови» (1978) Ежи Гофмана (по сценарию Збигнева Сафьяна). В сцене, воспроизводящей беседу Сталина с генералом Сикорским в Москве на рубеже ноября и декабря 1941 года, советский вождь изображен как откровенный и при этом - в отличие от польского премьера - твердый и знающий, чего он хочет, политик. Поразительно, что Сталина в фильме Гофмана сыграл грузинский актер Кабаладзе, игравший эту роль еще в сталинскую эпоху. (...) Еще раз он ее сыграл в фильме Богдана Порембы «Polonia Restituta» (1981)».

В том же номере журнала мы находим интересный материал, касающийся польско-российских литературных связей - переводы (выполненные Эльжбетой Зехентер-Славинской и Зофьей Дзехтярук) ранних стихотворений выдающегося польского прозаика Михала Хороманского (1904-1972), написанных в 1926 году по-русски, с которых фактически начинался его писательский путь. Как бы дополнением этого поэтического акцента служит поэма Малгожаты Кемпчинской «Марина Цветаева».

Это не единственные русские следы на страницах польской литературной печати. В ряде номеров познанского ежемесячного журнала «Аркуш» (последний № 9) опубликованы фрагменты «Русской кухни в изгнании» Петра Вайля и Александра Гениса в переводе Натальи Ворошильской - вещь необычайно полезная для польского читателя отчасти потому, что в ней много мягкого юмора и самоиронии - а в глазах среднестатистического поляка эти качества вовсе не обязательно

ассоциируются с русской литературой. Хотя должны бы, о чем свидетельствует, только что вышедшая в варшавском издательстве «Чительник», книга Асара Эппеля «Травяная улица» в переводе Ежи Чеха. В опубликованной в еженедельнике «Тыгодник Повшехны» (№ 40) рецензии на эту книгу критик Адам Поправа, пишет: «Проза Эппеля выдержана в неоднородной тональности. Мрачному изображению мира сопутствует отменный юмор. Яркая монотематичность сочетается с дотошным реализмом. (...) Многословность рассказчика прочно увязана с выверенностью конструкции. Ну и, что самое главное, всеобъемлющая ирония оказывается функцией абсолютной серьезности. Веди ирония скрывает и одновременно подчеркивает самый существенный вопрос: что делать с собственным прошлым - даже если бы оно было (а не есть) всего лишь прошлым места и прежних его обитателей, - если хочешь по возможности полно осмыслить настоящее? Экзистенциальная суть проблемы иногда проявляется косвенно, в сюжете рассказов, иногда - в событийной неопределенности (я имею в виду непосильную для читателя реконструкцию отсутствующих, однако явно подразумевающихся эпизодов). В других случаях опасная сложность проблемы выражена аллегорически (...) а порой и прямо». Уже эти два примера свидетельствуют о том, что после короткого периода невнимания, польские критики и издатели вновь стали пристально следить за тем, что происходит в русской литературе.